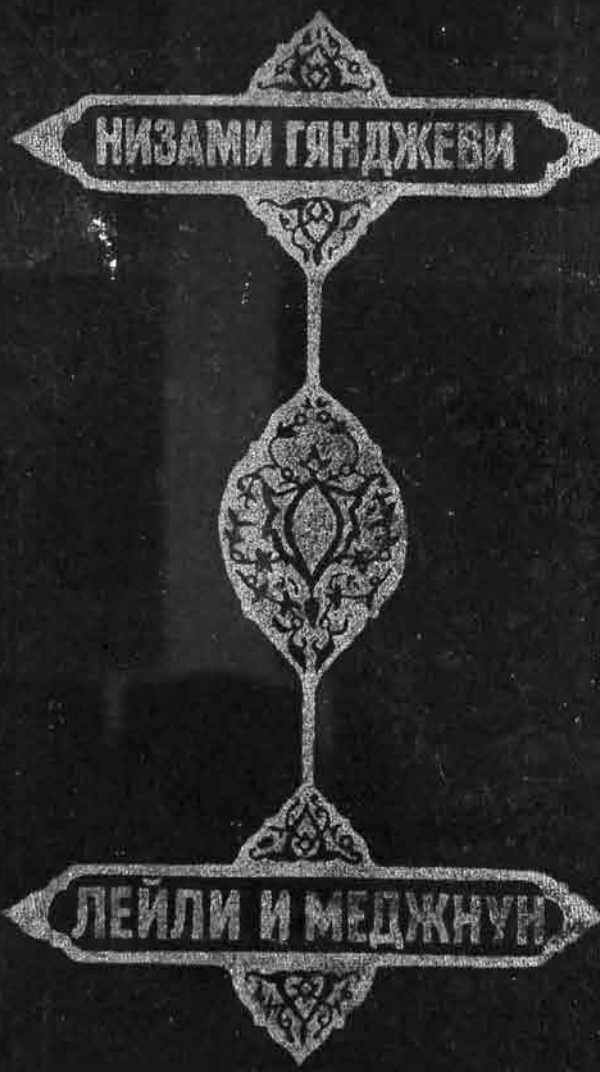

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

К 840-ЛЕТИЮ
НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХАМСЭ

СОКРОВИЩНИЦА ТАЙН
ХОСРОВ И ШИРИН
ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН
СЕМЬ КРАСАВИЦ
ИСКЕНДЕРНАМЕ

БАКУ — 1982

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Азербайджанская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ф. Ахундова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЯЗЫЧЫ»

2-572842

Поэтический перевод
АНАТОЛИЯ СТАРОСТИНА.Научный редактор, автор вступительной статьи
и комментариев проф. РУСТАМ АЛИЕВ

НИЗАМИ И ЕГО ПОЭМА «ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН»

Низами Гянджеви по праву занимает особое место в ряду титанов человеческой мысли. Его вклад в сокровищницу культуры, мировой поэтической классики поистине бесценен.

Творчество Низами сыграло ни с чем не сравнимую роль в становлении и дальнейшем развитии философской и художественной мысли, социально-этических гуманистических воззрений всех народов Ближнего и Среднего Востока — турков, иранцев, курдов, афганцев, арабов и др.

Вот уже на протяжении восьми веков каждое новое поколение воспринимает творения Низами как художественное явление, присущее современности. Его наследие служит неисчерпаемым источником вдохновения для поэтов, писателей, художников, музыкантов, философов. Великая заслуга Низами в том, что он впервые привнес в поэзию и искусство проблемы, непосредственно связанные с благоденствием и счастьем каждой отдельно взятой личности, а также всего человеческого общества в целом. Это одна из причин того, что многие выдающиеся поэты и мыслители последующих эпох разрабатывали темы, впервые выдвинутые Низами, шли по проложенному им пути, считали своим долгом внести вклад в развитие его гуманистических идей. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что поэты — представители различных народов Среднего и Ближнего Востока — написали на темы, затронутые Низами, более тысячи произведений, бесчисленные назидания (подражания). Достаточно вспомнить «Пятерницу» и отдельные поэмы выдающегося индийского поэта Хосрова Дехлеви (1253—1325), крупнейшего таджикско-персидского мастера изящной словесности Абдурахмана Джами (1414—1492), гениального узбекского поэта Алишера Навои (1444—1501), одного из творцов азербайджанского художественного языка, автора поэмы о Лейли и Меджнуне — Физули.

Каждое последующее поколение читателей Низами открывало для себя все новые грани его замечательного таланта. Из века в век расширялась и продолжает расширяться сфера духовного воздействия Низами, растет круг его читателей, умножается число поэтов, писателей, художников, музыкантов и представителей других видов искусства, обращающихся к творчеству Низами, к неисчерпаемой сокровищнице его необъятного наследия. Это прежде

всего обусловлено тем, что великий поэт и мыслитель отобразил такие человеческие думы и чаяния, такие непреходящие чувства и движения души, которые извечны, которые всегда будут волновать людей, в какую бы эпоху им ни выпало жить.

Вклад, который внес Низами своим творчеством в развитие этической, эстетической, художественной и философской мысли, огромен. Оценивая его, надо иметь в виду, что поэт жил и творил в век безраздельного господства религиозного фанатизма и феодального засилья, в век, когда женщина была лишена почти всех гражданских и человеческих прав. Низами вопреки господствовавшим воззрениям и канонам впервые смело обожествил прекрасный мир чистых и возвышенных стремлений человеческой души, вдохновенно воспел самоотверженную бескорыстную любовь. Тем самым Низами предвосхитил Данте, Петрарку, Шекспира, Пушкина и создал бессмертный тип красоты, внутреннему благородству, уму и преданности женщины, закреплённой в феодальном обществе, провозгласил естественность, законность и свободу ее чувств. Поэт убедительно показал, что каждый человек, независимо от пола, религиозных убеждений и склада мышления, — это целый неповторимый мир, микрокосмос, несущий в себе неисчерпаемые возможности духовного развития. Именно поэтому образы Ширин и Аслим, Фархад и Меджнуна, Нушабе и Искандера близки и понятны многим поколениям читателей.

Низами жил и творил в XII веке, в эпоху, необычайно богатую событиями, сыгравшими важную роль в истории азербайджанского народа, унаследовавшую богатую культуру античного мира и мусульманского Востока. В состав Арабского халифата в то время входили многочисленные народы Ближнего и Среднего Востока, Африки и Испании, и все они в той или иной степени сыграли свою роль в создании богатейшей и синкретической мусульманской культуры, развитии науки и искусства. Это была эпоха, когда Азербайджан играл роль одного из важнейших культурных и экономических центров Востока.

Как известно, Сельджукская империя была создана в середине XII века огузско-туркскими племенами, сыгравшими значительную роль в формировании этнического состава азербайджанского народа. В дальнейшем эта империя распалась на многочисленные самостоятельные княжества, постоянно враждовавшие между собой. Эти княжества управлялись атабеками — «отцами-воспитателями», опекунами сельджукских султанов. В середине XII в. один из азербайджанских атабеков, выдающийся государственный деятель и полководец Шамс ад-Дин Ил Дениз объединил под своей властью почти все эти разрозненные княжества и создал мощное государственное образование с центром в Азербайджане. Города Гянджа и Нахичеван стали в то время не только столицами атабеков Азербайджана, но и крупнейшими культурными и торговыми центрами Ближнего и Среднего Востока.

В период расцвета государств атабеков широкое развитие получили экономические связи с Россией, Византией, Китаем, Индией, Африкой, Арабским Востоком. Со всех концов мусульманского мира знаменитые поэты и писатели, ученые, зодчие, художники начали стекаться в Азербайджан,

где процветали науки, искусство, поэзия. Несмотря на стихийное бедствие — землетрясение, которое незадолго до рождения Низами, в сентябре 1139 г. почти полностью разрушило Гянджу и унесло около трехсот тысяч жизней, город был быстро восстановлен и превратился в один из процветающих экономических и культурных центров. Третьим по величине (после Гянджи и Нахичевана) центром этого региона стал Ширван, которым управляли ширваншахи. Ширванское шахство, хотя номинально и входило в состав государства атабеков, но фактически вело самостоятельную политику и поддерживало тесные экономические и дипломатические связи с Грузией. Так, дочь знаменитого грузинского царя Давида Строителя (ум. в 1125) Гямар была женой ширваншаха Манучихра III (1106—1160) и матерью знаменитого ширваншаха Ахсатана I (1160—1196), по просьбе которого Низами написал одну из своих лучших поэм — «Лейли и Меджнун».

Благодаря искусной внешней политике и возросшему могуществу атабеков в Азербайджане со второй половины и до конца XII века царил относительно мир, наступил период, когда народ мог заниматься созидательным трудом.

В этот период в стране кроме широко известных городов — Гянджи, Ардебайла, Ширвана (Шемахи), Тебриза, Байлакана, Барды, Баку, Шамхора, в которых жили сотни тысяч жителей, существовали десятки других городов с населением от 30 до 100—150 тысяч человек. Рост городов повлек за собой переход к оседлой жизни огромной массы кочевников, бурное развитие ремесел и начавшееся расслоение городского населения.

В городах быстро развивались текстильное, металлообрабатывающее, гончарное и другие ремесла, находившиеся на высоком для того времени уровне, которого Европа сумела достичь примерно лишь в начале XVI в. Ремесленники в городах объединялись в цеха, среди них постепенно происходила имущественная дифференциация. Владельцы мастерских, мастера и подмастерья стояли уже на разных ступенях общественной лестницы.

Особо привилегированный слой городского населения Азербайджана в этот период составляло купечество, в руках которого сосредоточились огромные богатства. Азербайджанские купцы вели обширную торговлю со многими странами Востока и Запада.

Отмечается и подъем сельского хозяйства. Страна, основу земледелия которой составляло искусственное орошение, была покрыта сетью наземных и подземных каналов; ежегодно возводились новые дамбы, рылись тысячи кязиров и колодцев; сооружались подземные галереи большой протяженности. Росла и сама культура земледелия, что способствовало ежегодному приросту сельскохозяйственной продукции.

В стране происходили также большие перемены и в социальном плане. К середине XII века рабский труд уже не играл никакой роли в общественном производстве. Развитие феодализма и феодальных производственных отношений шагнуло так далеко вперед, что уже начался процесс исхода крестьянства в город.

Другим показателем социальных сдвигов был процесс «обуржуазивания» самих феодалов. Крупные землевладельцы покидали свои замки и втя-

гинались в городскую жизнь. К этому их побуждала постоянная нужда в денежных средствах и услугах ремесленников и купцов, составлявших основное ядро городского населения. Феодалы и владельцы крупных наделов, проживавшие в городах, образовали особый класс «земско-городской знати», как их называл И. П. Петрушевский. Они начинали сами заниматься торговлей и в скором времени уже оказывались связанными «не только с местной торговлей, но и с транзитной караванной торговлей».

Большие изменения происходят и в общественно-культурной жизни, идеологии тогдашнего феодального общества. Как известно, к началу XII века ортодоксальный ислам, господствовавший над всеми общественными институтами и ослеплявший тогдашний социально-экономический строй, неоднократно подвергался критике со стороны многочисленных учений, провозглашенных передовыми мыслителями и философами, поэтами и писателями, теософами и религиозными реформаторами.

Философские учения Халладжа и Ибн-Сины, Хайама и Насира Хосрова, система образного мышления Фалаки Ширвани, Хагани, Байлакани, Абу-л-Ала Гинджев, возращение различных религиозных сект, проникновение во все сферы идеологической жизни самого распространенного в то время учения — суфизма и введение его в рамки официального ислама Мухаммедом Газаали — все это ярко свидетельствует о постепенном ослаблении феодальной идеологии и зарождении новых религиозных и социальных концепций.

Таким образом, в Азербайджане и сопредельных странах в период домонгольского нашествия развитие феодальных отношений достигло весьма высокого уровня и была создана почва для появления основ последующей, более высокой социально-экономической формации. Однако этому не было суждено сбыться из-за нашествия монголов, которое на несколько столетий приостановило поступательное развитие общества.

Другим важным событием описываемого периода, которое, на наш взгляд, во многом предопределило дальнейший ход развития истории, были крестовые походы, столкнувшие два почти изолированных до этого друг от друга мира — Европу, которая тогда только начинала вступать на путь культурного развития, и Азию, многие народы которой, обладая уже тысячелетним историческим опытом, достигли к тому времени выдающихся успехов на поприще науки и культуры. В ходе крестовых походов, захватив Иерусалим и другие города Палестины и Сирии, крестоносцы основали свои государства, распределив захваченные земли между рыцарями-феодалами. Следует отметить, что европейцы очень быстро вступили в контакт с верховной местной населения и, как сообщают источники, вскоре «христовы воины», приехавшие освобождать «святую землю», установили широкие торговые связи с мусульманскими купцами и состоятельными слоями населения. В результате общения с Востоком, продолжавшегося более 170 лет, европейцы вывели с собой не только много награбленного золота, серебра, шелка, драгоценных тканей, ковров, произведений искусства, но и новую культуру градостроительства, земледелия, ремесленного производства. Нет сомнения, что почерпнутая на Востоке культура в значительной степени способствова-

ла ускорению общего исторического процесса развития Европы. Если нашествие монголов на страны Средней Азии и Кавказа надолго задержало из дальнейшего прогресс, то крестовые походы, наоборот, несомненно ускорили социально-экономическое и культурное развитие Европы. Монгольское нашествие и крестовые походы способствовали тому, что Азия и Европа как бы поменялись историческими ролями.

Бурный культурный и экономический подъем в домонгольский период обусловил и изменения в эстетических вкусах и духовных потребностях людей. В эту эпоху были созданы все предпосылки, которые впоследствии породили эпоху Возрождения (Ренессанс) в Европе. Ренессанс означал освобождение личности, ее внутреннего мира, помыслов от гнета религиозных предрассудков, признание ее независимости от господства сверхъестественных сил. В искусстве и поэзии это нашло выражение в обращении к внутреннему миру отдельного человека, личности. Ярким доказательством того, что в области духовной жизни все предпосылки для Ренессанса были полностью созданы в Азербайджане, может служить творчество Низами. В его замечательных творениях впервые нашли свое выражение и совершенное художественное воплощение проснувшийся интерес к человеческой личности и гуманизм, которые составляют основное содержание Ренессанса. Ко времени вступления Низами на литературную арену в результате вышеуказанных исторических и культурных факторов постепенно изживало себя стремление к созданию таких монументальных эпических, как «Шах-наме» («Книга царей») Фирдоуси, в которых главными героями выступали история, судьба, правители, а народ являлся лишь исполнителем их воли. Многие художники слова уже начали сознавать, что прошло время подражания «Книге царей», что ее герои неизбежно должны уступить место на исторической сцене.

Низами одним из первых осознал эту истину. Обладая гениальным даром предвидения, он понял, что требования и вкусы века изменились. Теперь, чтобы идти в ногу со временем, удовлетворить запросы читателей, нужны были «слова о страсти».

Поэт поставил перед собой задачу: сделать героем своих произведений личность, раскрыть внутренний мир человека во всей его сложности, передать столкновение вечног разума человека и вечног его души. Говоря словами самого Низами, он решил «страсть заместить со сладостной приправой для всех отравленных любовною отравой». И это ему блестяще удалось. Он «с такой ясностью явил страсть, что все пристрастившиеся к ней припали к стихам» его. В произведениях Низами уже не события и судьба властвуют над человеком, подавляют его, а, наоборот, желания человека способны изменить ход событий.

Творчество Низами знаменовало собой коренное обновление тематики поэзии последующих веков. Раскрепощение личности, освобождение ее воли от диктата религии и религиозных предрассудков, стройная теория гуманизма — все это неотъемлемые черты бессмертной поэзии Низами.

Надо сказать, что судьба многих поэтов средневекового Востока была нелегкой. Для того, чтобы добывать хлеб насущный, они вынуждены были

служить при дворах царей и правителей, продавать свой талант сильным мира сего, которые зачастую были неспособны оценить их поэтическое мастерство. Официальная власть в ту эпоху для восхваления и прославления правящей династии, а также для религиозной пропаганды использовала в основном служителей культа, мечети. Этой же цели должны были служить произведения талантливых поэтов того времени. Шахи, султаны, эмиры держали при своих дворах даже специальный штат поэтов во главе с «царем поэтов» (малик уш-шура). Придворные поэты должны были всесторонне воспевать, восхвалять и утверждать несуществующие доблести государя. При этом придворные поэты не останавливались перед самыми фантастическими преувеличениями и прямым вымыслом. Придворная поэзия всегда, во все времена служила основным рупором, главным идеологическим оружием господствовавшей власти. Вся деятельность придворных поэтов преследовала лишь одну цель — услужить царю, воспеть его могущество и блеск. «И это, — писал крупнейший теоретик литературы XII в. Низами Арузи, — одно из условий служения царю: быть с ним заодно и в правде, и во лжи и поддерживать правоту его дела». Обобщая опыт придворной поэзии, Арузи так определял ее социальную функцию: «Наиболее совершенная задача и самое превосходное назначение стиха — это увековечение имени властителя». Для достижения этой цели поэзия должна была прибегать к любым средствам, не останавливаясь перед грубым искажением действительности. Для придворных поэтов сама поэзия была своеобразным искусством «малое обрабатывать в великое, а великое — в малое, красивое облачать в безобразные одежды, а безобразное представлять в красивом обличье» (Низами Арузи. Четыре беседы).

Ложь, вошедшая в обычай, и беззащитный панегирик привели к отрыву от реальной жизни, признанию абсолютной самоценности художественной формы. Поэт, стремившийся занять прочное место при дворе, должен был оттачивать свое словесное мастерство, довести до филигранного совершенства внешнюю поэтическую форму. И чем уродливее и неправдоподобнее была ложь, которую поэты вкладывали в содержание стиха, тем ярче, пышнее, изощреннее должно было быть его внешнее убранство. Кредо придворной поэзии того времени было сформулировано другим крупным теоретиком XII—XIII вв. Афуи: «Если соединить медь лжи с золотом стиха и расплавить их в горне духа мудрецов, то медь сольется с золотом и прецель стиха победит мерзость лжи».

Крупнейшие поэты Средней Азии и Ирана в эпоху Низами группировались в основном при дворе атабеков. Такие выдающиеся азербайджанские поэты, как Абу-л-Ала Гияджи, Хагани, Фалаки, Иззадин Ширвани составляли ширванскую придворную поэтическую плеяду. В Гяндже при дворе атабеков жили и творили крупнейшие азербайджанские мастера художественного слова Муджиреддин Байлакани, ал-Устад Абу-Бакр, сын Хосрова, Захирaddin Шамкури, а также знаменитые поэты из Средней Азии и Ирана — Асирaddin Ахсикам, Захирaddin Фарйаби, Ашхари Нишабури и др.

Ширванская плеяда поэтов во главе с Хагани и знаменитые гянджинские поэты создали новую школу, ознаменовавшую возникновение так назы-

ваемого «азербайджанского стиля» в персоязычной литературе. Находясь в таком окружении, было нелегко изменить канонам, узаконенным властью и эстетически утвержденным практикой поэзии того времени. Это требовало от поэта немало гражданского мужества и, конечно, исключительного таланта.

Низами обладал этими качествами. Он был истинным поэтом, творцом нового и глашатаям непреходящих общечеловеческих идей, создававшим всю ответственность своей миссии. Поэт в понимании Низами — это пророк, учитель народа, его поэтическое слово должно служить утверждению истины, справедливости, источником красоты и мудрости. Поэтому Низами категорически отказался от служения царям и сильным мира сего. И в поэме «Лейли и Меджнун» в специальной главе «Отказ от служения царям» поэт во весь голос заявил:

О жалованье царском позабудь,
Бродягою — слугою царя не будь.
С царем общенье бедами богато,
Он как огонь, а ты — сухая пата!
Он полон света, но, чтобы не сжег,
От этого огня ты будь далек!

Низами родился в августе 1140 года в Гяндже. Полное имя его — Ильяс, сын Юсуфа, сына Муайяда. Низами — его поэтический псевдоним, что значит «наизывающий слог». Отец Низами, видимо, принадлежал к средним слоям городского населения и жил в достатке. Он дал своему сыну блестящее и разностороннее образование. Благодаря своим редким способностям и трудолюбию Низами быстро постиг основы тогдашней науки. В круг его познаний входили философия (античная, индийская, и мусульманская), история, богословие, математика, медицина, астрономия и другие науки. Поэт владел в совершенстве персидским и арабским языками. В одном из своих произведений он пишет: «Ясность мыслей моей — от источников знания. Все науки познав, я добился признания» («Нексер-наме»).

Однако настоящее признание Низами обрел на литературном поприще. Этому, несомненно, способствовало то, что поэт хорошо знал историю арабской и персидской литературы, в совершенстве постиг основы поэтики. Еще в юношеские годы Низами стал пробовать свои силы в поэзии. Громадное дарование и энциклопедические познаниянискали молодому Ильясу большую популярность. Его нежные лирические газели распевали и заучивали наизусть во многих городах не только Азербайджана, но и Средней Азии, и Ирана. Перед поэтом открывалась возможность блестящей карьеры при дворе какого-нибудь властителя. Однако сам он, не желая потерять драгоценную свободу, решительно отказался от придворной службы. Всю жизнь он жил своим трудом, порой терпел лишения, но это не сломило его воли и силы духа.

В 1173 г. поэт создал свою первую поэму «Сокровищница тайн». Поэма эта принадлежит к числу дидактических произведений. На Востоке поэмы такого рода известны еще со времен Рудаки, однако поэма Низами как по содержанию, так и по форме явилась совершенно новым явлением в литературе того времени. Она состоит из двадцати бесед (глав), где философские рассуждения и поучения переплетаются с наизящными притчами, иллюстрирующими мысли автора.

Поэт высказывает прогрессивные идеи: призывает властителей заботиться о подданных, не обременять их тяжелыми поборами, творить добро, не жить в бессмысленной роскоши, не пускаться на ветер народные достояния, ибо в противном случае их неизбежно постигнет небесная кара.

Низами отправил свою поэму Фахр-ад-Дину Бахрам-шаху, правителю Эрзинджана в Малой Азии. Хотя поэт особых даров за свой труд не получила, поэма сразу же обратила на себя внимание знатоков и любителей поэзии.

Правитель Дербента Дарий Музаффар ад-Дин в 1170 г. послал поэту гордую кипчакскую рабыню по имени Афак, которую ему не удалось покорить, сделать украшением своего гарема. Однако Афак вступила в дом поэта не как рабыня и наложница. Поэт принял ее как жену; Афак тоже нежно полюбила поэта. Вскоре она умерла, оставив после себя малолетнего сына Мухаммеда. Образ любимой жены никогда не покидал поэта. С целью увековечить ее имя Низами создал поэму «Хосров и Ширин», которая произвела настоящий переворот в литературе того времени.

Эта поэма — величественный гимн любви. В ней поэт воспел страстную, но чистую любовь гордой и умной красавицы Ширин к иранскому принцу Хосрову. В начале поэмы Хосров — безвольный юноша, ставший превше всего жизненные утех. Однако затем под благотворным влиянием любви Ширин он меняется, становится гуманным правителем, заботящимся о своих подданных, ведет скромный образ жизни, как бы воплощая в себе те черты, которые должны быть присущи, по мнению поэта, идеальному венецосу.

Поэма принесла поэту заслуженную славу. Она быстро завоевала популярность на всем Ближнем и Среднем Востоке. Поэма была благосклонно принята и при дворе. Однако материальное положение Низами не улучшилось. К тому времени почти все его близкие и родные скончались. Единственно омрачала жизнь поэта.

Но житейские тяготы не могли заглушить его творческого вдохновения. Низами пишет новую поэму — «Лейли и Меджнун», которую завершает осенью 1188 г. «За нею последовали еще две поэмы — «Семь красавиц» и «Искендер-наме» («Книга об Александре»). В этих поэмах, составивших бессмертную «Пятерницу» («Хамсе»), Низами с огромной художественной силой воплотил свои общественные идеалы, выразил чаяния и мечты своего народа.

Умер Низами в 1201 г. в своем родном городе Гяндже, где его могила и поныне служит местом паломничества.

□ □ □

Возникновение печальной повести о Меджнуне и Лейли относится к глубокой древности. Предание о их любви, первоначально сложившееся на арабской почве, получило в дальнейшем широкое распространение на всем мусульманском Востоке среди многих народов. Легенда эта со временем обрела права гражданства в Иране, Средней Азии, Азербайджане. Образы Меджнуна и Лейли вдохновляли воображение многих поэтов, однако впервые за серьезную поэтическую разработку этой темы взялся Низами Гянджеви, бессмертное творение которого осталось непревзойденным.

Поэма Низами несколько не устарела — ее с живым интересом читают во всем мире на протяжении уже восьми столетий. Секрет ее неуывающей молодости в том, что великий художник изобразил такие непреходящие человеческие чувства, мечты и чаяния, которые всегда будут волновать людские сердца.

Мы видим, что круг читателей Низами непрерывно ширится, из года в год умножается число поэтов, писателей, художников, композиторов, черпающих вдохновение из неистощимой сокровищницы его духовного наследия.

Заметим, что Низами жил раньше Шекспира и начал создавать свои бессмертные произведения за четыреста лет до рождения последнего. Низами задолго до создания «Ромео и Джульетты» заявил миру о том, что нет на свете повести печальней, чем повесть о Меджнуне и Лейли. Воспев идеальную чистоту, возвышенные человеческие чувства, Низами тем самым в художественной форме обосновал свое учение о возвышенной, благородной, самоотверженной любви, которое в дальнейшем получило развитие в европейской литературе XIX века. Основной принцип этого учения, которое входит в концепцию гуманизма Низами, заключается в том, что подлинно любящий человек может и должен принести в жертву своим чувствам лишь «самого себя, но не других, что даже ради соединения с любимой он не имеет морального права причинять зло кому-нибудь другому, иными словами, что свое счастье нельзя строить на несчастье других людей, что блаженство, добытое ценой чьих-либо страданий, рано или поздно отравляет и обесценивает саму любовь. Как видим, эта самоотверженная любовь, воспетая Низами, не имеет ничего общего ни с античной, ни с мусульманской, ни с христианской этикой, так же, как и с рыцарской любовью. Кредо героев Низами сводится к следующему: если человек любит другого, то он должен стремиться только к счастью любимого, к тому, чтобы видеть только в нем источник своего счастья.

История создания поэмы «Лейли и Меджнун» такова. В 1181 г. Низами закончил свою знаменитую поэму «Хосров и Ширин» и посвятил ее Джахан-Пахлавану (ум. в 1186 г.). Поэма взбудоражила правителей и царей, соперничавших в ту пору с атабеками. Именно этим обстоятельством объясняется то, что в 1188 г. ширваншах Ахсатан I (1160—1198), который ненавидел атабеков и все тюркское и постоянно враждовал с Джахан-Пахлаваном и Кызыл-Арсланом (1186—1191), отправил специального гонца к под-

ту в Гянджу с заказом написать в его честь новую поэму. Ширваншах, желая войти в историю, писал поэту:

Любовь Меджнуна вспомянув, должны ты
Создать нам жемчуг редкой чистоты.

Убор персидский здесь, арабский к месту —
Вот и укрась им юную невесту.

Изящных бейтов я секреты знаю
И старые от новых отличаю.

Ты высшей пробы золото мне дай,
Дешевый сплав ты в дело не пускай.

Ларец жемчужин ты сумеи открыть
И знай, на чью ты их нанизешь нить!

Нрав тюркский не проникнет к нам под кров,
Не надо нам тюркоподобных слов.

Тот, кто ведет от славных предков род,—
Он от поэта слов высоких ждет!

Здесь следует обратить внимание на выражение «Нрав тюркский не проникнет к нам под кров. Не надо нам тюркоподобных слов», «Тюркоподобные слова» на языке Ахсатана и его окружения означало слова «грубые», «неотесанные», «низкого пошиба» и т. д.

Среди биографов Низами и литературоведов велись дискуссии по поводу этих строк. Основываясь на приведенном двустишии «убранством персидским и арабским украсил бы эту юную невесту», некоторые авторы утверждают, что Низами собирался писать поэму на тюркском языке, а Ахсатан I как бы запретил ему это делать. Но это не слишком убедительно, ибо кто же запретил Низами написать по-тюркски остальные свои поэмы? Другие исследователи (В. Дастгирди и Е. Э. Бертельс) считают, что Ахсатан намекает на известную легенду о султане Махмуде и поэте Фирдоуси, которому султан («неотесанный тюрком») якобы не заплатил обещанной награды за эпос «Шах-наме». Однако наиболее вероятно, что ширваншах прежде всего хотел унизить своих заклятых врагов — Мухаммеда Джахан-Пахлавана, Кызыл-Арслана и других атабеков.

Дело в том, что Низами тоже была обещана награда за поэму «Хосров и Ширин», но, к сожалению, Джахан-Пахлаван постоянно находился в походах, и по вине его чиновников поэт ничего не получил.

Ширваншаху было хорошо известно, что поэма «Хосров и Ширин» при дворе атабеков «была принята с большим сердечным одобрением. Пообещали столько имен и богатств, что поверить в это было невозможно. Много ненарезанных тюков китайского шелка, много мускуса... а также (много) хутальских коней...». Но ширваншах знал и то, что «задержалось» выполнение обещаний, вьючное животное пало, а вьюк застрял, обещавший унес свои пожитки (т. е. умер) и оставил несжатым засеянное поле».

Возводивший свой род к древнеиранской династии Сасанидов, кичивший своим происхождением и ненавидевший тюрков, Ахсатан I решил воспользоваться этим обстоятельством и выместить злобу на своих политических противниках.

Думается, что вышеприведенными словами Ахсатан говорил поэту: «Мы высокородные цари и исполняем свое обещание, мы верны своим словам и не поступаем так, как поступили низкородные тюрки—султан Махмуд по отношению к Фирдоуси и атабеки Джахан-Пахлаван и Кызыл-Арслан по отношению к тебе. Поэтому и ты выбирай подобающие нашему высокому роду «высокие», а не «грубые», «неотесанные», «тюркоподобные» слова.

Надо думать, что письмо Ахсатана I глубоко задело поэта:

Мне в ухо вдето шахское кольцо —
И мне тревога залила лицо.

Нет сил, чтоб от задачи отказаться,
Нет зоркости, чтоб к цели мне добраться.

Уступив уговорам любимого сына, Низами, затаив обиду, в течение четырех месяцев создал свой шедевр, поэму «Лейли и Меджнун»:

Еще четвертый месяц не прошел—
Я свой рассказ уже к концу привел.

Четыре с лишним тысячи я смог
Сложить двустиший за короткий срок.

Закончил бы в четырнадцать я дней,
Коль не было б помех руке моей.

Как отмечалось, предание о Лейли и Меджнуне, возникшее первоначально на арабской почве, впоследствии распространилось по всему мусульманскому Востоку и со временем обросло множеством наслоений. Надо думать, что Низами при создании поэмы исходил в основном не из фольклорных версий предания, а из письменных источников, которые до XIII века существовали только на арабском языке. Низами для создания своей поэмы, по-видимому, пользовался такими источниками, в которых эта тема была детально разработана.

История о Лейли и Меджнуне зародилась в конце VII—начале VIII в. н. э. среди североарабских племен бедуинов. Письменное оформление этого предания относится к началу X в. Основными письменными источниками легенды о Лейли и Меджнуне, которыми мог пользоваться Низами, являются «Трактат о поэзии и поэтах» Ибн Кутейбы (ум. в 889 г.), «Книга песен» Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (ум. в 967 г.) и донимая популярная на Востоке «Повесть о Меджнуне», составленная Абу-Бекром ал-Валиди (XI в.).

Содержание ранней повести о Лейли и Меджнуне во всех вышеуказанных источниках почти одинаково. В Северной Аравии жил одаренный юноша

из племени Амир по имени Кейс ибн-ал-Мулавах (по другим вариантам — Кейс ибн-Муад или Махди ибн-Муад и т. д.). Юноша этот с детства страстно прилепился к девушке из своего племени — Лейли, с которой он вместе нас верблюжат. Лейли также нежно полюбила Кейса. Влюбленные часто встречались, и Кейс читал ей свои стихи, в которых описывал свои возвышенные чувства и красоту Лейли.

Судьба, однако, оказалась неблагоприятна к влюбленным. Отец Лейли отказался выдать дочь за Кейса. Кейс удалился в пустыню и стал жить там среди зверей, слагая прекрасные стихи о своей любви и возлюбленной. Он получил прозвище «Меджнуна», что значит «безумный», «одержимый». Родители насильно увезли его в Мекку, желая там исцелить его. Но Меджну, случайно услышав имя Лейли, опять впал в безумие. В священном храме Каабе он молил бога не исцелить его, а, наоборот, усилить его любовь к Лейли. Порвав с родными и своим племенем, Меджну удалился в пустыню.

Услышав о прекрасных стихах и любви Меджнуна, некий Науфал (Новфал) ибн Мусахик старается помочь ему, но безуспешно. Отец Лейли выдает ее замуж за богача, однако Лейли удаётся оградить себя от притязаний мужа и сохранить целомудрие. От горестей и разочарования муж Лейли заболевает и умирает. Вскоре умирает и Лейли, разлученная со своим любимым. Меджну, узнав о смерти Лейли, приходит на ее могилу и умирает там.

В легенде имеется ряд дополнительных эпизодов, возникших позднее основного сюжета. Наиболее популярны из них следующие. Меджну в пустыне случайно встречает охотника, поймавшего газель. Глаза газели напоминают Меджну глаза Лейли, и он, отдав охотнику свою одежду, освобождает газель, которая становится неразлучным другом Меджнуна. Другой эпизод рассказывает о том, как Меджну встречается со старухой, которая ведет на цепи человека, притворяющегося сумасшедшим, — эти несчастные таким способом зарабатывают себе на пропитание. Меджну убеждает старуху посадить на цепь его самого, чтобы ему таким образом повидаться с Лейли. Часто встречаются также в тексте беседы Меджнуна с воронем и другими птицами.

Оформившись к началу XI в., история о Меджну и Лейли приобрела отчетливые черты законченной драматической повести. Могучее перо Низами превратило эту повесть в одну из прекраснейших эпических драм мировой литературы.

Характерной особенностью двух сюжетных линий поэм Низами «Хосров и Ширин» и «Лейли и Меджну» является искусное переплетение и взаимодействие эпического и лирического элементов, органическое сочетание двух начал. Эпическое повествование зачастую приобретает выраженный драматический характер, а изложение действия сопровождается лирическими монологами героев, дидактическими поучениями и другими отступлениями, которые даются от имени самого поэта.

В «Лейли и Меджну» эти элементы сочетаются еще более органично, чем в «Хосрове и Ширин». Конфликт повествования начинается и завер-

шается в трагических коллизиях, в столкновении естественных человеческих стремлений, чувств с суровыми законами окружающей действительности. Для Меджнуна и Лейли любовь — это естественное состояние, в атмосфере любви им легко и свободно дышится и живет. Но такая чистая и возвышенная любовь чужда и непонятна окружающим, она противоречит священной воле веками и традициями укладу мусульманского Востока.

Поэтому душевные стремления героев неизбежно приходят в столкновение не только с существующими законами и обычаями, но и с их собственными понятиями о долге. Этот внутренний и внешний конфликт лежит в основе сюжета поэмы.

Центральным образом в поэме является образ Меджнуна. Поэт показывает, как постепенно возрастает его любовь к Лейли, превращается во всепоглощающее чувство и приводит в конце концов к его гибели. Автор знакомит читателя с родословием Меджнуна. Мы узнаем, что отец его «сланейший между шейхов восточных, праведный человек. Но жизнь его омрачает отсутствие сына-наследника. Лишь после того, как отец раздарил немалую часть своего богатства и провел несколько лет в молитвах, аллах вознаграждает его — жена родила ему сына, названного Кейсом. Мальчик с детских лет выделяется своей красотой, способностями, исключительной чувствительностью. Необыкновенный склад его души поэт приписывает влиянию сверхъестественных сил. Способность Кейса к необычайно сильным чувствам, по мнению автора, является следствием воли рока. Однако в дальнейшем мы видим, что сам Низами показывает, что любовь — неотъемлемое, естественное чувство, свойственное человеческой природе.

Пламенная, необыкновенная любовь Меджнуна делает его изгоем среди своих соплеменников. За ним с криками бегут дети на улицах, на него показывают пальцами на базаре, его преследует толпа. Окружающие требуют в один голос, чтобы он перестал думать о Лейли и прозаниматься ее имя. Тогда Меджну по утрам начинает убегать в пустыню, а вечером, когда «дурные глаза сомкнутся», пробирается на улицу своей возлюбленной, упинаясь тем воздухом, которым дышит она, и только поздней ночью, измученный, возвращается домой. А рано утром он опять уходит в степь, где можно воспользоваться дуновением утреннего ветра, чтобы послать Лейли свои любовные послания, где можно свободно произносить имя Лейли, слагать в ее честь газели и оплакивать свою горькую судьбу.

Отец Меджнуна хочет спасти сына и отправляется к отцу Лейли, чтобы посватать ее за сына, но, увы, слишком поздно. Отец Лейли, этот уваженный среди соплеменников старец, храбрый и смелый воин, олицетворяющий «священных традиций», не может согласиться «запятнать свою честь», «очернить свою седую бороду», выдать замуж свою дочь за «умащенного», за «одержимого нечистой силой». Он считает, что Меджну осквернил себя среди своих соплеменников своими любовными стихами, унижал мужскую честь, так иступленно полюбил женщину. Интересно сопоставить сюжет «Лейли и Меджнуна» с сюжетом «Ромео и Джульетты», как это делает акад. И. Ю. Крачковский. Если в «Ромео и Джульетте» родители порицают влюбленных за недовольную любовь, то в «Лейли и Меджну» общественное мнение и родители осуждают любовь вообще. Господствовавшие религиозно-

атические представления того времени были именно таковы, какими изображает их Низами.

Исцелить Меджнуна от любви, которую все считают безумием, уже невозможно. Любовь к Лейли — естественное и необходимейшее условие его жизни. Понятно, почему Меджун, узнав об ответе родителей Лейли, приходит в отчаяние. Он попал в заколдованный круг. Из этого круга нет выхода, не потому, что он слаб, а потому, как считают некоторые критики, а потому, что Меджун сам этого не хочет. Зачем он должен исцелиться от любви к Лейли, в которой заключен смысл его существования? Меджун любит и уважает своих родителей, его терзает сознание того, что он огорчает отца и мать, что он не оправдал их надежд. Постоянная внутренняя борьба подтачивает его силы, но в этой борьбе чувство любви побеждает.

Осознав это, Меджун уже не может жить среди своих сородичей. Он порывает с обществом и убегает в пустыню. Это — кульминация трагедии. Никакие события в дальнейшем уже не могут изменить судьбу Меджуна. Он решительно и бесповоротно порывает все узы, связывающие его с окружающей действительностью, сбрасывает с себя ярмо условностей. Не желая жить в обществе людей, он убегает в пустыню, к диким зверям.

Этот бунт Меджуна против современного ему общества напоминает в какой-то степени позднейший романтический бунт байроновских героев, бегущих от варварства цивилизованной жизни к дикарям на лоно природы. Меджун не находит счастья среди людей, их низменных интересов, он становится безумцем от бесчеловечности современного ему общества.

Но, в отличие от байроновских героев, Меджун не питает к людям ненависти и презрения, ибо понимает, что зло, причиняемое ему людьми, есть следствие их невежества. Единственное утешение для него — дружба с животными. Отметим, что Низами очень реалистичен в толковании данных эпизодов. Если последующие поэты, обращавшиеся к той же теме, дружбу Меджуна с дикими животными объясняли вмешательством сверхъестественных сил, говоря, что то были не звери, а ангелы в образе животных, то Низами в трогательной дружбе Меджуна с животными не видит ничего необычного. Меджун кормит животных той пищей, которую ему удается добыть, а они за это оберегают его от опасности. Здесь Низами еще раз противопоставляет естественный мир зверей, воздающих добром за добро, искусственному миру людей, ставящих преграды на пути тех, кто стремится к любви и добру.

Родители Меджуна делают последнюю попытку: отец насильно увозит его в Мекку. Но он и там молится не об «исцелении», а, наоборот, просит бога сделать его любовь к Лейли еще более страстной и безграничной. Родители убеждаются в бесполезности своих стараний и больше не трогают его.

Услышав о трагической участи Меджуна, правитель одного из арабских племен по имени Науфал знакомится с ним. Проникшись симпатией к Меджуну, он идет войной против племени Лейли. Однако в разгар боя сам Меджун желает удачи племени Лейли и сражается на стороне ее сородичей. Тогда Науфал отказывается от своего намерения, и у Меджуна исчезает последняя надежда на соединение с любимой, очтавшийся Меджун

непоследовательно упрекает Науфала в невыполнении обещания — это еще более подчеркивает внутреннюю борьбу, происходящую в Меджуне. Его стремление соединиться с Лейли вступает в противоречие с его же возвышенной любовью к ней. Меджун не хочет, не может причинить зло никому из тех, кто близок к любимой. Но в то же время он и не может совсем отказаться от своего стремления к ней. Эта неразрешимая трагическая коллизия в конце концов становится причиной его гибели.

Родители Лейли против ее воли отдают ее замуж за богатого юношу по имени Ибн-Салам. Вест об этом усугубляет отчаяние Меджуна. Он рыдает, стонет, не зная сна и пищи, беспрестанно слагает и поет газели о своей любви, которые любители поэзии собирают и записывают. Постепенно созданный воображением поэтический образ вытесняет живую Лейли из его сознания — он живет только мечтой о ней. Когда Лейли умирает, Меджун, узнав о ее смерти, приходит на ее могилу и тоже умирает там.

Образ Лейли — одно из лучших, законченных созданий пера Низами. Этот образ написан живо, рельефно, с любовью. Наряду с традиционными внешними чертами, характерными для восточных красавиц, у Низами мы видим и достаточно четко обозначенные индивидуальные черты, с помощью которых создается запоминающийся, пленительный образ.

Лейли — красавица, дочь знатного человека. Жизнь ее обещала быть легкой и спокойной — ее выдали бы замуж за какого-нибудь сына шейха, она родила бы множество детей и умерла бы, не испытав никаких тревожностей. Но судьба сулила ей иное. Лейли встретила с Кейсом, привязалась к нему, вта привязанность превратилась в настоящую любовь. И вот, без этой любви Лейли уже не может жить. Но она на собственном горьком опыте убеждается, что ей нельзя любить. Любовь женщины — это тяжкий грех, позорное преступление против родителей, против соплеменников, против самой себя. Женщина — это товар, который можно продавать и покупать. Именно, на таком языке идет разговор между обоими родителями во время сватовства в главе «Отец Меджуна отправляется сватать Лейли». Этот разговор во всем напоминает диалог двух купцов.

Так же, как и у Меджуна, чувства Лейли вступают в противоречие с ее долгом. Однако она, убедившись в том, что ей не полагается иметь своих желаний и чувств, не ропщет против этой несправедливости, не уходит, как Меджун, в горы. Ее рабское положение кажется ей если и не естественным, то во всяком случае необходимым — так уже заведено истари и другого не дано. Раз ты женщина, то твой долг — беспрекословное исполнение воли сначала отца, а затем мужа. В доме отца она обязана беречь свое целомудрие, не выходить из дому, опасаться чужих взглядов. Начинается тяжелейшая внутренняя борьба. Любовь толкает Лейли на рискованный шаг: она назначает тайное свидание Меджуну. Но в решительный момент понятия о чести, долге, женском стыде удерживают ее. Когда Меджуну приходит к ней, она убегает и скрывается в шатре.

Внушенное воспитанием понятие долга заставляет Лейли отказываться от стремления соединиться с любимым. Когда ей приказывают не встречаться

с Меджиуном, она безропотно выполняет этот приказ. Когда ее выдают замуж за незнакомого человека, она тоже повинуется. И все же победа внешних понятий о долге оказывается чисто внешней. Пусть, повинуясь воле отца, Лейла избегает встреч с Меджиуном, но она не может перестать любить его. Выйдя замуж, выполнив волю отца, она все время тайне вспоминает о Меджиуне, мечтает о несбыточном, предается сладостному любовному томлению.

Лейла кажется, что она страдает больше, чем Меджиун. Меджиун — свободный мужчина, он пользуется теми правами, которых она, как женщина, лишена. Когда Меджиун уже не в силах жить среди своих соплеменников, он покидает общество, уходит в пустыню к зверям, ставит себя вне законов человеческого общества. Положение Лейлы совсем иное. Если бы она и захотела, как Меджиун, бежать в пустыню, окружающие не допустили бы этого. Тот же отец, который по-своему очень любил свое единственное дитя, не задумываясь, убил бы Лейлу в этом случае.

Если Меджиун среди зверей делает все, что ему хочется: вслух мечтает о своей возлюбленной, изливает свои горести, слагает и поет газели в честь Лейлы, то последней приходится скрывать свои чувства от людских взоров, притворяться, не высказывая внешне своих страданий. От этого муки ее еще нестерпимей. Эту разницу в положении влюбленных поэт раскрывает очень точно, с большой художественной убедительностью.

Поведение Лейлы, помнящей о своей любви и остающейся ей верной, является само по себе настоящим подвигом. В первую брачную ночь, когда Ибн-Салам хочет заключить свою жемчу в объятия, Лейла не дает ему прикоснуться к себе и в дальнейшем сохраняет верность любимому, с которым разлучена судьбой. Но жестокая внутренняя борьба подтачивает ее силы, и Лейла в конце концов умирает. Осенью, когда тлеют, затухают последние слабые искорки жизни в природе, Лейла тихо угасает, благословляя родителей, с именем Меджиуна на устах.

Образ Лейлы — прекраснейший женский образ, созданный Низами, одна из лучших жемчужин мировой поэзии.

Существенную роль в трагедии играют отец Лейлы и отец Меджиуна. Если Меджиун и Лейла олицетворяют вечные, истинно человеческие начала, то отец Меджиуна, как и отец Лейлы, — типичные представители своего времени, своей среды, ограниченной кругом условностей.

Отец Лейлы и отец Меджиуна роднит одна общая характерная черта. Они оба — живое олицетворение традиций, созданных их предками и освященных веками. Они слепо придерживаются раз и навсегда установленных догм, создавая, что всякое нарушение их будет подрывом самих основ их существования и авторитета. Отец Лейлы и отец Меджиуна по-своему добры и справедливы. Они желают для своих детей только счастья, но это счастье они понимают по-своему.

Собственные поступки и чувства, дедовские традиции служат для них единственным мерилом при оценке поступков и чувств других людей. Когда они обнаруживают, что чувства их детей не такие, как у их отцов, они сразу решают, что их детям грозит опасность и бедствия, которые не только по-

губят их, но — главное! — опозорят все племя, их род. И вот отцы, не жалея сил, «спасают» своих детей, свою честь и доброе имя. Они даже не догадываются, что в этом «спасении» заключается гибель для их детей, а вместе с тем и гибель их надежд. Так ничего и не поняв, сетуя на волю рока, они губят и детей, и самих себя...

Большое внимание уделяет Низами образу Науфала. Это справедливый, разумный правитель, примеру которого, по замыслу автора, должны следовать все венециосцы. Бегло, но с большой поэтической силой очерчен образ Ибн-Салама, мужа Лейлы. Он очень богат, знатен, умен, красив, учтив и смел; он — вместилище всех добродетелей и доблестей, любая семья с радостью готова породниться с ним. Но у него нет того внутреннего совершенства, благородства, которые возвышают Меджиуна над сородичами. Ибн-Салам, увидев Лейлу, влюбляется в нее, но он любит ее не так, как Меджиун. Ему нет никакого дела до ее души. Поэтому и отношение поэта к нему явно отрицательное.

Вся система образов поэмы Низами подчинена одной цели — раскрытию ее идейного содержания. Той же цели служит и композиционное построение поэмы. Конечно, Низами не мог не отдать дань традиции. Прежде чем перейти к изложению поэмы, он пишет ряд вступлений. Сначала следуют главы, посвященные восхвалению Аллаха и пророка, затем идет обращение к ширваншаху. После этих вступительных глав, ставших ко времени Низами обязательным литературным канонem, идут главы, посвящающие характер дидактических и философских отступлений: «Об отказе от служения царям», «О том, что нельзя терпеть гнет», «О радости служения народу» и другие. Хотя эти главы не имеют прямого отношения к самой теме поэмы, они приобретают важное значение при изучении творчества и мировоззрения поэта. Далее излагается история написания поэмы.

Самая поэма разделена на небольшие главы. Изложение событий построено по хронологическому принципу. Однако автор часто параллельно касается в разных главах событий, связанных в одних случаях с Лейлой, в других — с Меджиуном. Поэма изобилует лирическими и философскими отступлениями, размышлениями о жизни, поэтическом творчестве, общественных обязанностях человека и т. д.

Почти каждый из вступительных разделов поэмы, за исключением тех, в которых содержится традиционные словословия бога, пророка и пр., начинается с обращения поэта к виночерпию («ашпинку») с просьбой дать ему «чистое вино», «живительный напиток», чтобы он утопил свое горе, свои страдания в нем, чтобы он «погрузился в забвение». Эти обращения служат средством усиления эмоционального настроя повествования. В других разделах поэмы эти обращения к виночерпию находятся в конце, обрамляя лирические или же философские отступления. Так, каждый раздел вступления где поэт вспоминает об усопших родственниках и близких, завершается этими обращениями к виночерпию, придающими рассказу поэта особую выразительность.

События в поэме развертываются постепенно, неторопливо; как мы указывали, изложение то и дело перемежается авторскими отступлениями.

лирическими монологами, письмами Лейли и Меджнуна друг к другу и т. п. И тем не менее, поэма до предела насыщена драматизмом. Поэт мастерски использует богатый арсенал изобразительных средств восточной поэзии — оригинальные поэтические сравнения, эпитеты, метафоры, неожиданные гиперболы. Все эти образные средства художественного поэтического выражения служат всестороннему раскрытию содержания.

Условный поэтический язык лирической поэзии у Низами приобретает небывалую яркость и выразительность. Так, например, в главе о замужестве Лейли поэт сравнивает ее с «рубином», а ее мужа Ибн-Салама — с «камнем», называет ее «сокровищем», а его — «змеем», ее — «дуной», а его — «драконом». Эти в общем-то традиционные сравнения помогают глубже раскрыть мысль автора, яснее представить положение, в котором оказалась Лейли: она прекрасна, как рубин, но, подобно тому, как рубин заключен в камень (горючую породу), Лейли томится в неволе у неслюбимого Ибн-Салама; ее краса бесценна, как сокровище, но ее, как сокровище, сторожит змей — ненавистный муж и т. д.

Описывая встречу Ибн-Салама с Лейли, поэт называет ее «свечой», а его «ветром». Опять-таки это сравнение, само по себе не отличающееся оригинальностью, здесь помогает с большой поэтической силой раскрыть характеры героев, их взаимоотношения¹. Поэт при помощи данного образа показывает, что Ибн-Салам и Лейли абсолютно противоположны друг другу, исключают друг друга, ибо когда ветер стремится к свече, он тушит ее. Таким образом, читателю сразу становится ясным, к каким печальным результатам приведет женитьба Ибн-Салама на Лейли.

Очень интересен часто встречающийся в поэме прием гиперболизации явлений; гиперболы Низами всегда гармонично входят в художественную ткань произведения. В совершенстве владеет поэт и искусством метафоры, причем для своих метафор он нередко берет самые обыденные, простые предметы, явления из повседневной жизни, поэтизирует и одушевляет их.

Одним из излюбленных художественных приемов поэта является цепь параллельных контрастных образов, сопоставлений, противопоставлений, вариаций, при помощи которых он блестяще передает состояние и характер своих героев. Таково, например, описание встречи двух влюбленных в главе «Меджуну отправляется на встречу с Лейли».

Низами — один из величайших мастеров пейзажа в восточной литературе. В поэме можно найти великолепные описания смены дня и ночи, лета и осени, пейзажи, рисующие выжженные аравийским солнцем пустыни, цветущие сады и поля. Особенно запоминается описание прихода осени, умирания природы в главе, где говорится о смерти Лейли. Эта сцена написана с такой поэтической силой, что оставляет необычайно яркое, почти зрительное впечатление.

¹ Кроме того, тут присутствует и игра слов: олову «хава» по-персидски означает и «ветер», и «страсть».

Низами использует все семантические возможности слова, все его значения и оттенки, нередко при этом создавая головоломки, трудные для понимания и особенно для передачи средствами другого языка. Поэма написана в форме месневи, то есть парно рифмованными стихами, размером хазадж. Этот размер очень плавен и обладает большим ритмическим разнообразием. Его можно читать и в ускоренном, и в замедленном темпе в зависимости от характера и логического развития повествования.

Низами в «Лейли и Меджнун» с гениальным мастерством показал тончайшие движения человеческой души, передал звучание струн человеческого сердца, обрисовал страсти и высокие чувства, борьбу и столкновение светлых человеческих стремлений с жестокими законами мрачной средневековой действительности.

Поэма «Лейли и Меджун» Низами вызвала к жизни целый ряд одноименных поэм, в той или иной степени близких ей по содержанию. Видное место среди них занимают творения Навои (XV в.) и Физули (XVI в.).

Подлинное изучение Низами в нашей стране началось после установления Советской власти. К 800-летию со дня рождения поэта был осуществлен невиданный по своим масштабам план мероприятий по увековечению памяти поэта, всестороннему изучению и широкой популяризации его творческого наследия.

Впервые были собраны старейшие рукописи сочинений Низами, опубликованы тексты, воспроизводящие состояние произведений Низами в конце XIV в., написано значительное количество монографий, статей, эссе о жизни и творчестве поэта, переведены полностью или частично на азербайджанский, русский и другие языки все его дошедшие до нас произведения.

Образы героев Низами были увековечены в живописи, скульптуре, мозаике, в балетном и оперном искусстве. Труды А. Е. Крымского, Е. Э. Бертельса, И. Ю. Крачковского, М. Рафики, А. Ализаде, Г. Арасам и других ученых щедро пролили свет на жизнь, эпоху, творчество великого поэта. Особо следует отметить написанную впоследствии фундаментальную монографию З. М. Буниятова «Государство атабеков Азербайджана», в которой ярко воссоздана общая картина исторических событий, общественной и культурной жизни той эпохи.

Исключительно ценную работу проделали и видные иранские ученые Вахид Дастгирди и Саид Нафиси. Высокообразованный, великолепно знавший классическую культуру мусульманского Востока, образную систему персоязычного и арабского мышления, стилистику и стихосложение, В. Дастгирди впервые осознал необходимость тщательной работы по восстановлению поэтического наследия Низами. В сороковых годах нынешнего века он опубликовала собрание сочинений поэта на основе 30 рукописей, снабдив текст своими комментариями.

Однако издание В. Дастгирди было осуществлено по традиционному методу, без учета современных требований текстологической науки, без фиксации разночтений. Именно это обстоятельство заставило советских ученых под руководством члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса с уча-

стием академика АН Азербайджанской ССР А. А. Ализаде вновь обратиться к подготовке научно-критического текста «Пятирицы» Низами. В период, предшествовавший юбилею поэта, была создана комиссия, которая собрала старейшие рукописи «Пятирицы» и отдельных ее поэм, были подготовлены и опубликованы их научно-критические тексты.

Надо отметить, что старейшие списки, находившиеся в распоряжении ученых-текстологов, были переписаны во второй половине XIV в., то есть почти через двести лет после создания поэм «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун» и др. Как известно, текст классических памятников сплошь и рядом подвергался искажениям, которые начинались еще при жизни автора, с момента переписки и размножения его сочинений. Это хорошо знали сами поэты и писатели того времени. Как метко замечает один из них, «персидский текст после третьей переписки превращается в арабский».

Искажение текстов происходило в таком широком масштабе, что это вызвало в средневековой литературе появление специального жанра — авторского обращения, которое адресовалось переписчикам. Классические образцы подобных обращений содержат азербайджанский и персидский «Диваны» Фиаули. «О господи, — говорил поэт, — храни и оберегай в крепости своей эту прекрасную... красавицу (книгу)... от всех злодеев, а особенно от трех разрядов гнусных людей. Во-первых, от того дурного писца, круглого невежды, чье дурное перо является ломом, разрушающим здание просвещения, а перо, наводящее тоску, служит зодчим, воздвигающим здание глупостей. Он то одной точкой превращает «любовь» в «мучение», то изменив одну букву, из «блага» создает «бедствие»¹.

Пусть отсохнут руки писца, который разрушает
Благоустроенный храм науки и просвещения!..» —

восклицает поэт.

Поэтому, несмотря на значительный объем работы, проделанной азербайджанскими текстологами, проблема восстановления подлинных текстов, вышедших из-под пера Низами, не была тогда полностью решена. Отсутствие достоверных, древних списков сочинений Низами, слабое состояние текстологической науки, некомпетентность большинства составителей в области классической филологии, требующей от текстолога прекрасного знания литературы на персидском, арабском и тюркском языках, правил стилистики и стихосложения, теософии, истории, географии и т. д. — все это привело к тому, что уровень чистоты текстов произведений Низами, опубликованных у нас, оказался ниже, чем в издании Вахида Дастири. Этот факт предопределил, естественно, и характер поэтических переводов произведений Низами на азербайджанский, русский и другие языки — в них тексты перешли все

ошибки оригинала. Отсутствие научно достоверных текстов произведений поэта, внесение в них на протяжении восьми веков дополнений, интерполяций, изменений, переделок породило, в частности, путаницу в средневековых и современных источниках, освещавших биографию поэта. Для иллюстрации сказанного можно привести такой пример.

Как упоминалось выше, Низами родился в древней столице Аррана городе Гяндже. Он там вырос, жил почти безвыездно и умер там. Однако слава поэта впоследствии стала так велика, что многие города стремились приписать себе его происхождение. Именно на этой почве возникла пресловутая легенда о том, что Низами якобы родился в священном городе Куме, расположенном на расстоянии ста пятидесяти километров к югу от Тегерана, где похоронена «непорочная дева» — сестра имама Рзы.

Впервые эта легенда сообщается в историко-литературной хронике «Хуласат-ал-Ахбар ва Зубдат ал-ас'ар» («Квинтэссенция известных и слышаных стихов») Таки ад-Дина Авхади, который закончил свое сочинение в 1606/7 гг. Авхади пишет: «Родом он был из области Кума, но родился он в Гяндже».

Как доказали В. Дастири, Е. Э. Бертельс и С. Нафиси, эта легенда возникла у Авхади на основе двух бейтов, внесенных в текст «Икбал-наме» после XIX в. патристами города Кума и поклонниками Низами. Здесь я привожу подлинный текст Низами:

Низами, открой замок сокровищницы,
До каких пор и доколь ты будешь пленником
Гянджи (сокровищницы)?
Вложи, если ты уложила какую-нибудь дичь,
Пускай в хождение, если накопила сокровищницу.

Текстолог, знакомый с искусством Низами, который выжимал из слова все его возможности, подобно ювелиру, который отшлифовывал все грани алмаза, сразу заметит, что поэт здесь обыгрывает этимологическое и лексическое значения слова «Гянджа», которое обозначает «сокровищница». Если перевести на общепонятный язык смысл этих двустиший, то он таков: «До каких пор ты будешь оберегать сокровищницу мыслей в этом городе-Сокровищнице? Покажи всем, если ты поймал в этом море мыслей редкую дичь, улов (образ), сделай доступным всем людям всю сокровищницу утонченных истин, которую ты накопил». Подтекст же двустишия повторяет излюбленную жалобу-сравнение Низами: «До каких пор ты будешь пленником Гянджи-Сокровищницы, вырвись из нее на арену мира».

Однако позднейшие переписчики вставили следующие двустишия между цитируемыми бейтами:

Подобно жемчужине, я затерян в море Гяндже,
Но я из Кухистана, города Кума.
В Тафрише есть деревья по имени Та.
Низами оттуда стал искателем (славною) имени.

¹ Фи а у л и. Избранное, Азербейр, 1958, с. 46.

В этих четырех интерполированных строках содержится несколько вопиющих ошибок. Во-первых, «моря Гинджи» никогда не существовало и, следовательно, не было и почвы для поэтического сравнения, развернутой метафоры. Во-вторых, слово «Кухистан» в персидских текстах, тем более, в поэтических, всегда писалось через букву «кяф» а не «каф», как это мы видим в арабизированной форме этого персидского слова. В-третьих, город Кум не имел никакой области, пригорода или округа под названием Кухистан, ибо, как это известно любому географу, «Кухистан, арабизированная форма Кухистана, — область (вилайет) в Хорасане»¹. В-четвертых, Табриш — округ, который тоже не имеет никакого отношения к городу Куму, ибо он расположен на западе Ирана, в районе города Саве. В-пятых, до XIV в. название Табриш писалось не через «маикута», а через «та-и муалафа», а буква «ф» через «б» — Табриш. Для доказательства можно сослаться на стихотворение, приведенное в знаменитой исторической хронике Раванди «Рахат ас-Судур» («Услада сердец»), написанной в 1202 г. и принадлежащей перу поэта Шамс ад-Дина Лазари. Жалуясь на кровавые деяния исмаилитов-ассасинов поэт пишет:

«Государь, место батинитов («скрытых») — это Кум, Кашан, Абе и Табраш». Следует заметить, что Табраш дальше рифмуется со словом аташ («огонь»). Наконец, как показал сравнение текста «Икбал-наме», опубликованного В. Дастгирди, и исследования С. Нафиси, ни в одном из древнейших списков поэмы таких строк нет!

Таким образом, беспочвенность указанной легенды очевидна. Мы привели этот пример для иллюстрации трудностей, стоящих перед исследователями, работающими над восстановлением первоначального текста поэм Низами. Приведем еще примеры, на этот раз из «Лейли и Меджнуна».

Низами сначала написал саму поэму, а затем уже оформил ее соответствующим образом. присовокупив к ней традиционное славословие Аллаха, пророка, панегирик ширваншаху Ахсатану, биографические сведения и несколько назидательных глав. Именно в процессе написания этих славословий и дидактических глав поэт произвел подсчет количества строк поэмы, о чем специально упоминал в следующих стихах:

Четыре с лишним тысячи я слою
Сложить двустиший за короткий срок.

Как явствует из этого прямого указания поэта, он завершил свою поэму, которая состояла из четырех с лишним тысяч бейтов. Это значит, что всего в поэме было четыре тысячи и тридцать, пятьдесят или самое большее сто двустиший.

Однако во всех изданиях, опубликованных до Вахида Дастгирди, количество бейтов доходило до пяти тысяч трехсот. Впервые на это обратил внимание сам В. Дастгирди. Глубокий знаток стилистики, он сразу заметил,

что целые эпизоды добавлены к поэме позднейшими переписчиками или редакторами. Тысяча шестьдесят строк — это целая поэма!

Такие добавления в ту пору были в большой моде. Интерполяции и дополнения, внесенные на протяжении многих веков в тексты восточных авторов, являются главным источником многочисленных недоразумений и ложных толкований, а иногда и весьма печальной славы, которая надолго закрепилась за крупными мастерами поэтического слова. Дело в том, что авторитет и популярность выдающихся поэтов служили гарантией успеха приписываемых им произведений начинающих или малоизвестных поэтов и писателей. Известный историк и географ X века Ал-Мас'уди вот что пишет о знаменитом арабском писателе ал-Джахизе: «Рассказывал Абу-Усман... ал-Джахиз, что сочинил он бывало книгу, богатую мыслями, красивую словом, и приписет ее себе,—но не видно, чтобы ее хотели слушать или желали бы ее иметь. А затем сочинит другую книгу, худшую и менее поучительную, и припишет ее Абдаллаху ибн ал-Мукаффе или Сахаю ибн Харуну или кому-нибудь другому из предшественников, имена которых известны как имена писателей, и все заявляют на нее спрос и спешат переписать ее, — и только из-за того, что она написана одним из предшественников писателей, а также из-за того, что в душе людей этого века таится зависть к автору, который является их современником».

Именно желанием малоизвестных поэтов обеспечить успех своим произведениям, прикрывшись именами великих и признанных авторов, можно объяснить происхождение акалоушений в текст «Шах-наме» Фирдоуси, «Куллият» Сади и т. д.

Кроме того, имена и слава выдающихся мастеров слова часто служили якорем спасения для вольнодумцев и инакомыслящих поэтов и философов, создававших и распространявших произведения, содержание которых шло вразрез с учением ортодоксального ислама и было, таким образом, направлено против догматов тогдашней действительности. Именно этим можно объяснить возникновение многочисленных антиклерикальных и богоборческих, бунтарских, вольнолюбивых четверостиший, которые создавались под именем заклейменного мусульманским духовенством Омара Хайяма.

Иногда эти отрывки, искусно введенные в художественную ткань тех или иных произведений крупных поэтов, в какой-то степени даже влияли на дальнейший ход литературного процесса, вызывая целый ряд подражаний.

Именно так произошло в данном случае. Во всех рукописях, использованных составителями критического текста поэмы «Лейли и Меджнун», оказались добавленные впоследствии эпизоды «Зейд и Зейнаб», «Зейд видит во сне Лейли и Меджнуна в раю» и т. д. Объем этих дополнений составляет тысячу триста бейтов, то есть две тысячи шестьдесят строк — почти половину «Евгения Онегина»! Из этих интерполированных строк примерно тысяча двести строк принадлежит какому-то неизвестному поэту, который произвел основательную редакцию поэмы. Остальные он же извлек из разрозненных мест поэмы и увязал их с собственными добавлениями, чтобы как-то совместить с сюжетной линией. В. Дастгирди выделал все эти добавления, но выделал вместе с подлинными стихами Низами в объеме восьмистот строк, извлеченными из разных мест поэмы. Все эти интерполяции были восста-

¹ Бурхан-и Кати Мухаммед-Хусейна Табризи, т. III.

повлены (1) в тексте «Лейли и Меджнуна», подготовленном и опубликованном нашими текстологами. Не будучи достаточно компетентными в отношении стилистики Низами, его источников, последующих одноименных поэм, они буквально следовали редакции текста, представленной в рукописях XIV в.

Основательное знакомство с текстологической наукой должно было подсказать им, что эпизодов «Зейд и Зейнаб», «Сон Зейда» и других не было в арабских источниках Низами и они не зафиксированы в одноименных поэмах ближайших последователей Низами — Хосрова Дехлеви, Джами и Алишера Навои. Этот эпизод, правда, встречается у Физули, который тоже пользовался позднейшими рукописями. Физули, видимо, тоже где-то чувствовала чужеродность этих эпизодов, но он, будучи сам великим поэтом, сумел творчески подойти к ним, органично ввести легенду о Зейде и Зейнаб в свою поэму.

Естественно, возникает вопрос: почему так случилось? Почему оказался искаженным один из замечательных шедевров Низами? Ответ напрашивается сам собой. В поэме не было так называемого «счастливого конца», что, конечно, удручало читателя-бывальца. И вот, последующие «редакторы» стремились приспособить поэму к невысокому вкусу среднего читателя. Все эти искажения, к сожалению, не оговорены в научно-критическом тексте поэмы «Лейли и Меджнун», опубликованном нашими текстологами, и, естественно, оттуда перешли в поэтические переводы.

Вообще перевод произведений Низами — это задача исключительной сложности. Переводчик должен быть поэтом высокого класса, причем желательно востоковедом. Ведь, кроме языкового барьера существуют и другие многочисленные барьеры — этический, теософский, философский и пр. В переводчике должны соединиться поэтический талант, опыт, эрудиция историка и литературоведа; он также должен быть тонким знатком богословия Низами.

Крупный исследователь и знаток творчества Низами Е. Э. Бертальс в свое время отмечал, что «если творения Низами не получили надлежащего распространения среди широких кругов читателей, то это объясняется только тем, что передать его виртуозное владение стихом в переводе крайне трудно. Это сможет сделать только поэт, все свои силы отдавший проникновению в характерный для Низами образ мышления».

Перевод произведений Низами — задача исключительно сложная и в силу специфических особенностей языка и стилистики поэта. Как метко подметил Е. Э. Бертальс, «применяя то или иное слово, Низами извлекает из него буквально все возможные в нем возможности, обглаголивает все смысловые оттенки и возникающие по ассоциации представления. Каждое двусмысленно окружено своеобразной дымкой намеков, без понимания которых невозможно и полное раскрытие заложенного в нем образа».

Богатство словаря Низами, насыщенность его стихов сложными, порой многозначными образами, эпитетами, изощренными сравнениями, сопоставлениями, метафорическими фигурами — все это создает доводившие до проблемы для переводчика, чему в высшей степени способствует и полнота манитивности лексики персидского литературного языка того времени. Крайне

трудно адекватно передать все это образное богатство средствами другого языка в том же объеме в стихотворной форме.

Настоящий стихотворный перевод, предлагаемый читателю, выполнен известным московским поэтом-переводчиком Анатолием Старостиным. Несомненным достоинством его является смысловая и поэтическая точность. А. Старостин, будучи тонким знатком восточной поэзии, владеет многими языками, в том числе и фарси, сумел воссоздать присущий оригиналу особый колорит, систему образов Низами, причем сделал это художественно убедительно, с минимальными потерями.

Надо сказать, что до сих пор мы не имели полного поэтического перевода поэмы «Лейли и Меджнун» на русский язык. Существовала лишь неполный перевод П. Г. Антокольского. Насколько он сокращен по сравнению с оригиналом, можно судить по тому факту, что в переводе П. Г. Антокольского насчитывается 4100 строк, тогда как в полном тексте поэмы — 8500 строк. Надо отметить, что изложение у П. Г. Антокольского начинается прямо с сюжета поэмы — с главы, называющейся «Начало повести». Между тем, в оригинале ей предшествуют еще 30 небольших глав, исключительно интересных и важных для раскрытия миропонимания Низами, его социальных, эстетических, религиозных концепций, («О том, что ислам терпит гнет», «О радости служения народу», «О пользе немногочисловия», «О забвении тщеславия», «Об отказе от служения царям», «О том, что не следует отнимать у людей хлеб насущный» и т. д.). Именно в этих главах, на наш взгляд, наиболее полно нашли свое выражение мировоззрение поэта, его философские идеи.

Таким образом, перевод А. Старостина является первым полным поэтическим переводом шедевра Низами на русский язык. В данный перевод вошли и те главы и отдельные места, принадлежность которых Низами в настоящее время ставится под сомнение современной текстологической наукой (об этом указано в постраничных примечаниях). Заметим, для объективности, что вопрос о принадлежности этих глав Низами является не бесспорным. Так, многие восточные поэты, в том числе и Физули, сам напавший в подражание Низами поэму-назире «Лейли и Меджнун» (тоже перевод А. Старостина), считают подлинным ряд отрывков, которые у нас вызывают самые серьезные сомнения. Но как бы то ни было, читатели и литературоведы с выходом в свет настоящей книги смогут в полном объеме судить о развитии интерпретации сюжета «Лейли и Меджнуна».

Говоря о других достоинствах перевода А. Старостина, надо сказать, что в нем передано своеобразие поэзии Востока, образ мышления, лексикон, специфические выражения и даже сама историчная, внешне неприглядная манера повествования, характерная для восточных притч и легенд. Большинство метафор, сравнений, художественных сопоставлений и противопоставлений переводчику удалось донести до читателя, который сможет теперь получить гораздо более точное представление о поэме.

Вместе с тем поэтический перевод А. Старостина легко и свободно читается, и воспринимается как связанное поэтическое целое, как поэма, написанная на русском языке, а не как стихотворное переложение подстрочника. Переводчику удалось, на наш взгляд, передать и пленительную поэтичность

Низами, и задушевность его рассказа, и глубокий философский подтекст его произведения.

К сожалению, этот перевод «Лейли и Меджнун» оказался последним переводом А. Старостина. Безвременная кончина прервала его плодотворную творческую работу. Но перевод «Лейли и Меджнун», так же как и другие прекрасные его переводы из восточной поэзии, будет всегда радовать признательных читателей.

При подготовке рукописи поэмы к изданию нами были внесены по возможности минимальные уточнения в имевшийся текст, он был также дополнен отдельными бейтами (30 строк), которые оказались пропущенными в рукописи. Эта работа была выполнена редактором издательства, поэтом и переводчиком Н. Б. Хатунцевым.

Можно надеяться, что настоящее издание поэмы «Лейли и Меджнун» станет новым словом в деле знакомства широкого круга русских читателей с неисчерпаемым творческим наследием великого азербайджанского поэта и мыслителя. Стихотворный перевод логически дополняет и завершает работу над воссозданием шедевра Низами на русском языке, имея в виду, что читатели недавно могли познакомиться с нашим филологическим подстрочным переводом (ред. А. Старостин), опубликованным к 840-летию Низами (Изд-во «Элм», 1981).

РУСТАМ АЛНЕМ

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

НАЧАЛО КНИГИ
ВО ИМЯ АЛЛАХА, МИЛОСТИВОГО
И МИЛОСЕРДНОГО

О Ты, чье имя — лучшее начало!
Какая книга без Тебя звучала?

Души моей Ты спутник постоянный,
Лишь именем Твоим мысль осиянна!

Несешь ты начинаниям успех
И разрешение загадок всех.

На целом свете нет черты такой,
Чтоб ясно не являла оттиск Твой.

Ты сущность бытия и всех творений,
У врат твоих нет места угнетению.

Мы говорим: «Благослови Аллах!»,
К Тебе мы обращаемся в мольбах.

И семь невест есть во дворце Твоем,¹
И девять паланкинов там найдем.²

И тайное, и явное Ты знаешь,
Вещей всех свойства Ты лишь создаешь.

Все, что в небытии и бытии,
Все сделали «кун фаякун» Твои³.

О бытия с небытием владыка!
Душа и разум — все Твой дар великий!

О Ты, что мир наполнил изумленьем!
Ведь полон он — нль пуст Твоим веленьем!

Тебе лишь свойственны Твои черты,
Запреты налагать способен Ты.

Тебе подчинено все естество,
Мир — следствие приказа Твоего.

Ты — всех высоких помыслов венец,
Желание всех жаждущих сердец.

Ты прозорливых просветляешь взор,
Замкнувшихся выводил на простор.

С начала до конца уроки дней
Ты на скрижали начертал своей.

Рабы все в мире, Ты лишь господин,
Никто все в мире, Ты султан один.

Мир осветил немеркнущим Ты светом,
Не зная соучастников при этом.⁴

Потерян счет Твоим созданиям всем,
Пытливый ум стоит пред ними, нем.

Тобой порядок мира учрежден,
И совершенней быть не может он.

Конь пегий — утро, вечер — вороной.
Свод их конюшни возведен Тобой.

Хоть небосводу семь узлов Ты дал,
Но семьдесят узлов Ты развязал.⁵

Ты в пепел превращаешь дольний прах,
И им наводишь блеск в ста зеркалах.⁶

На множестве исписанных листов
В двух буквах суть Ты выразил всех слов.⁷

Не роя гор, взяв только «каф» и «нун»,
Как небеса, воздвиг Ты Бисутун.⁸

Сокровищницу в мире где найдем,
Что б не открылась этих букв ключом?

Ни черточки ты не провел без правил,
Неправильно и точки не поставил!⁹

В благом искусстве мирозиданья
Нельзя придумать лучше начертанья.

Ты каждый день мне из развалинклады¹⁰
Даришь, хоть я не заслужил награды.

Неистошим клад щедрости Твоей,
И нет Тебя богаче и щедрей!

Даешь ты царский или рабский жребий
Так, как Ты сам определил на небе.

Огонь насилия, угнетенья дым
Ты оком зришь всевидящим своим.

И нерассказанный рассказ Ты знаешь,
Неписанную книгу Ты читаешь.

Ночь на дворе, а разум хромоног,
Тонка дорога, словно волосок.

Когда Ты не покажешь нам пути,
Как разум сможет наш его найти?

Светлеет ум у Твоего порога,
Но обожжется он внутри чертога.

О, Ты всегда питаешь разум мой,
В исканиях пойду я за Тобой.

Пусть робок я и пусть мой путь опасен,
Коль Ты вожатый — всякий страх напрасен.

Великий груз мне плечи отягчил,
Как донесу, когда лишен я сил?

Стараюсь я — но где же мощь моя?
Ты пожалей — тогда лишь справлюсь я...

А впрочем, он Тебя и яд, и сладость,
И гнев, и милость — все мне будет в радость.

Я пленник Твой, я это твердо знаю,
Жив милостью, от гнева умираю.

Прошу: напиток милости мне дай,
А ядом гнева жизнь не отравляй.

Но если даже гнев Твой — мой удел,
Я б милостью его назвать хотел.

Пока на этом свете я гошу,
Я торока Твой не отпущу.¹¹

Когда ж настанет время умереть,
Душа хвалу Тебе все будет петь.

Когда я к ложу смертному прилгну,
Твое я имя в саван заверну.

И даже ставши прахом — я повсюду.
Служить Тебе все так же верно буду.*

Коль будет крепость мне Твоя дана,
Что сделает проклятый сатана?

В груди моей храню Твой талисман,
И грозных дней мне не страшен стан

Святилищем избрал я Твой порог,
Тебя зову среди горя и тревог.

Ах, сколько разрушителей святынь!
Мэлю, меня в их стане не покинь!

Я одинок, и раны мои скрыты,
От одного Тебя я жду защиты.

Я не найду спасителя иного,
Лишь Ты — спасенья моего основа!

Дай каплю эликсира, я молю,
И благородной сделай медь мою.¹²

Дай мне хоть искру милости — тогда
Прах станет златом, жемчугом — вода.

Но будь я жемчуг или черепок —
Лишь Ты мой лик величием зажжешь.

Алоэ я или полынь-трава —
Тобой благоухают рукава.**

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Пока ж я занесен в реестр живых,
Тебе служить я буду каждый миг.

** В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Пока я числюсь в списках бытия,
Лишь с мыслью о Тебе жить буду я.

Покорность, веру — все несу Тебе,
Лишь вопль о помощи — в моей мольбе.

Пока корабль не утонул в пучине,
Лишь от Тебя и жажду благостыни.

О, помоги мне, я в тупик забрел,
С коня усердья невзначай сошел.¹³

Ты ободри и пожалей меня
Направь дорогою своей меня.

Из тьмы моей освободи меня,
Своим сияньем награди меня.

Дела мои — навек ли отданы
На усмотренье солнца и луны?

Доколе же моей зависеть доле
От шахской или от пастушьей воли?

Что в мире скатерти Твоей щедрей?
Что благодатней милости твоей?

Со своего гумна закят мне дай¹⁴
Кормить меня другим не поручай...

Дай ниве, ныне тощей и бесплодной,
Воды с землей, чтоб стать ей плодородной.

Дай горсть земли со своего порога.
Пусть влага смывает все невзгоды рока.

В день, как меня Ты у меня возьмешь —
Остатка моего не уничтожь.

Когда ж меня Ты мне вернешь — в тот день
Ты надо мной прости благую сень.

Не ту, что от светильника далече, —
А ту, что светит затмевая свечи.

Дабы я в свет из тени превратился
И словно свет, от тени удалился.¹⁵

С кем здесь дышать мне не было б дано —
Расстаться с ним придется все равно...

Ведь двери всех других недолговечны,
Лишь дверь Твоя пребудет бесконечно.

При жизни временем владеть нам можно,
А время после смерти — ненадежно.

Но вечно только время властелина,
И жизнь, и смерть — все для него едино.¹⁶

Покуда только жить на свете буду,
О верности Тебе я не забуду.

Живу я мыслью о Тебе одним,
Лишь о Тебе, и ни о ком другом.

Когда еще я не был сотворен,
Да и не знал, что буду я рожден —

Ты из земли шагреню мою создал
И из того же праха блага дал.¹⁷

Мой образ бытием наполнил Ты,
Затем украсил Ты мои черты.

Теперь, обласкан щедростью твоею,
Пока в небытии я не истлею,

Сажусь я только там, где Ты мне скажешь,
И выполняю все, что Ты прикажешь.

Коль путь укажешь Ты, то я пойду,
На трон я иль в колодезь попаду.

Я буду стар, иль молод буду я —
Различен путь — все та ж душа моя.

Пусть изменю свое я состояние —
Но прежнее на свитке начертанье.

Безбедным создал Ты меня вначале —
Так и в конце не оставляй в печали.

И смерть меня не может ужаснуть,
Я знаю: то — к Тебе ведущий путь.

И то не смерть — то сад у райских вод,
Путь, что в обитель друга приведет.

Зачем стенать о смерти буду я?
Коль от Тебя — пусть смерть придет моя!

Глянь в корень — и постигнешь непременно,
Что смерть — не смерть, а места перемена.

Из трапезной идем в опочивальню,
Затем на царский пир, в чертог хрустальный.

Коль сон ведет на пиршество с Тобой,
В той спальне я хочу вкусить покой.

А там, где будет божья благодать,
Я буду спать спокойно и вставать.

И если Низами, ничтожный прах,
Был дерзок чересчур в своих мольбах,

Он только капля моря твоего —
За дерзость Ты не выпивай его.

Пусть говорит слова он без числа,
Но в каждом слове — лишь Тебе хвала.

Он признает в смущенье и в печали,
Что тьмы его грехов — в Твоей скрижали.

И пусть замолк он в горе и поник —
Тебе ведь внятен и немых язык.

Я как хабешец черен — Ты создатель,¹⁸
Иль как хотанец бел, — но Ты ваятель.¹⁹

Коль смыть Ты все мои грехи готов —
Я замолчу, не тратя больше слов.

А если позовешь меня к Суду —
Ведь Ты Судья судей, и я пойду.

Но прежде, чем мой смертный час придет,
Из рук поводья жизни заберет,*

Позволь, чтобы склонился я глубоко
Пред дивной усыпальницей пророка.²⁰

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Чтоб вечная хвала к Тебе возносилась
И чтобы мог Твою снискать я милость,

СЛАВОСЛОВИЕ ПРОРОКУ—ДА БЛАГОСЛОВИТ ЕГО АЛЛАХ И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ!

О главный всадник, бытия властитель
И разума всеильного правитель!

Ты — всех пророков божьих заключение
Ты — соль начала, сладость завершенья.¹

Семьи начальной первое ты семя,
Последним нес посланничества бремя.

Страны довольства малым вечный царь,
Ислама непрсклонный государь.

Того, кто мнит себя венцом творенья,
Твой острый меч сразит без промедленья.

О ты, что Лотос повидал чудесный,²
Ты, что узрел Аллаха трон небесный!

Прах от твоей стопы—как тутия,³
С ним просветлели очи бытия.

Свечу, что свет взяла не у пророка
Самодовольство погасит до срока.

Ты — златоуст, каких не видел свет,
Чьих доказательств истиннее нет.

Ты — доводы божественные знаешь,
И в тайны утренние проникаешь.

Всеильный царь чертога двух миров,
Вмещающий истоки всех родов!

Не семьдесят ли тысяч ты завес
Прошел, поднявшись в высоту небес?

Ума, души могучий властелин,
Михраб земли и неба господин.⁴

До неба поднялась земля с тобой,
Нет, стали небеса твоей землей!

Весь мир во прах перед тобою пал
Твой конь копытом семь небес поправ.

Прошло иль шесть или семь тысяч лет,
Как стал свидетель торжества весь свет.

Ум крошки с твоего стола собирает,
Душа рабыней быть твоей желает.

Тобой не занят, разум жив едва,
Душа, не полюбив тебя, мертва.

Чьи имена и кунья превосходны,⁵
Абу-л-Касим Мухаммед благородный!

Хотя искусен разум мудреца —
Лишь у тебя он явлен до конца.

Печать того подтверждена не будет,
Кто про любовь к Мухаммеду забудет.⁶

Царь тех, что близки к божеству сердцами,
Твой славный пир — он за семью шатрами.⁷

Могучий царства щедрости эмир,
Цель мира ты, и ты же целый мир.

Ты — сливки самой сущности мышленья,
Ты — ключ живой воды, воды спасенья.

Прах от стопы твоей—Адама кожа
Лицо — со светом глаз вселенной схоже

Хоть небосвод имеет семь коней,
Но пешка он пред силою твоей.^{8*}

Сонм звезд кружится не по небосводу —
Вкруг твоего дворца, тебе в угоду.⁹

Среди живущих разве есть такой,
Чтоб прахом не склонился пред тобой?

Земле дал должный цвет твой эликсир,
Ради тебя был создан дольний мир.

Ты — полководец, все мы — рядовые,
Суть — ты, нахлебники — все остальные.

Престола всей вселенной повелитель,
Страны существования властитель!

Весь небосвод — твой лагерь боевой,
Твой каждый взгляд — приказ, ведущий в бой.

И пять молитв, в которых суть обета,
Звучат тебе со всех пределов света.¹⁰

В ворота пятистолпного чертога¹¹
Насильникам отрезана дорога.

Но место дал в чертоге семисводном
Ты четырем халифам благородным.

Из них был Верный предводитель верных.¹²
А Прозорливый худший враг всех скверных.¹³

* В некоторых рукописях далее следует еще один байт:

Тебе всегда он жаждет поклониться,
И лишь для вида он на запад мчится.

А тот Богобоязненный Старик —¹⁴
Он Льва Аллаха был соученик.¹⁵

В одном бою сражались все владыки,
Все — на одной лужайке базилики.

От них и мир подлунный стал блажен —
Так дом из четырех построен стен.

От четырех халифов многосильных
Четыре дома процвели обильных.

Четыре дал столпа ты вере правой.
Четыре свода дал ты ей со славой.¹⁶

Подобно выгнутым бровям твоим,
Четыре стали Парой и Одним.^{17*}

С браслетами такими ты достиг
Тех мест, где сам Аллах чертог воздвиг.

МИРАДЖ ПРОРОКА¹

О ты, чей образ — мысли восхождение,
И чей мирадж был неба откровенье.

Ты дверь семи сокровищниц открыл
И на четыре жемчуга ступил!²

* Здесь в некоторых рукописях имеется еще один байт:

Сомнений нет в их чистоте извечной,
Все четверо пред богом безупречны.

Не признавая времени пределы,
На небосвод ты бег направил смелый.

Ночь только подняла свой черный стяг —
Твой вороной направил ввысь свой шаг.

Твоим приютом стал престол небесный,
И стал крылатым каждый шаг чудесный.

Вот миновал ты тленности порог,
Встал на ночлег, где Матери чертог.³

К тебе пришел со стягом Джабраил,⁴
«Слуга твой—небосвод,—он возгласил,—

И жители семи небес рядами
Стоят, лишь за тобой следя очами...

Вставай, о Солнце, ныне не до сна,
Ждет с нетерпением тебя Луна!

Писец-Меркурий на своих скрижалях.
Твой взлет сумел запечатлеть едва ли.⁵

Зухра с подносом для нисара ждет,⁶
Когда с Востока светоч твой взойдет,

А Солнце, полумесяцем склоняясь,
Тебе дорогу подмело, светясь.

Маррих стремянным верным стал твоим,⁷
Бежит проворно за конем лихим.

И Муштари из башенки небесной⁸
Благословляет щедро путь чудесный,

Кейван, поднявши гордо черный стяг,
Кольцо вдел в ухо — это рабства знак.

С такою свитой дивно-величавой
Пройдешь ты путь торжественный со славой.

Сегодня ночь Могушества, спеши,
В ночь Кадр дела достойные сверши!»^{10*}

Счастливцев, эта ночь горит огнем,
И в мире от нее светло, как днем.

Ты циркулем обвел весь круг земной,
На небесах чертеж оставил свой.

Конь-молния, по прозвищу Бурак,¹¹
Перед тобою укротил свой шаг.

Ты на седло, как на престол, воссел
И в свой полет счастливый полетел.

Ты мчался так, едва вдвев ногу в стремя,
Что обогнал крутящееся время,

И с четырех сторон чертог небесный
Рассыпал жемчуг пред тобой чудесный.

Но, что б тебе ни предлагала вьсь,
Ты внял лишь только кличу «Не косись!»¹²

На семисводный купол, как венец,
Вознес ты девять стягов и колец.¹³

Сорвал ты знамя неба с вышины,
В полете сокрушил кольцо Луны.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Ту ночь ты «Вещей Ночью» обозначь,
Зови ее «Мухаммеда Мирадж».

У небосвода отнял без усилья
И перья ты павлиние, и крылья.

Ты Джабраила обогнал, пока
Он слал тебе привет издалека.

А Михаил понес тебя с порога¹⁴
К слуге другому благостного бога.

Хоть Исафил к твоим ногам упал,¹⁵
Но дальше провожать тебя не стал.

Тогда туда, где Лотоса престол,
Рафраф тебя почтительно повел.¹⁶

Когда над Лотосом вознесся ты,
Тогда последней ты достиг черты.

Ты миновал семиковровый зал
И в недоступный сад небес попал.

Престол небес, гласивший «Славен бог»
Твоим сияньем озарил чертог.

Но ты покинул и престол небес,
Преодолевши семьдесят завес,

От тяжести одежд освобожден,
Оставил позади венец и трон.

И были верх и низ отменены,
Не стало правой, левой стороны.¹⁷

Вне двух миров ты свой шатер разбил,
Его чертог высокий осенил.

Ты господа увидел самого
И тайную услышал речь Его.

И ум ничей доселе не постиг,
Как слышал ты Его и зрел сей лик.

Ты испросил у бога, что хотел,
И это все ты получил в удел.

От близости к владыке мирозданья
Вернулся ты по своему желанию.

На лбу — сад роз от вышнего чертога,
Рукав благоухал печатью бога.

Привез ты о спасении указ
Для бедных грешников мирских — для нас.

Достойны ль мы, чтоб властелин такой
Нас сенью осенил своей святой?

Но так как ты есть солнце, дива нет,
Что ты на нас свой проливаешь свет.

Ты щедрости великий повелитель,
И райский сад — твоя одна обитель.

А до тебя народ наш прозябал,
Пророчества и щедрости не знал.

Кто головы к твоим стопам не сложит,
Того судьба безжалостно стреножит.

А верное служение тебе —
То признак возвышения в судьбе.

Сам райский сад с его благоуханьем
Не благовонней твоего дыханья.

Ты, что до трона поднялся небес
И стал, вернувшись, кладезем чудес. —

Открой же тайну Низами, как ты
Вознесся вмиг до дивной высоты...

Доколь под покрывалом ты пребудешь
И под завесою мечты пребудешь?

Встань и с лица сними ты покрывало,
Тряхни — двух-трех царей как не бывало,

Со скатерти тяжелый груз сними,
Завесу над делами подними.¹⁸

И белый цвет, и черный цвет сотри,
Четыре ты стихии примири.

Вражду между двоими одолей,
Четвероногих помирив зверей.¹⁹

Коль воспитанье им привьешь благое,
То станут все их трудности — пустое.

Благоуханья часть ты ветру дай,
И доля нам достанется, пускай.

Из той скрижали, что прочел ты сам,
Один аят забрось ты в душу нам.²⁰

Из тех наук, что ты сумел познать,
Хоть слово в нашу запиши тетрадь.

Ты покажи нам, кто мы, где наш стяг,
Кто идолов поклонник, кто наш враг.

Создатель силы сердца Низами,
Вершитель дел его, мольбу прими.

Молитвам помоги подняться ввысь,
Пред богом за меня ты заступись,

Пока не спустят полог пред очами
И не поднимут полог между нами.

ВЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СОТВОРЕННОСТИ СУЩЕГО

Коль царь на пир сзывает весь народ,
Он каждому бокал с вином дает,

И тучи льют там милость неустанно,
И оживают дивные рейханы,¹

И нет конца бесчисленным дарам,
Как будто розы, все смеются там.

Лучами всех, как солнца, освещают,
Там кошельки с деньгами рассыпают.

Дают дары там щедро, каждый миг,
Долги прощают, не бранят за них.²

Там всех расспрашивают о делах,
О том, живут ли с временем в ладах.

Там помогают утолению жажды,
Как от росы, цветет бутоном каждый

И я, с моим запасом леденцов,
Для друга сыпать их всегда готов,

Я всех своим напитком напою,
И сын пусть песнь послушает мою

Я приготовлю всем еды. Мой сын
Пусть съест хоть печени кусок один³

НАЧАЛО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

О созерцатель образов творенья,
Ты убери помехи все для зренья!

Все то, что обладает бытием,
Пред господом склоняется челом.

Ты не звони пред полым барабаном,
И не считай, что вещи все — с изъяном.

Ведь каждый атом в мастерской вселенной
Каким-то делом занят непременно.

Семь крепостей, что здесь возведены,
Совсем не в шутку были нам даны.

Семь сводов под чертогом божества
Ввысь вознеслись не ради баловства.

Короче говоря, признать пора,
Что все, о чем сказал я, не игра.

Смысл нашей жизни быстротечной где?
Не в страсти он, не в сне и не в еде.

От сна с едой уйди без лишних слов ---
Они есть у коров и у ослов!

Как из стихий Он существа творил,
Он наш листок особо начертил...

Чтоб видеть сущность бытия могли,
Узла всех дел начало чтоб нашли.

Чтоб небо, землю мы могли узреть,
По одному могли их рассмотреть,

Узнать, стихии в мире для чего,
Кто бог и каковы дела его.

И каждая черта, и каждый знак
Сотворены творцом не просто так.

Печать порядка на вещах, конечно,
Есть признак их создания силой вечной

Я заклинаю Господом тебя,
К кому стихи мои ведут, любя,

Скажи — ты в мире видел ли зеркало,
Что б полировки никогда не знало?

Без блеска не отыщешь ты зеркала,
Безумец, кто наоборот сказал.

На что бы ты ни захотел взглянуть,
Призвать Аллаха помощь не забудь.

Как вещь сотворена, узнать нельзя,
Рассудку недоступна та стезя.

Смотри, как дальше вещи развивались,
Как постепенно сами выпрямлялись,

Пойми, что все творенья без конца
Суть только проявления творца.

Художник создает изображения,
Постигнув это, избежишь хуленья

Увидев совершенства образец,
О том подумай, кто его творец.

Семь шелкоцветных сводов — твой предел,
Уйдешь от них — печален твой удел...¹

А почему так каждый свод одет,
Подумай, и отыщешь мой ответ.

Зато начало таинства творенья
Не можешь видеть ты очами зренья.

Судьба божественную нить сплетала,
Так, чтобы ты не мог найти начала.

Могущества божественного нить
Наш ум земной не может проследить.

Ум мудрецов бессилием смущен
Пред тайной, как был мир наш сотворен.

Но если даже кто б распутал нить —
Кто смог бы подвиг этот повторить?

Раз мы не можем повторить творенье,
Понять его — не выше ль разуменья?

Есть тайна за завесою небесной,
И сущность тайны людям неизвестна.

И сколько б я ни погонял коня,
Она недостижима для меня.

Звезд начертанья в горней вышине
Известны мне до тонкостей вполне.

Когда же выше путь я устремил,
То, признаюсь, мне не хватило сил.

Все то, что божьим создано приказом,
Постигнуть может напряженьем разум,

И все, на что наш устремится взгляд,
В себе содержит некий скрытый клад.

Так пусть к чудесным таинствам твоим
Ключ не стеклянным будет, а стальным.

Чтоб тот, кто обнаружит дивный клад,
Нашел шербет в нем сладкий, а не яд.*

Вокруг того, что, зреть нам не дано.
С лекалом много черт проведено.

Но высшей точки лишь они коснутся,
Как вынуждены вновь назад вернуться.

И мысль, лишь до конца она дойдет,—
Как видит: неизбежен поворот.

Начнет кружиться циркуль, в тот же миг
И вспять идет — он к этому привык.

* В ряде рукописей далее имеются следующие 3 бейта:
Богатый клад—и вреден он, и благ,
В нем яд найдешь ты, и найдешь тирьяк².
Муса владел казною жемчугов.
Карун был состязаться с ним готов³.
Когда ж меж них возникли разногласья,
Карун погиб, Муса добился счастья.

Вокруг жилища обведенный круг —
Ведь он не зря проводится, мой друг.

Кто не захочет быть в кольце, внутри,
Бродягой станет как кольцо в двери⁴.

Ты цепи небосвода не касайся —
Есть у нее конец, не сомневайся.

Пусть от стихий ее происхождение —
Но у нее конец есть, без сомненья.

Сверх тех кругов есть сфера в выси горней —
Там будет, кто слабее и покорней,

Дав нам дыханье неземных ладов,
Он не показывал кривых ладов,

Семь сводов, приведя лады в движение,
Питают без конца воображенья.

Создать напев из тех ладов нельзя —
Закрота к постиженью их стезя.

Кто на обычный лад лады постиг,
В свои лады неглубоко проник.⁵

Будь голосом, и слухом ты Барбад,⁶
На этом сазе не сыграешь в лад.

Когда завесы чести сгинул след,
То за завесами спасенья нет.

Как Низами, ищи таких завес,
Чтоб отблеск доброй славы не исчез.

Доколе, словно прах, в смиренье тлеть,
Удары праха, ветра — все терпеть?

Как ветру вечно бегать за землей,
Взметая щепок и колючек рой?

Ведь ветер — сторож у могильной ямы
И перекупщик праха он упрямый.

Здесь купит — там продаст немедля он,
Тут с прибылью, там понесет урон.

От края и до края вся земля
Не есть ли прах — все горы и поля?

Здесь землю затрясет, поток промчится —
Здесь слой снесен, там — новый вверх стремится.

Землетрясенье и поток слепой
На карте открывают новый слой.

Слой треснет. Под ударами времен
Потом в ущелье превратится он.

Река, что по лицу земли течет,
Есть трещина от ветра, грязи, вод.

Пройди же по путям земли, взгляни
У туч и неба сколько беготни!

Все вещи — спутники земной игры
Вставляются друг в друга как шары.⁷

Не у одной земли такое свойство —
У всех планет такое же устройство.

И дыма поднимается струя
Всего на два иль три броска копья —

Затем она уходит вбок, спускаясь
И вокруг земной обители вращаясь.*

И туча, из пустыни что восходит,
До своего зенита лишь доходит,

Колеблется, не зная, как ей быть,
Не смея выше точки той ступить.

И далее — кружит, кружит она,
Ей плоскость круга навсегда дана.

Ты видишь — вон стоит она шатром,
Склонивши голову на окоем.

Взгляни — идет опять к востоку, к югу,
И, словом, вновь вращается по кругу.

Простейшие стихии неустанно
Стремятся влиться в царство океана.⁸

А небо — океан семиволновый—⁹
Куда б ни шло — в зените вновь и снова.

Небесный свод лишь к выси устремлен,
В какой бы точке ни вращался он.

Он для того и шествует вселенной,
Чтоб высоты достигнуть совершенной.

Те, что умом исследуют зенит,
Считают: небо выше не взлетит.

Наука не раскроет тайн небес,
Лишь Он покажет сущность всех чудес.¹⁰

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Крутящийся, как циркуль, небосвод
Поэтому же и вершит полет.

Возьми любое семя иль зерно —
В них что-то от стихий заключено.

Земля, вода смешались — как в тот миг
Зерно пронзrastет от смеси их?

Пускай земля к рождению поощрит —
Но как она зерну даст внешний вид?

Когда топтали землю по весне,
Колосьев образ — был ли он в зерне?

Допустим, колос порожден зерном,
Но облик колоса — он тоже в нем?

Пронзи завесу тайн воображеньем —
Причину угадаешь с восхищеньем,

Причину эту дивную воспой
Так, как она открылась пред тобой.

Мудрец с причиной следствие увяжет,
Увидев следствие, причину скажет.

Не попадайся к бренности в силос,¹²
О Низами, среди твоих дорог.

ПРИЧИНА СОЧИНЕНИЯ КНИГИ

Однажды я с весельем и отрадой
Вкушал блаженство слаще Кай-Кубада.¹

Расправив полумесяцы бровей,
Склонился я над книгою своей

Зерцало радости в моих руках
И гребешок удачи в волосах.

И мне связав пунцовых роз букет,
Отрадой сердце наполнил рассвет.

Летало сердце резвым мотыльком,
Я пел, как соловей в саду хмельном.

На высоту искусства стяг подняв,
Ларец словес жемчужных исчерпав,

Я был красноречивым турачом,
Я мыслей жемчуга сверлила пером.

И думал: «Браться мне за труд пора,
Пока ко мне удача так щедра;

Доколе праздность будет мой удел,
Доколь чуждаться мне полезных дел?»

С одним трудолюбивым время дружно,
Бездельников ему совсем не нужно.

Коль пес без дела шастает, то он
Не будет черствой коркой награжден.

Создаст на сазе мира новый лад
Лишь тот, кто с миром сам поладить рад.

Со всеми дружбу ты, как воздух, водишь—
Ты, голову поднявши в воздух, ходишь.

Дай зеркалу любое положение—
И все ж кривым не будет отраженье!

Коль ты вступил в разлад с самим собой,
То песнь твоя звучит, как лад кривой.

Ах, если б из великих кто мужей
Заказ мне дал от щедрости своей!»

Я так мечтал и размышлял, когда
Взошла моя счастливая звезда!

Так труд несет счастливцу сто отрад,
Кого судьба полюбит — дарит клад.

И вот гонец явился предо мной,
Посланье шаха он принес с собой.²

Прекрасный почерк, беспримерный слог—
Пятнадцать несравненно-дивных строк!

Любая буква — как цветущий сад,
Как шаб-чираг, все черточки горят:³

«О ты, мой раб ближайший меж людьми,
Волшебник слов всемирный, Низами!

Дыханьем вдохновенья своего
Ты новое яви нам волшебство.

Трудясь в своей словесной мастерской,
Ворота в мир чудесный нам открой.

Любовь Меджнуна вспомнив, должен ты
Создать нам жемчуг редкой чистоты,

Чтоб строки жемчугами расцвели,
Как ожерелье девственной Лейли,

Чтоб я воскликнул: «Это леденец!»
Чтоб я сказал: «Вот творчества венец!»

Вершину всех любовных повестей
Узорной кистью распиши своей.

Бесспорно, книга та—всех книг царица,
И на слова не должен ты скупиться.

Убор персидский здесь, арабский к месту —
Вот и укрась им юную невесту.⁴

Изящных бейтов я секреты знаю,
И старые от новых отличаю.

Ты высшей пробы золото мне дай,
Дешевый сплав ты в дело не пускай.

Ларец жемчужин ты сумей открыть
И знай, на чью ты их нанижешь нить!

Нрав тюркский не проникнет к нам под кров,
Не надо нам тюркоподобных слов.⁵

Тот, кто ведет от славных предков род—
Он от поэта слов высоких ждет!»

Мне в ухо вдето шахское кольцо—⁶
И вмиг тревога залила лицо.

Нет сил, чтоб от задачи отказаться,
Нет зоркости, чтоб к цели мне добраться.

Я, одряхлевший и лишенный сил,
Великое смятение ощутил.

И друга нет, кому беду поверить,
Кто мог бы бездну трудностей измерить.

Но тут Мухаммед Низами, мой сын,
Что, как душа, со мною был един,

В посланье глядя восхищенным взглядом,
Со мною, словно тень, уселся рядом.

И так сказал, мне ноги лобызая:
«О, славой мир наполнивший до края!

Ты описал Хосрова и Ширин,
Стал тысячи сердец ты властелин.

Теперь Лейли с Медждуном опиши,
К жемчужине той пару подыщи.

Коль ты Лейли опишешь и Медждуна,
Павлин прекрасный будет с парой юной!

К тому же царь такой, как шах Ширвана—
Не только ширваншах — он царь Ирана.

Искусств благотворитель и ревнитель,
Словесности могучий покровитель

Прислать ту повесть требует ему,
Садись же и готовь перо к письму!»

Ему ответил я: «Ты прав, сынок,
Красавец мой, чей разум столь глубок!

Но как же быть? Глаза застлала муть,
Пусть замысел широк—стеснилась грудь.

Коль слишком тесно поприще сказанья,
То затруднен и ход повествованья.

Должна просторна быть дорога слова,
Чтоб мог талант погнать коня лихого.

Пусть то сказанье распространено,
Но не содержит радости оно.

Основа для стихов — веселье, радость,
От них лишь обретает слово сладость.

Кто о безумье говорит, о муке,
Да о цепях — виновен будет в скуке.

По краю, где пути мне неизвестны,
Как вымысла поскачет конь чудесный?

Там сада нет, там песня не слышна,
Там нет пиров, нет пляски и вина.

Где камни гор да голые пески,
Там слово может умереть с тоски.

Веселье в повести должно струиться,
А каждый стих — играть, сверкать, искриться.

Затем-то с незапамятных времен
Поэтами тот сказ был обойден.

Все знали — здесь сломает песня крылья,
И будут безнадежны все усилья.

Но коль владыка мира поручил,
Чтоб в честь его я эту песнь сложил,

То я на трудности не погляжу
И песню безупречную сложу,

Чтоб не по голым шах ступал камням —
По девственным чудесным жемчугам,

Чтобы читатель, коль не мертвый он,
Несчастья позабывши, стал влюблен».

Тогда халифордный мой сынок,⁷
Что миру этот клад открыть помогу,

Сей жемчуг первой страсти презыбка,
Живой тюльпан последнего напитка,⁸

Сказал: «О ты, чья песня — как мой брат,
(Ведь я рожден тобой, как этот клад)»⁹

Нелегко твой рассказ для изложения,
Но для него не пожалей ты рвения!

Где знают сказы о любви, везде
Та песня будет, словно соль к еде.

Но хоть ты солью и богат, нет слов,
Все ж твой кебаб пока что не готов.

Нанизан, правда, он на вертел твой,
Но до конца ль доделан он тобой?

Лицо красавицы прекрасно, но
Пока что не украшено оно.

Когда сейчас мы на нее глядим,
То кажется ее лицо нагим.

Она — душа. И правду говорят:
Достойный ей необходим наряд.

Вдунь жизнь в нее дыханьем оживляя,
Ведь по душе она — тебе родная.

Теперь трудись над сочиненьем слов.
Знай — о тебе молиться я готов».

Услышав это слово утешенья,
За труд свой взялся я без промедленья.

Жемчужину искал в пучине пенной,
Искал я в коях эликсир бесценный.

Искал для сказа я короткий путь —
На долгом можно много бед хлебнуть.

И не нашел короче я пути,
Коня быстрее я не смог найти.

Мной найденный размер живой, как море.¹⁰
Резвятся рыбки на его просторе.

Хоть много сказов есть в размере том —
Средь них приятных сказов не найдем.

В том море ни единый водолаз
Такой не добыл жемчуг, как у нас.

Здесь каждый бейт — как нитка жемчугон.
Для восхваленья их не льятит слов.

Пока мой клад искал я, полон рвенья,
Я не споткнулся даже на мгновенье.

Спрошу я — отвечает сердце вмиг.
Лишь взрою землю — и кипит родник.

В ларце ума все скопленное мной
Истратил на наряд я дорогой.

Еще четвертый месяц не прошел —
Я свой рассказ уже к концу привел.

Четыре с лишним тысячи я смог
Сложить двустийши за короткий срок.

Закончил бы в четырнадцать я дней,
Коль не было б помех руке моей.

Да будет тот спасен от всех обид,
Кто мой нелегкий труд благословит.

В последний день раджаба написал
Я этот сказ благой, в год «си», «фи», «дал».¹¹

Пятьсот восемьдесят четыре — вот
Поэмы этой написанья год.

Сказ, на который не жалел я сил,
На этот паланкин я положил,

Чтоб на него наш царь, гроза вселенной,
Мог бросить ясный взор благословенный.

ВО СЛАВУ ШИРВАНШАХА АХСАТАНА, СЫНА МАНУЧИХРА

О предводитель царственных мужей,
О ты, владыка воинства царей!

Ты, всей вселенной мощный государь,
Царей вселенной безраздельный царь!

О царского престола господин —
И белых ты, и черных властелин.¹

Величья, гордости любимый сын,
Поистине Джалал Давла-ад-Дин.²

Род Абу-л-Музаффар тобою славен,³
Ты, что царям семи престолов равен!

О ширваншах! Как солнце, ты велик!
Величия Кубада ты достиг!

Мы шаха слова Ахсатан зовем;
Ты — солнце. Солнце у тебя рабом.

Ты — от шатров отрекшийся султан,⁴
Носящий наяву халифа сан!

Из племени Бахрама, зухролийский,⁵
Потомок Манучихра ты великий.

Наследственен твой сан. Из рода в род
От изначальных дней та цепь ведет.

К Адаму, шах, твое восходит племя,
И предки все носили царства бремя.

Землею правишь ты, творишь добро,
Твой длинен меч и коротко перо.

Шах, царства беззакатного властитель,
Как разум, беспорочный повелитель.

Поднялся до семи кругов небесных,
Михраб молитв семи мужей чудесных,⁶

Податель хлеба для любого дома,
Простерся трон его до окоема.

Тончайших, дивных мыслей он исток,
Небесных тайн бесчисленных знаток.

Двенадцать башен мудрости его
Вполне свое раскрыли волшебство.⁷

Те девять—шестипалые щиты,⁸
Что лишь особой шаха заняты.

У каждого шесть пальцев, глаз один,⁹
Руки четыре, но по двести спиц.

Они, коль снимут голову с крючка,
Висеть кольцом останутся пока,¹⁰

По имени — жемчужное он море,
Воды живой источник на просторе.

Рубинов расточил он горный кряж
И щедрость моря перед ним—мираж.

Победами он мир у ног простер
И щедростью завоевал простор.

Мечом берет он царства у царей,
И щедро дланью раздает своей.

Он — солнце царств, что только в мире есть,
Пирам и битвам он приносит честь.

Судьба его — родник воды живой,
Ад пред его трясется булавой.

Бахрам с мечом и с чашею Зухра
Стоят, склонившись, у его ковра.

Зухра дает фяналы для утехи,
Бахрам хранит тяжелые доспехи.

Клинок царя — рубинов-искр родник,
А чаша — то рубиновый рудник.

На палача похож рубин один,
Рубинное вино — другой рубин.

Царева милость утренней порой
Прекрасна, словно ветерок живой.

Царева милость — утренний зефир.
Несет душе спокойствие и мир.

А рана, что врагу наносит он —
Страшна как гибель и предсмертный стон.

Его удар, как молния, опасен,
Куда бы ни обрушился, ужасен.

Царева милость облегчает муки,
А гнев его страшней, чем ночь разлуки.

Поднявши стяг свой грозный, он пронзит
Одним лишь наконечником гранит.

Зубцом он стяга только колыхнет —
Любое он волнение уймет.

Ведется в мире издавна всегда,
Что наверху огонь, внизу — вода.

Но сядет шах на облако-коня,
И будет океан поверх огня.¹¹

Кейсар — то просто конюх у него,
Фагфур — лишь нищий, больше ничего.¹²

А солнце в блеске всех лучей своих —
Как на пиру его ничтожный чих!¹³

И полная луна ему послушней,
Слуги любого на его конюшне.

Ариша смертоносная стрела,¹⁴
Что как адийское копье была,¹⁵

Коль ляжет рядом со стрелой владыки,
То будет словно дротик невеликий.

Парвиз когда-то красотой лица¹⁶
И привлекал, и похищал сердца.

Но облик более прекрасный дан
Слуге любому у его стремян.

Над кем он меч свой острый занесет,
Того ничто от смерти не спасет.

Копье в какой бы ни направил щит —
Малейшую чешуйку раздробит.

Едва взмахнет он грозной булавой —
Расколет мир небесный и земной.

В любви, как солнце, светел и отраден,
А в гнев, словно время, беспощаден.

В любви, как утро, радостью сияет,
Как солнце, в гнев льва он сокрушает.¹⁷

Знакомому с лопаткою времен
Известно: у нее есть шесть сторон.

Шах именем своим — шесть букв — сверкнул¹⁸
И шесть сторон к земле он повернул.

Свою шестерку он едва метнет —
Все ставки в нарды сразу он возьмет.¹⁹

Пускай враги, как муравьи, кишат —
Их всех рассеет шаха грозный взгляд.

Когда, как солнце, он встает со свитой,
Бегут все тени в поисках защиты.²⁰

Куда бы ни ступил скакун соловый,
Там лев бежит, страшась судьбы суровой.

Стрелу — указ о казни — он метнет —
И в книге жизни строки все сотрет.

Коль он заносит страшный свой кинжал,
Слезой кровавой в камне плачет лал.

Он вынет обоюдоострый меч —
И сто голов врагов снесет он с плеч.

Пусть тьмой Афрасиабов окружен —²¹
Как солнце, их легко разгонит он.

Придет его отряд, к борьбе готов —
А он уже сразил своих врагов.

К нему на помощь войско подойдет —
Среди врагов живого не найдет.

Стремянным будь ему хоть сам Рустам —²²
Всегда врагов он поражает сам.

Наш шах, устраивая щедрый пир,
Весенним облаком глядит на мир.

Едва заслышит многострунный саз —
Дарует тут же кладн не скупясь.

Всем раздаст он меры жемчугов,
Свободу он дает толпам рабов.

Тем чашам позавидует Джамшид,²³
Что каждый день он сотнями дарит.

И каждый, на кого он бросит взгляд
Одет в подаренный царем халат.

Сам мускус перед щедростью его
Смола простая — больше ничего.

Похвастал пышностью китайский шелк —
Но перед щедростью царя умолк.

Любую крепость он один возьмет,
А за касиду область отдает.

Порыв единый щедрости царя
Затопит безграничные моря.

А золото пред щедрым сердцем шаха —
Лишь грубый камень, поднятый из праха.

Обычно копит царь себе казну,
Наш царь казною одарил страну.

Коль наделит он комара — не чудо,
Что станет больше тот, чем слон Махмуда.²⁴

Такие чаши дарит верным он,
Что их поднять не может даже слон.²⁵

Он — море с пресной, сладкою водой,
Что и бушующая, блещет чистотой.

Когда прием устроит наш владыка —
Тот день прекрасен, как Новруз великий.²⁶

Мне любви за глаза его величье,
Его осанка и его обличье.

Он — как луна, что из-за гор встает,
За нею — звезд блестящий хоровод.

Иль словно солнце, что светло горит
Над кручей, освещая дивный вид.

Он утренняя щедрая заря,
Что светит, божью благодать даря.

Тому, чей взгляд увидит этот свет,
Не страшен сглаз, он защищен от бед.

О боже, я, нося Увайса имя,²⁷
Мухаммеда стихами пел своими.

Так ниспосли же мне узреть владыку
Что на Мухаммеда похож так ликом!²⁸

ЧЕЛОБИТНАЯ

О мир души, душа вселенной всей,
Ты — радость для адамовых детей!

Венец твой выше солнца вознесен,
Престол твой выше, чем Джамшида трон.

Блажество мира — в счастье твоём,
Свободен тот, кто стал твоим рабом,

Ты покровитель всех на свете царств
И утвердитель мощи государств.

Земное наше царство ты прославил,
Власть над землей господь тебе оставил.

В твою честь хутба — веры благодать,¹
И сам халиф твою почитит печать.

Над лугом эту хутбу кто прочтет,
Увидит — золото из недр растет.

На камень наложи твою печать —
Никто не станет золото копать.

Довольство мощью шаха — грозный щит,
Что царство от набегов оградит.

Твой главный конюх — это небосвод,
В амбар Солому и Ячмень кладет.²

Они на небе — стоит лишь взглянуть —
Созвездье Колоса и Млечный Путь.

У ветерка дух амбры отобрав,
У воздуха ты взял приятный нрав.

Ты щедростью своею всех живишь,
Народы ты живой водой понишь.

Когда со стоп ты стряхиваешь прах —
Цветет весна во всех людских сердцах.

От Кафа и до Кафа все сердца³
Служить тебе желают без конца.

Десницей ты венцы распределяешь,
Грехи, как божья милость, отпускаешь.

Тебя от века славит государство,
Со всех сторон ты охраняешь царство.

Ты спереди — и свет несешь с собой,
Ты сзади — охраняешь наш покой.

Ты — факел, что бросает свет лучистый,
С последним утром схож пресветлый, чистый.⁴

Печати дел великих ты хранитель
И судеб мира подлинный властитель.

Кто держит в мире первенство в делах,
Перед тобой склоняется во прах.

Высоких, мудрых мыслей властелин,
Всех дел страны бесспорный господин.

И счастье, вечная мечта людей,
Всегда витает над судьбой твоей.

Победа (для врага — исток невзгод)
Под сенью счастья твоего растет.

Твой стяг, хранимый судьбами от бед,
Не из удач ли соткан и побед?

Бойцам дружины боевой твоей
Дашь ты доблесть тысячи мужей.

Умешь рассчитаться ты с врагом,
Ни разу не взмахнувши сам мечом.

Кто удостоен твоего участия,
Тот восседает на престоле счастья

С вниманием взгляни на Низами—
Прославлен будет он перед людьми.

Пусть он лишь сторож пред твоим дворцом —
Но отблеск счастья твоего на нем.

Ведь птица, что Хумай зовет народ,⁵
С собою счастья полноту несет.

Ту птицу, в ком живет любовь к тебе,
Он, верно, воплотил в своей судьбе.

И тень ее — теперь понятно это! —
Приносит счастье и владыке света.

Так и любая утренняя птица
За счастье шаха хочет помолиться.

Чем выше свой стремится она полет,
Тем громче славу шахскую поет.

Не знай, властитель, горестей и бед.
Пусть высится престол твой меж побед.

Да будет счастлив мир, тебя любя,
Пусть не лишится никогда тебя.

Да будет счастье спутником твоим,
Пусть богом будешь ты всегда храним.

Пусть видят люди, милостью Аллаха,
Удачу шаха, счастье сына шаха.

О ПОРУЧЕНИИ СВОЕГО СЫНА СЫНУ ШИРВАНШАХА

Когда светило в предраcсветный час
Явило миру алый свой алмаз,

Алмаз, из копей извлеченный мной,
Опора, и оплот надежный мой,¹

В рудник алмазы сыпая на заре,
Так говорил о руднике-царе:²

«Ты бедняка, дрожащего от страха,
Препоручи благой заботе шаха.

Уместно будет это порученье —
Он — новичок у власти, я — в ученье.

Достигнув совершенства, будет он
Советами твоими вдохновлен.

Ведь венценосец, чей прекрасен лик,
Хоть мал еще, но мыслями велик.

Ведь он — звезда на небе государства,
Он — плоть царя, душа благого царства.

Семи миров, престолов девяти
Юсуф — наследник царский во плоти.³

В ракушке царства Манучихра вновь
Он радость воскресил, пиры, любовь.

Вознесся к небу славой он своей,
Он рассудительностью — мозг царей.

Семи краев наследник дани он,
В «четыре жемчуга» сорвал он кон.⁴

Он свет очей тех, кто в делах велик,
Михраб молитвы венчанных владык⁵

Престола гордость он, краса венца
Неполно счастье без его лица.

Тобой, царевич, очи Ахсатана
Готовы любоваться неустанно.

Как яблоко в час утра, двух цветов,
Ты плод соединения двух родов.⁶

Ты — ветка царственного вертограда,
Династии великой Кай-Кубада.

Семь царственных кругов пересекались,
И на тебе едином лишь сошлись.*

Тебя господь всечасно бережет
От всяких бед, от сглаза, от забот.

Я умоляю господа о том,
Чтоб он тебя с твоим благим умом

Вознес, возвысил в этом мире так,
Чтоб ты изведал изобилье благ,

Прочел немало славных царских книг,
Реченья древних мудрецов постиг.

Ты, клад найдя в моем ларце на дне —
Луну над стройной башней в вышине, —

Поймешь, что и с теченьем многих лет
Красу такую не отыщет свет.

Ее отца коль поощрить не смог —
О брате позаботься в должный срок.⁷

Ему ты окажи благодеянье,
Назначь ему до смерти содержание.

Чтобы вперед глядеть его глазам,
Чтоб хлеба не искать по сторонам.

Кончая пожеланья, повторю:
Тебе удачи, счастья царю.

* Здесь в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Благодаря тебе Ширван велик
И внятен справедливости язык.

Пусть свет его в твоих глазах горит,
Пусть кипарис твой в том саду стоит.⁸

Не отходи от шаха ни на шаг,
И будет посрамлен, повержен враг.

Пусть знает шах тепло твоих забот,
Как Хызр живой водой всегда живет.⁹

И пусть горят небесные светила.
Над вами вечно, с неизбывной силой.

ЖАЛОБА НА ЗАВИСТНИКОВ И ЗЛОПЫХАТЕЛЕЙ

Встань в гневе, сердце, не молчи смиренно —
Ужель замолкнет златоуст вселенной?

Лишь мне принадлежит арена слова,
Другого слова не найдешь такого.

Питанье добываю я трудом,
Мне этот клад несет достаток в дом.

Я шпоры дам волшебному коню
И «Семиглавье» мигом сочиню.¹

Такое волшебство разрешено,
Неправо отвергается оно.

И я, волшебник слов необычайный,
«Зерцалом тайн» был прозван не случайно.

Столь тонок стал теперь мой меч-язык,
Что мастерство Масиха я постиг.²

Так беспредельно речь моя тонка,
Что раскрывает корни языка.

От слов моих идет такой огонь,
Что обожгут они — лишь только тронь.

Поэзия пьет воду рек моих,
И мной прославлен в этом веке стих.

Невежды, чья мечта — обильный пир,
Мой стяг поднявши, пожирают мир.

Дичь повалить — ведь это дело льва,
Зато лиса объедками жива.

Есть у меня один лишь только рот —
И пусть толпа обьестся за мой счет.

Завистник, плавный стих мой не ценя,
Злословьем только потчует меня.

Передо мной простершись, словно тень,
Он клеветой мне хочет застить день.

Едва газель из уст моих польется,
Сейчас же за подделку он берется.

Под пенне торжественных касыд
Он тотчас обезьяничать бежит.

Начнет он повесть сочинять не в шутку —
Его хватает лишь на прибаутку.

Мои монеты полноценны сплошь —
А у него подделки лишь найдешь.

Мартышки тоже людям подражают —
Так лужи звезды мутно отражают.

Свет, падающий на любой предмет,
Тень создает, что поглощает свет.

Ничтожный отблеск человека — тень,
Ей передразнивать его не лень.

Кривляясь, не стыдится никогда —
Она слепа, не ведает стыда.

И сам пророк пусть тени был лишен,
Тенеподобных знал немало он.³

Но океану, чья чиста волна
Страшна ль собачья грязная слюна?

Посмотрит желтоухий на меня—⁴
Лицо мое горит, как от огня.

Как море очищаю я себя,⁵
И не кривляюсь, честь свою любя.

Удары, как светильник, получаю,⁶
От смеха, как спеча, ослабеваю.

Как в зеркале, во мне железа нет,
От камнесердых жду я только бед.

Ты не смотри, как рою рудники —
Смотри, как роет душу враг с тоски!

Спасенья нет хулителю стихов —
Нет средства от недуга четвергов!⁷

Вор, обокравший в темноте мой дом,
Меня же попрекает воровством.

Вор, что спастись стремится от позора,
Не громче ль всех кричит: «Держите вора!»

За воровство я их прошоаю всех,
Но вот злословье — это больший грех.

Искусство видят, не поняв его,
И зло вершат, не вникнув в существо.

Коль зрячи, пусть они лишатся зренья,
Коль слепы — пусть растет их ослепленье.

Они воруют, я им позволяю,
Хоть в грех пособничества и впадаю.

Да, если кто так склонен к воровству,
Скажи: «Входи, вот дверь, я здесь живу».

Ведь если б был на месте вора я—
Была б грустней намного жизнь моя!

В моих руках — богатство двух миров,
Так мне ль бояться нищих и воров?

Дары я должен бедным раздавать.
Их дело — просто брать иль воровать.

Владельца копеей, моря жемчугов —
Ужель подкопы устрашат врагов?

Легко запрешь богатство на замок,
Здоровье рутой охранить ты б мог.⁸

В кольчуге Исфандьяра я рожден,⁹
От матери я рутой одарен.

Коль четко имя «Низами» прочтешь,
Имен в нем тысячу с одним найдешь.

Коль от «Ильяса», «дам», «алиф» возьмем,
То сто имен без единицы в нем.

Владею замком тысячью одним,
Доспехов — девяносто девять к ним.¹⁰

Разбоя ли, скажи, бояться мне,
Дрожать при мысли о моей казне?

Когда богатство так ограждено,
Подкопу не поддастся ввек оно.

Где есть сокровище — и змей там есть,
Где финики — колючек там не счесть.

И Славный, мир весь покоривший дланью,¹¹
Был спутников своих осыпан бранью.

Юсуф, что красотой был, как луна,
От братьев зависть испытал сполна.¹²

Иса — из уст его и пар не шел —¹³
У иудеев злобу лишь нашел.

Ахмед — пример для всякого араба —
Терпел насмешки от Абу-Лахаба.¹⁴

Но так уж издавна устроен свет,
Что без пчелиных жал и меда нет.

ПРОСЬБА О ПРОЩЕНИИ ЗА СВОИ ЖАЛОБЫ

Я не сломал с тех пор, как я есть Я.
Крыла ничтожнейшего муравья,

Чужой водой не мыл я жемчуг свой,
Не нарушал я ввек чужой покои.

Соперника я и правом не владею.
Пса обругать я даже не умею.¹

Львом стал я, песни их узнав пороки,
И я машу рукой на их упрёки.

Я знаю — лучше сдерживать свой гнев, —
И лишнего сказал, рассвирепев!

Но коль по счету мудрости считать,
То было б знаком робости молчать!

Ведь тот, кто знает местность и базар —
Он ведаёт, откуда мой товар.²

А тот, кто поднял на меня кулак,
Тому его же подлость худший враг.

Но хватит, сердце, болтунов забудь,
Полна споних забот насущных грудь.

Как роза, приготовь себя в поход.
Целуй руку, что тебя сорвет.³

Насущный хлеб свой кровью добывай,
Нет головы — так шапку поднимай!

Терпи обиды, сам не обижай
Тогда сберешь обильный урожай.

НАЗИДАНИЕ СВОЕМУ СЫНУ МУХАММЕДУ НИЗАМИ

Четырнадцатилетний свет очей,
Знатоки небесных и земных речей!

Как роза ты, семи неполных лет,
Цвел на лугу, земных не зная бед.

Четырнадцати лет ты взвился ввысь,
Как стройный, горделивый кипарис.

Оставь же игры и увеселенья,
Час доблести настал, час возвышенья.

Ты к знаниям, к величью стремись
И с каждым днем все лучше становись.

Нужны лишь в детстве имя рода, слава,
Большому дереву — в них лишь забава.

Величье должен ты достичь вершин —
Здесь не поможет то, что ты мой сын.

Подобно льву, врагов сражая злых,
Будь сыном только доблестей своих.

В стремленье к счастью сил ты не жалей,
Но божьих уважай всегда людей.

Коль к выдумкам влечет тебя твой путь,
Ты о господней каре не забудь.

Себе занятие выбирай всегда,
Чтобы тебе не принесло стыда.

Коль со вниманьем слушал ты совет,
Он пользу принесет тебе, не вред.

Я вижу, ты к величью устремился
И к стихотворству мыслью обратился.

Не думай, ты, что нет стихов красивей.
Ведь «Лучшие из них — они всех живей!»¹

Стихом не сыщешь славы меж людьми,
Стих завершает путь свой с Низами.

Пусть стихотворство ныне всем любезно,
Но ты ищи науки, что полезна.

В таблице линий жизненных кривых
Познай себя точнее всех других²

Познай ты нрава своего черты,
С тем знанием спокойней будешь ты.

Пророк сказал: «Наук есть две на деле:
Одна о вере и одна о теле.

Двух знатоков наук ты обозначь —
Они окажутся — факих и врач»³

Иль будь врачом, что как Иса, всех лечит —⁴
Но не таким, что мучит и калечит,

Иль будь факихом, учащим смиренью,
Но не коварству, но не ухищренью.

Иль будь одновременно тем и тем,
И будешь нужен и приятен всем.

Коль будешь властелином двух наук,
То счастье, несомненно, будешь друг.

Читай листок ты каждый до конца,
Чтобы познанем покорять сердца.*

Не лучше ли попоны шить умело,
Чем братья шапки шить, не зная дела?

Я говорю, ты выполняй, не жди,
Смотри, без дела только не сиди.

О ПОЛЬЗЕ НЕМНОГОСЛОВИЯ

Содержит слово благодать, как вода,
И все ж немногословным будь всегда.

Хотя воды свежей, отрадней нет,
Излишество в питье приносит вред.

И тщательнее будь в подборе слов,
Чтоб мир заполнить горсткой жемчугов.

Прекрасней нет немногих слов-жемчужин —
А грудями — один кирпич лишь нужен.

Имеет жемчуг чистую природу
И украшает землю он и воду.

Когда он цел — богатства признак он,
Лекарством служит, если размельчен.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Коль совершенства ты достигнешь в этом,
То будешь почитаем целым светом.

Милее нам цветущих роз букет,
Чем сто скирд сена — в том сомненья нет.

Хоть сотни звезд на небесах искрятся,
Но все же лучше солнцу поклоняться.

Сияют звезды в небесах давно,
Но освещает — солнце лишь одно.

ПОМИНАНИЕ НЕКОТОРЫХ УСОПШИХ БЛИЗКИХ

Пусть виночерпий мне вина нальет,
Оно винопоклонника спасет.

Прозрачней слез моих налей вино —
Влюбленным ведь дозволено оно.

К вину тянусь я робкою рукой —
Оно, быть может, сердцу даст покой.

Могучий лев стал на моем пути —
И я его мечтаю обойти.

Немало радости я знал доселе —
Сейчас во мне нет прежнего веселья.

Когда исчезнет то, чем я владею,
Наверно, стану я еще слабее.

Рубинового, чашник, дай вина —
Пусть вдохновение не знает сна.

Налей вина — пусть дух оно разбудит,
И дело трудное пусть легким будет.

ПОМИНАНИЕ ОТЦА

Отец мой, сын Заки ибн Муайяда
Ушел за дедом вслед, как было надо.

Что ж мне судиться с колесом времен —
Тут не насилье — времени закон.*

Подумав об отцах, ушедших вдаль,
Я подавил в своей душе печаль.

Я тело сладким медом поддержал,
На миг забывши об укусах жал.

О виночерпий, дай вина мне вновь,
Чтобы согреть хладеющую кровь.

ПОМИНАНИЕ МАТЕРИ

Коль мать моя, Раиса, курдов дочь,¹
Ушла, как матери другие, прочь,

Кого теперь могу я умолять,
Чтоб привели ее ко мне опять?

Как неизбежен горя страшный гнет!
Тоска волной громадной захлестнет!

* В некоторых рукописях здесь есть еще один байт:

Остался ль хоть один с времен Адама,
Чтоб миру мстить за кровь отца упрямо?

Печали кубок полон до краев:
Не расхлебать и тысячею ртов!

От горя и печали нет спасенья,
Одно лекарство только есть — забвенья

О виночерпий, конь мой изнемог,
Налей вина, отъезд мой недалек.

Пусть в голову ударит мне вино,
Огонь по жилам разольет оно!

ПОМИНАНИЕ ДЯДИ ХАДЖЕ УМАРА

Ушел и дядя мой, Хадже Умар,
Как сердцу этот вынести удар?

Так горек этот мне глоток печали —
В свирели горла жалобы застряли.

Боюсь я — может быть, мои стенанья
Его усилят тяжкие страданья.

О виночерпий, где кувшин? Скорей
Вина рубиноцветного налей.

Оно дарует жизнь лугам зеленым,
В родстве с напитком райским благовонным.¹

ПОМИНАНИЕ УСОПШИХ ДРУЗЕЙ
И О ДРУЖБЕ С ДРУГИМИ

Как горько вспоминать мне о родных!
Но как друзей могу забыть моих?

Ведь улей, что дарует людям мед,
Благодаря содружеству живет.

И кокон с шапкой шелковой своей
Живет по милости своих друзей.

И муравей, друзей своих любя,
Былинку тащит тяжелей себя.

С кем ты сошелся на своем пути —
Старайся общий лад ты с ним найти.

Коль разойдешься, в дружбе оскудев,
То выпадет из лада твой напев.

В Китае не один лишь шелк прядут,
Ведь там, бывает, и циновки ткут.

Коль дело справедливо ты ведешь,
Согласие ты под конец найдешь.

А лютня, что с напевами не ладит,
Певца навеки от себя отвадит.

О виночерпий, где ж мое вино,
Пусть успокоит бедняка оно!

В нем жизни выжимки сохранены,
Побеги в нем зеленые видны.

О ПРЕДАНИИ СВОЕГО БЫТИЯ
ЗАБВЕНИЮ

Доколь мне яд глотать и пить шербет¹
В жилище праха и всечасных бед?

Вглядись получше — то паучий дом
Паук ужалил, вылечит потом.

То муху злобно мучит и калечит,
То от кровотечения руку лечит...²

Будь коконом и замурайся дома,
Чтоб сладкая тобой владела дрема.

Наш дом — обитель горестей и бед,
Он нам подарен на немного лет.

О виночерпий, сколько ж быть в безделье?
Дай горького вина, с ним дай веселья!

Чтобы души изгибы просветлило
И то, что в них таится, проявило.

О ЗАБВЕНИИ ТЩЕСЛАВИЯ

Ты бойся голову поднять свою,
Иль сель тебя раздавит, как змею.¹

Хоть будь семиголов ты, как дракон —
Одним ударом будешь умерщвлен.

Не поднимайся на большую высь,
Иль с болью неизбежной примпрись.

Есть разница — коль влез на крышу ты —
С какой ты будешь падать высоты.

Ты будь как прах, и позабудешь страх,
Среди других стихий спокойней прах.²

Стихии все, как жемчуга, горят,
Земля всех больше радует наш взгляд.

При них мы видим свет ее лучей,
Они же неустойчивы при ней.

Тюльпаниного вина дай, чашник, нам,
Под звуки чанга с нами выпей сам —³

Вина, что нам об утре говорит,
И праздничный дворец души творит.

О ЗАБВЕНИИ ПРОШЕДШЕЙ ЖИЗНИ

Что о беде бывшей горевать
Иль бывшее бывшим называть?

Не лучше ли мое запомнить слово,
Не лучше ли не вспоминать былого?

Прошедшее задатком ты считай,
То свиток, что развернут не был — знай.

Иль думай — тот листок перелистал ты,
Открыв тетрадь, листок тот исписал ты.

Пусть «Семиглавье» ты прочел, мой свет,¹
Иль, скажем, прожил ты семь тысяч лет...

Но срок настанет — жизни дни пройдут,
Семь тысяч лет мгновеньем промелькнут.

Коль телу в прах вернуться суждено,
Неважно, длинно ль, коротко ль оно.

О виночерпий, утром дай вина,
Чтоб, захмелев, душа была пьяна.

Как солнце, в грудь пусть бодрость нам вольет,
Пусть ключ засохший от него забьет!

ОБ ОТКАЗЕ ОТ БЕСПОМОЩНОСТИ И ЗАСТЕНЧИВОСТИ

Доколь как лед, окаменевшим быть
И дохлой мышью в грязной луже гнить?

Как роза будь — ей рук чужих не жалко,
Двуличье брось — будь чистым, как фиалка.

Бывает время — нужно быть шипом,
Быть бешеным — и не жалеть о том.

ПРИТЧА

Курд шел в Каабу, потерял осла,¹
Носился взад-вперед, крича со зла:

«В пустыне беспредельной почему
Как раз ослу теряться моему?»

Но тут осла его заметил взгляд.
Он рассмеялся — так уж был он рад.

Воскликнул он: «Чуть не пропал осел,
Я руганью своей его нашел!»

Когда б не зашумел тот курд, боюсь,
Осел пропал бы. Кто таскал бы груз?

Деревня наша — бешеных оплот,
Убийца слабых здесь приют найдет.²

Без львиной храбрости здесь пропадешь,
В сердцах воловьих храбрость не найдешь!

О виночерпий, окропи вином,
Давай, огонь сильней мы разожжем!

Вино нам камень дочиста отмоет
И яхонт на лице его откроет...³

О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ТЕРПЕТЬ ГНЕТ

Ты подлым покоряешься — зачем?
И низким подчиняешься — зачем?

Тебя любой, кто хочет, больно бьет,
Зачем, скажи, ты терпишь этот гнет?

Горой высокой поднимись ты гордо,
С мягкосердечным поступай ты твердо!

Пусть лилии ткнут шелк, при этом зная,
Что пищей будет им лишь грязь земная.¹

Тебе приниженность приносит вред,
Терпеть насилье — в этом силы нет!

Копье, как шип, держи ты на плечах —
И будет роз букет в твоих руках!

Иссякнет мощь от криков сожаленья,
От них погибнет воин, без сомненья!

Брось праздность, виночерпий, ночь идет,
Неси вина — устал я от забот.

Что озаряет всем идущим путь
И молодость вливает старцам в грудь.

С гуляками беспечными иди,
От чванства грудь свою освободи.

ОБ ОТКАЗЕ ОТ СЛУЖЕНИЯ ЦАРЯМ

Люби, как солнце, сущего частицы —
Тебе ль с Джемшидом пить и веселиться?

О жалованье царском позабудь,
Бродягою-служгой царя не будь.

С царем общенье бедами богато,
Он как огонь, а ты — сухая вата!

Он полон света, но чтоб он не сжег,
От этого огня ты будь далек!

К свече на праздник мотылек летит —
Едва достигнув пира, он сгорит.

О виночерпий, я томим печалью,
Вина неси. чтоб горести бежали,

Вина, что чисто, словно серебро,
Оно сердцам людей несет добро.

О ТОМ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ОТНИМАТЬ У ЛЮДЕЙ ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Довольствуйся имуществом своим
И хлебом не прельщайся ввек чужим!

Судьбы жестоким будет приговор,
Коль вытянешь ты ноги за ковер!

Коль улетает за зенит свой птица,
Она к своей погибели стремится!

Когда змея с путей своих собьется,
Она в кольцо с отчаянья совьется.¹

Оружием обвешанный, захид²
Не будет ли безжалостно избит?

Лисе со львом тягаться смысла нет —
Меч в чьих руках, ты ведаешь, мой свет!

О чашник, жгучего вина налей,
И мне дай чашу, возгласивши: «Пей!»

То — ключ к ларцу веселья и отрады,
Живой бальзам из клада Кай-Кубада.

О РАДОСТИ ДОВОЛЬСТВА МАЛЫМ

Себе всели навеки радость в грудь,
Тем, что имеешь ты, доволен будь.

Все существа, помимо человека,
Довольны тем, что есть у них от века.

По свету в поисках добычи рыщут,
Но тем всегда довольны, что отыщут.

Хотя у них запасов нет следа,
Но все ж они не ропщут никогда.

Лишь дерзкий человек один кричит,
Когда его желудок не набит.

Хотя бы одного куса лишенный,
Он к небесам свои возносит стоны.

Его лишь капле стоит оросить —
Он сразу небо станет поносить.

Едва его лишь припечет чуть-чуть,
Готов он в солнце град камней метнуть.

Вот мой тебе совет — как свет, сияй,
Дурной, благой ли грязи — избегай!

Иль, как нода, будь ласков, и при этом,
Дружи всегда и с тем и с этим цветом.

Встань, виночерпий, взглядом не коси
И мугского вина нам принеси.¹

Вина, что нежности пирам придаст,
А в битве доблести бойцам придаст.

О РАДОСТИ СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ

Коль ты не камень, двигайся живей,
Коль ты не хром, вперед иди скорей!

Получше выбей пыль, потряхнув кошмой,¹
И на нее покрепче стань ногой.

Как небосвод, ты в пляске быстром будь,
Хотя б шипы тебе устлали путь...

С коня сойди, всегда ходи пешком,
Бьют по щеке? С открытым будь лицом!

Коль можешь, помоги другим в пути
Тяжелый груз до цели донести!

Когда тебе тяжел груз будет твой,
Его поможет донести другой!

Багряного вина мне, чашник, дай, —
Я буду крепче и сильнее, знай.

Оно согласно с естеством моим,
Душа и печень крепче будут с ним!²

О СКОМНОСТИ, КОТОРАЯ
ПРИВОДИТ К ВЕЛИЧИЮ

От вечных жалоб ты не жди добра,
Признать свою беспомощность пора!

Не хвастай силой — это лишь мечты,
Не так легко дойти до высоты.

Тебе порвут, как розе, лепесток—¹
Как соловей, ты обвиняешь рок!

Брось крылья, коль для крыльев путь закрыт,
Остер твой меч булатный, брось же щит.

Чтобы быстрее скакал твой конь вперед,
Чтоб к выюку груз прибавил небосвод,—²

Свались хоть раз с коня — перед тобой
К спасенью путь откроется прямой.

Как вдвое сократит свой круг луна,
Теряет хвост привязанный она.³

О виночерпий, я томлюсь в сметенье.
Вина подай, — лишь в нем одном спасенье.

Не выпито — в нем царство для души,
А выпито — лекарство для души!

О СОЧИНЕНИИ СЛОВ В УЕДИНЕНИИ

Ты косоглаз — что на себя глядишь?
Кочевки время скоро — что ж ты спишь?

Изражена стопа, и крут твой путь,
Как, мастер, сможешь ты вперед шагнуть?

Иль собирай пожитки в час благой,
Иль дверь свою пред временем закрой.

Читать ли недописанный листок?
Вести корабль по суше — есть ли прок?

О Низами, теперь, как Хызр, скорей
Шатер свой у источника разбей.

Наполнишься тогда, как жемчуг юный,¹
Прозрачною водой любви Межнуна!

НАЧАЛО ПОВЕСТИ

Дастана сочинитель говорил,
Когда он жемчуг слова просверлил:

В Аравии жил некогда владыка,
Всех превзошедший доблестью великой.

Средь амиритов правил он всех лучше,
Был край его всегда в благополучье.

Земля арабов от его дыханья
Вкушала вешнее благоуханье.

Он всюду был своим искусством славен.
И в мужестве никто с ним не был равен.

Султан арабов был он по удаче,
Каруна¹ был аджамского² богаче.

Он с бедняками разделял добро,
Удачлив был, как в скорлупе ядро.

Казался он наследником Пророка,³
Но без наследника по воле рока.

Он был ракушкой, жемчуга лишенной,
Он колос был, зерном не отягченный.

Он ждал и ждал, когда судьбы десницей
На дереве его побег взрастится.

Так кипарис — он корни распускает,
И вот, от тех корней другой взрастает

Фазан на место старое придет —
А там уж новый кипарис растет.

Над ним уж старый не раскинет сень —
Но к новому фазан садится в тень.

Потомство оставляет человек —
И в нем живет в краю своем навек.

Для нищих шейх дирхемов не жалел,⁴
Не ставил щедрости своей предел.

«Добыть бы месяц» — думал властелин,
Жасмин сажал он — но не рос жасмин.⁵

Искал он жемчуг; не найдя опять,⁶
Он принимался вновь и вновь искать.

Не знал, что в позднем появлении сына
Какая-то иная есть причина.

Коль то, что ищешь, не нашел пока,
То в этом польза есть наверняка.

Добро ли, зло ль с тобою приключится,
В нем польза есть, коль думать не лениться.

Ты клад нашел — какое торжество!
Глядишь потом — а лучше б без него!

Немало в свитке целей есть таких,
Что лучше загодя не знать о них.

Спешат на свете люди кто куда,
Своей не зная пользы никогда.

Проникнет ли в глубь тайны светлый луч?
Глядишь замок... А prismотреться — ключ.*

Шейх сына как сокровище искал
Как жемчуг в море, как рубин меж скал.

И внял господь моленью властелина
И даровал ему красавца-сына.

Как роза, цвел он, как огонь, смелся,
Огонь и роза? Краше во сто раз!

Он жемчугу подобен был сияньем,
Ночь в день он превращал своим сверканьем.

Сын озарял сияньем всю страну.
Отец раскрыл для всех свою казну.

Как роза, сыпал лепестки он, рад,
Что, вот, он стал неслышанно богат.

Кормилище велел дать сына он,
Чтоб на ее дрожжах был сын вскормлен.

И время про дитя не забывало
И молоком любви его питало.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Но сын Адама слаб. Пылинка он,
Легко он будет ветром унесен.

Пока в земной пещере веселись,
И с болтовнею суетной простишь.

Он молока лишь капельку глотнет —
И в нем стремленье к верности растет.

А пищи он один глотнет кусок —
Любовь растет, как по весне поток.

Черты индиго на лице его
Ему вливали в душу волшебство.⁷

Он, как тюльпан, был молоком омыт
И, как жасмин, от молока был сыт.⁸

Он мед был в молоке на самом деле,
Лежал луною полной в колыбели.

Он в две недели был цветком прекрасным,
Он двухнедельным месяцем был ясным.

Мерилом дарований он казался
И, видимо, за это Кейсом звался.⁹

Когда же минул год после того,
То красота умножилась его.

Любовь его своей водой поила,
А жемчуг страсти укреплял в нем силы.¹⁰

Так два-три года среди игр и роз
В саду сердечной неги мальчик рос.

Семь лет ему исполнилось — и вдруг
Его тюльпанов рос фиалок луг.¹¹

А десять лет ему когда настало,
Молава о нем полсвета обещала.

Чей взгляд его касался хоть слегка,
Молился за него издалека.

Отец не мог сыночком нахвалиться
И в школу он послал его — учиться.

Учителю искусному вручил,
Чтоб тот трудился, не жалея сил.

Собрал счастливый случай в школе той,
Других детей подстать ему душой.

С надеждой или робостью они
Свои в ученье проводили дни,

Сидели за уроками своими,
И девочки учились вместе с ними.

Из разных мест, племен они сошлись
И здесь, во храме знаний собрались.

Манила Кейса знаний высота,
И жемчуг сыпали его уста.

И с ним училась девочка одна,
Жила в соседнем племени она.

По всей земле о ней ходила слава
Ума и добродетельного нрава.

Прекрасна, как цветок, как кипарис,
Что стан свой стройный поднимает ввысь.

Один лишь взгляд ей стоило метнуть —
И тысячам она пронзала грудь.

Да что! Газелекий тот кумир
Одним лишь взглядом поражал весь мир.

Откроет лик — арабская луна,
Сердца аджамов в плен брала она.

Как ночь, коса и пламя на щеках —
Не факел ли у ворона в когтях?

Уста ее малы и благодатны,
Они, как сахар, сладки и приятны.

И сахар перед ней не устоит,
И войско перед нею побежит.

Она, как талисман, среди подруг,
Собою охраняла весь их круг.

Услада скромности в юдоли бренной,
Шахбейт касыды юности бесценной.¹²

На подбородке жемчуг — капля пота,
А локоны зовут в свои тенета.

Румяны щеки, а лицо округло,
И, как у матери, немного смугло.

А кудри — с ночью спорить бы могли,
Недаром же она звалась Лейли.¹³

К кудрям и родинке волшебной ты
Добавь еще и жемчуг красоты.

Кейс жизнь свою красавице вручил,
Отдавши сердце, сердце получил.

Она искала тоже с Кейсом встреч —
Обоих их огонь не мог не жечь.

Итак, пришла любовь к Лейли с Меджнуном,
Хмельную чашу подала двум юным.

От первой чаши опьянение тяжко,
На камни первое паденье тяжко.

Их опьянило роз благоуханье,
Быть вместе — лишь одно у них желанье.

Он сердце отпустил в любовный плен
И сердце милой получил взамен.

Прикованный глазами к ней одной,
Ей отдал душу, завладев душой.¹⁴

Друзья прилежно изучают счет,
А их один лишь счет любви влечет.

Друзьям нужны слова из словарей,
А им другой словарь всего милей.

Друзья листают книги всех наук, —
Для них любовь — один лишь верный друг.

Друзей к себе грамматика влекла,
А им любовь грамматикой была.

О ТОМ, КАК ЛЕЙЛИ И КЕЙС ПОЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА

Настанет утро, явится с востока
С Юсуфом схож, красавец без упрёка.¹

Окрашивал зеленый базилик
В цитронный яркий цвет Юсуфов лик.²

Под пламенным цитронным небосклоном
Был подбородок у Лейли — цитроном.

И каждый, глядя, страстью опален,³
Себе ладони резал, как цитрон.

Цитрон она положит на ладонь —
И в каждом разгорается огонь.

А Кейс — едва посмотрит на цитрон,
Лицом, как померанец, станет он.

Цитрон и померанец в дружном споре
Друзей лечили от тоски и горя.⁴

Шло время, преисполнено тревоги —
Влюбленные сдержать не в силах вздохи.

Любовь, придя, опустошила дом,
Разила их безжалостным мечом.

Влюбленные исполнились тоской,
И навсегда покинул их покой.

Была любовь их с каждым днем заметней
И порождала клевету и сплетни.

С Лейли фату срывали каждый миг,
Меджнун к попрекам уличным привык.

Святая тайна, что звалась любовью,
Внезапно стала поводом к злословью.

Они боялись встретиться случайно,
Чтобы свою не обнаружить тайну.

Хоть мускусный мешочек сух на взгляд,
Но амбру сразу выдаст аромат.⁵

Про их влюбленность ветер как узнал —
Он покрывало с их любви сорвал.

И становилось все трудней для них
Укрыть свою любовь от глаз чужих.

И как ее укроешь, что тут скажешь —
Ведь солнце, правда, глиной не замажешь.

Когда глаза полны намеков нежных,
Как скроешь ты огонь страстей мятежных?

Любимая едва взмахнет кудрями —
Как прикует влюбленного цепями.

Но осторожность им велела впредь
Украдкой друг на друга лишь смотреть.

Кейс жил теперь с волнением в крови,
Он стал бессильным пленником любви.

Лишившись от любви последних сил,
Себе покоя он не находил.

Кейс жаждал лишь любимой лицеизренья
И жил в тоске и в вечном нетерпенье.

Свалилось сердце с ног, покой ушел,
Бурдюк порвался и упал осел.

Те, кто не падал, дали в назиданье
Ему «безумец» (иль «Меджнун») прозвание.

А он стал неуклюж, застенчив, вял,
И справедливость клочки подтверждал.

И чтобы больше не было укоров,
Луну укрыли от влюбленных взоров.

Собачий лай достиг желанной цели,
Скосили зелень на пути газели.⁶

Бедняжку от Меджнуна увели,
И жемчугами плакала Лейли.

Меджнуна горе перешло границы,
Потоки слез он с каждой лил ресницы.

Базаром, улицею шел бедняк,
Глаза в слезах, а в сердце — боль и мрак

Он шел и песни пел он без конца,
И эти песни трогали сердца.

Он шел, печалью и тоской одет,
«Меджнун», «Меджнун» — ему кричали вслед.

И внемля этим поношеньям шумным
Он ослабел и вправду стал безумным.

Он ослика малюсенького вел,
А тот унес уздечку и ушел.¹²

Томленью Кейса не было преград,
И сердце разломал он, как гранат.

Скрыть тайну сердца своего хотел, —
Но кто огонь сердечный скрыть умел?

До сердца кровь из печени дошла
И к голове из сердца прилила.

Тоска проникла в душу глубоко,
Нет сил, а утешитель далеко.

Как свечка, распростился он со сном,
Не спал ночей, забыл про отдых днем.

Тоскою убивал себя несчастный,
Лекарства от тоски искал всечасно.

Терзал он душу в жажде исцеленья,
Лбом бился о ее порог в мученьях,

А утром, еле сдерживая слезы,
В пустыню шел босой, простоволосый.

Она в плену, печалью он объят —
Друг друга б им хоть слышать аромат.

Он ночью шел, разлуки песнь слагая,
Туда, где плакала его родная.

Дверь поцелует и уйдет в смятенье...
Каким же долгим было возвращенье!

Подобно ветру, он спешил туда,
Обратно плелся целые года!

На крыльях он летел к своей любимой,
Обратно шел, колючками язвимый.

Туда — водой в колодезь низвергался,
Назад — на тысячи холмов взбирался.

Туда — хоть шел с израненной стопой,
Под ним, казалось, конь был боевой,

Дул в спину ветер, впереди — вода...
Обратно же с трудом он шел всегда.

Когда б его судьба дружила с ним,
Он вовсе не вернулся бы к родным!

О СВОЙСТВАХ ЛЮБВИ МЕДЖНУНА

Тот властелин страны встающих рано,
И вождь всех тех, кто плачет неустанно,

Передовой боец отряда страсти,
Кандальник вечный у любви во власти.¹

Канун певцов Багдада сладкогласных
И скупщик стонов и рыданий страстных,²

Литавщик страсти и трубач мучений
И сторож храма тяжких сожалений,

Могучий див с таинственной силой,³
Харут бедняг, тоскующих по милой,⁴

Хосров, но без престола и венца,⁵
Несчастных утешающий сердца,

Кто щедро войско муравьев дарил,
Воссевши на престол среди могил,

Таран пред мощным замком искушений
И страж неохраемых строений,

Истерзанный судьбой, Меджнун скорбящий,
Свирепый океан, волной кипящий,

Имел двух-трех друзей, как он, влюбленных,
И, как и он, несчастьем истомленных.

И с ними каждый день он поутру
К любимой приходил, к ее шатру.

«Лейли! Лейли!» — твердил одно он слово
И слышать даже не хотел другого.

Не слушал он, не отвечал тому,
Кто говорил не о Лейли ему.

Вокруг горы, что Недждом нарекли,
Была обитель племени Лейли.

Меджиун, недугом тронутый сердечным
У той горы привык скитаться вечно.

Взойдя на гору, бил в ладоши он,
Вставал и падал, словно опьянен.

Вэдымалась песня Кейса к небесам,
Безумный, бегал он по сторонам.

Ресницы он слезами наполнял,
И ветер непрестанно заклинал:

«О ветер, ветер утренний, повеи,
Лети к Лейли, коснись ее кудрей,

Скажи ей: «Ветру преданный тобой
Лежит в пыли, где путь проходит твой.

Он в ветре ищет аромат любимой
И с прахом говорит, тоской палимый.

Ему родной долины вздох пошлал,
Пришли на память горсточку земли.

Кто не дрожит, как ветер, пред тобой,
Не стоит ветра, персти он земной.

И души кто тебе не отдает —
Пускай души лишится от невзгод.

Когда б огонь любви меня не жег,
Меня унес бы горестей поток.

Когда бы не потоки слез из глаз,
Огонь страданий сердце б сжег тотчас

Расплавит вздох один любви моей
И солнце в свете пламенных лучей.

Души моей свеча, ты так сладка!
О, пожалей родного мотылька!

С тех пор, как я горю в твоём огне,
Твои глаза убили сон во мне.

Тоска по милой — для души покой.
Бальзам и рана для души больной.

Сахароустая! На краткий миг
Ты сахара мне дай от уст твоих!

И мне в моих оковах сахар тот
Мгновенно исцеленье принесет.

Виновен сглаз, наверно, что как прах
Любимая, я пал в твоих глазах.

Бывает часто, что и свежий плод
От сглаза вдруг на землю упадет.

Сметает время всех равно с пути,
И пальцем можно рану нанести.

И я достигнут сглазом был, мой друг,
Тебя, как плод, я выпустил из рук.

Когда лицо нам синим обведут,
Нас от дурного глаза тем спасут.

А солнце в синий круг заключено —
От глаза затмевается оно⁶

Коль не закрыть покровом плотным клад,
Любой его разграбить будет рад».

МЕДЖНУН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВСТРЕЧУ С ЛЕЙЛИ

Прозрачный воздух, приоткрыв лицо,
Себе вдел в ухо солнце, как кольцо.

А звезды, что, как ртуть, еще мерцали;
От света солнца киноварью стали.

Влюбленный, с сердцем, трепетным, как ртуть,
Меджун с друзьями отправлялся в путь.

Он шел, покорность милой выражая,
Стихи о тяжких бедах распевая.

С разорванной рубашкою терпенья
Не знал он от безумия спасенья.

Бродил он вокруг сердечного гумна,
Пола рубашки сердца — порвана.

Крича, как пьяный, шел он по траве,
Руками бил себя по голове.

Не властный над душой своей, без сил,
Меджун к шатру любимой подходил,

А та Луна, как старина велела,
Завесу двери приподняв, сидела.

Она вздохнула, милого увидя,
Он горько застонал, на мир в обиде.

Она казалась яркою звездой,
Как небо, полог он держал рукой.

Лейли свой калабанд сняла с лица,¹
Рыдал Меджун и плакал без конца.

Она по чангу била со слезами
Он, как рубаб, бил голову руками.²

То не Лейли — то утро расцветало,
То не Меджун — свеча себя сжигала.

То не Лейли, а сад садов прекрасных,
Меджун? Да нет, то рана ран опасных!

Лейли — горящий в небе лунный свет,
Меджун — тростник, склонившийся от бед

Лейли сажала розы на луга,
Меджун — он сыпал бейты-жемчуга.

Лейли была небесной пери слаще,
Меджун был как огонь, в ночи горящий.

Лейли — не знавший осени жасмин,
Меджун — осенний луг среди равнин.

Лейли цвела, как утро золотое,
Меджун — он догорал свечой больною.

Лейли был сладок утренний фиал,
Меджун на песню рубище менял.³

Лейли глядела на Меджуна нежно,
Меджун склонялся с верностью безбрежной.

Лейли в шатре блестящий шелк пряла,
Меджнун жег руту, чтоб спастись от зла.⁴

Лейли цвела, как роза, красотой,
Меджнун глаза мыл розовой водой.

Лейли расчесет кудри гребешком,
Меджнун уронит жемчуга тайком.

Вино в руках Лейли благоухало
И запахом Меджнуна опьяняло.

Стремясь, чтоб языки молчали злые,
Они друг с другом были, как чужие.

Ему был нужен милой аромат,
А ей — один его влюбленный взгляд.

Но поднялась судьба, коварна, зла
И этот взгляд единый отняла.

ОТЕЦ МЕДЖНУНА ОТПРАВЛЯЕТСЯ СВАТАТЬ ЛЕЙЛИ

Когда закрыли путь в край дорогой,
Сломали мост над высохшей рекой,

Меджнун, томившийся в тисках разлуки,
Пел по ночам газели в тяжелой муке.

Потом, свой дом покинув, он скорей
Шел к Неджду, к дорогой Лейли своей.

И два-три друга шли гуда с ним, босы,
Все наги, как и он, простоволосы.

Он славен стал безумием своим,
Смеялись тьмы разумников над ним

Родные были в гневе на него,
Отец не прятал горя своего.

Меджнун советам не внимал ничьим,
И к притчам оставался он глухим.

Хотя полезен всем благой совет,
Но для любви в советах пользы нет.

Измученный отец страдал безвино,
Не знал покоя от несчастья сына.

Он все гадал, за что судьбы немилость,
И что за горе с Кейсом приключилось,

Расспрашивал он родичей своих:
И наконец, услышал он от них:

«Твой сын в одну красавицу влюблен,
И этот стыд повсюду разглашен».

Отец не мог не плакать, не скорбеть,
Он с лика розы пыль хотел стереть.

И сыну так решил помочь отец —
Украсить той жемчужиной венец.

Он дивных украшений много сот
За украшение племени дает.

И племени старейшины решили
В том славном деле не жалеть усилий,

И жемчугу достойному под стать,
Достойнейшему пару подобрать.

Договорились в путь они пойти,
Чтоб дивную жемчужину найти.

Безумцу, наконец, вернуть покой
Его соединивши с той луной.

Вождь горевать и плакать перестал,
Услышав эту весть, смеяться стал.

Сородичей толпою окружен,
Пошел, чтобы обряд исполнить, он.

С толпою той громадною пошел,
С толпою той парядною пошел.

Красавицы узнал об этом род,
Пошли навстречу звать, простой народ.

Радужно встретили своих гостей,
Приветили, как дорогих друзей.

Им поклонились низко, до земли,
Подарки дорогие принесли.

И задали вопрос вождю тогда:
«Скажи, что привело тебя сюда?»

Желание свое нам объяви
И жди от нас лишь дружбы и любви!»

«Мое желанье, — молвил, — вам служить,
Два светоча между собой сдружить».

Отцу невесты молвил: «Я стремлюсь,
Чтоб заключен был сладостный союз

За сына дочь я сватаю твою,
За жемчуг — дивный жемчуг отдаю.

В песках рожденный, жаждою палимый,
Один источник видит он любимый

Ведь ключевой воды приятна сладость,
Она приносит жаждущему радость.

И ты поймешь — мне нечего стыдиться,
Когда с тобой хочу я породниться!

Коль самых славных в мире перечесть,
Поверь, меж ними ты меня найдешь.

В богатстве равных не отыщешь мне,
Я щедр в любви и страшен на войне.

Я покупаю жемчуг. Бога ради,
Продай его, не будешь ты в накладе.

Какую хочешь цену называй,
Я заплачу тебе с избытком, знай.

Держать товар наличный ни к чему,
Коль покупатель сыщется ему».

Отец невесты, услышав ту весть,
Не стал благодарить его за честь:

«Нет, бесполезен этот разговор,
С судьбою нам совсем не нужен спор!»

Пусть веским слово мы твое найдем,
Но можно ль рядом с бурным жить огнем?

Твои слова как будто дружбой дышат,
Но чуткий слух в них лишь вражду услышит.

Хотя прекрасен сын твой — что с того?
Он своеволен — не хотим его.

Его безумье — всех оно тревожит,
Нам сумасшедший близким быть не може.

Его молитвой исцели сперва —
И снова ждать мы будем сватовства.

Покуда жемчуг не лишен изъяна,
Нам говорить об этом деле рано.

Для ожерелья чистый жемчуг нужен,
С изъяном не желаем мы жемчужин.

Араб разборчив — это всем известно,
А что мне скажут — знаешь ты чудесно.

Какой от лишних разговоров толк?
На этом кончим дело!» — Он умолк.

Услышан амиритами ответ.
Вернуться — им другой дороги нет.

Назад они, униженные шли,
Печальные, обиженные шли,

Как бы приезжие издалека.
Что бедствуют, не зная языка.

И снова стали думать, как же быть,
Как бедного безумца исцелить?

И стали вновь его увещевать.
Колючки стали вновь в огонь бросать.*

«Здесь много лучше есть, чем твой кумир —
Красавицы, кем восхищен весь мир.

Рубины — губы, с жемчугом в ушах,
В парчу одеты, с амброй в волосах.

Картины, по сравнению с ней, они.
Весны нарядней и живей они.

Красавиц много сотен рядом есть,
Как ты чужую мог им предпочесть?

Вели — мы всех знакомых обойдем,
Красавицу мы для тебя найдем,

Что от души твоей печаль отвадит,
Как сахар с молоком, с тобой поладит».**

* Здесь в некоторых рукописях следуют еще шесть бейтов:
Они, договорившись меж собой,
Ему совет решили дать благой.
«С умом и сердцем, — молвили, — дружи;
Куда ты сердце деа с умом, скажи?
Ты знания и учтивость сохраняй,
Здоровья и достатка не теряй.
Ты сущности своей лишь покоряйся,
Рассудка повеленьям подчиняйся.
И пищи не давай злым языкам,
Скорей приди в себя, не будь упрям.
В печали ты не погребай себя
И в тяжком горе не сжигай себя».

** Здесь в некоторых рукописях следует еще три бейта:
Лейли — не жизнь твоя, спокойным будь
И поскорее про нее забудь.
Есть много деа — покажем, лишь веси, —
Стройнее и прекрасней, чем Лейли.
Из них себе любую выбирай
И с нею счастье и любовь вкушай».

ПЛАЧ МЕДЖНУНА ОТ ЛЮБВИ
К ЛЕЙЛИ

Меджнуну горек был совет родных,
С тоской он слушал наставленья их.

Потом свою рубаху разорвал он.
«Я мертв, но саван мне зачем?» — сказал он.

За гранью двух миров страна моя,
Так что таскать в рубахе буду я?»

И как Вамик, что в Азру был влюблен,
Блуждал в горах или в пустынях он.

Как тюрок, он пожитки взял с собой,
Не расставался с жизнью кочевой.

Порвав бурнус, кольчугу сшил он снова,
Он цепи разорвал и сжег оковы.*

* Здесь в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Бродили везде, уставший от тоски,
В пустыне обошел все уголки.
В глазах-ракушках жемчуга сверляли
И про себя касиду он твердил:
«От горя по тебе страдать доколе?
И от тебя вдали рыдать доколе?
Ты верности, о друг мой, лишена,
Ты сеешь только гнетя семена».
Так говорил и плакал так Меджнун
И крови сердца проливал Джейхун.²

Убить его дозволенным казалось,
Во всех рождал он или страх, иль жалость

По улицам он дико бред в пыли,
И всюду возглашал: «Лейли! Лейли!»

В лохмотьях, с непокрытой головой,
Бродил он, и бранил его любовью.

Легко он ладил с добрыми, дурными —
Различия не знал он между ними.

Он пел о Йеменской звезде прекрасной,³
И песни эти разливались страстно.

Любой ее поступок вспомнит он —
И новый стих уже ей посвящен.

Сородичи, дивясь делам таким,
Над ним смеялись, плакали над ним.

Не думал он, что люди есть вокруг
И что заметен всем его недуг.

Он в книге мира стер рисунок свой
И был теперь ни мертвый, ни живой.

Он словно прах был, что на камень пал,
Как скинуть камень с сердца, он не знал.

Несчастьями он в грязь был превращен,
Меж жерновами измельчен был он.

Он был свечою с грудью опаленной
Иль птицею с подругой разлученной.

На сердце горести клеймом легли,
А на лице — седая пыль земли.

Он от мучений вовсе изнемог,
Людей он больше выносить не мог.

Уйдя от всех, он зарыдал навзрыд:
«Что делать мне? Душа в тоске горит!

Закреты к дому и к семье пути,
Не знаю даже, как домой пройти.

Приюта мне в родимом доме нет,
И там нет места, где живет мой свет.

И склянка чести, и бутылъ стыда
О камень раскололись навсегда.

Разорван доброй славы барабан,
Мне барабан отъезда ныне дан.*

Тиорчанку (для нее я — зверь хромой!),
Разящую невидимой стрелой.

Любимую, кумир души моей —
Прошу, чтобы убила поскорей.

Она мне скажет: «Пьян» — я, значит, пьян;
«Безумец!» — я приму и этот сан.

Но если пьян, безумен я совсем,
То сердце у меня искать зачем?

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Иные говорят, что я, мол, пьяный,
Влюбленный, идолопоклонник рыный,
Как золото, пред прахом не склонен я,
Дай розу мне — ведь лишь в нее влюблен я.

В сетях я так запутан безнадежно,
Что вытащить и цепью невозможно.

Спасенья, я не вижу ниоткуда,
Спасти меня не может даже чудо.

Пусть задавила бы меня скала
И жизнь мою навеки отняла.

Пусть на меня обрушился бы гром
И сжег мои пожитки и мой дом.

Но что ж никто огня не разведет
И жизнь мою и горе не сожжет?

Пусть бросят в пасть дракона — и тогда
Избавлю мир от моего стыда.

Я самый недостойный из людей
И дивом я слышу в семье моей.

Родных своим унижил правом я,
Стыдятся называть меня друзья.

Тому, кем, бедный, буду я убит,
Ни месть ему, ни кара не грозит.

Товарищи пиров и вечеров!
Проститься с вами я уже готов!

Я выпустил из рук бутылъ вина,
Упав, разбилась вдребезги она.

Хоть на тропе рассыпалось стекло,
Его слезами тут же унесло.

Чтоб подойти ко мне, кто хочет, мог —
Он об осколки не поранит ног.

О не знакомые с бедой моей,
Прошу вас, прочь уйдите поскорей!

Потерял я — что вам искать меня?
Что праздной речью развлекать меня?

Доколь вам издеваться надо мной?
Оставьте же меня с моей бедой!

Отсюда не гоните лишь меня,
Я сам давно уж оседлал коня!

Свалился с пог я, обречен на муку,
Друг, подойди ко мне и дай мне руку,

Я, горестный, живу, тебя любя,
Но лучше бы я умер за тебя.

Своим приветом сладким дай мне радость,
Одною вестью влей мне в душу сладость.

Безумец я, о том я не жалею,
Зачем же цепь твою сковала шею?

Ты на себя не надевай аркан,
Ведь это я безумьем обуян.

Лоскутья жизни сердце чуть сошьет —
Твой локон их мгновенно разорвет.

Не силою похитит сердце он,
Но как индус, а рок мой — ослеплен.⁴

О, сделай так, молю, кумир любимый,
Чтоб я не нес ущерб непоправимый.

Иль руку дай, избавь меня от бед,
Ноги твои поцеловать дай след.

Без дела время проводить нельзя.
Ведет к греху бездействия стезя.

Творить добро ты разве утомилась?
«Помилуй — и тебе окажут милость!»

Живущий мирно в праздности своей
Не знает трудовых забот людей.

Когда голодных кормит тот, кто сыт,
Он очень мелко в миску хлеб крошит.

Как жгуч огонь — о том расскажет тот,
Кто руку, не боясь, в него кладет.

Хоть от Адама род и твой, и мой,
Но ты — самшит, а я — сучок сухой.

Одна крупинка золота, пойми,
Пуд мышьяка заменит меж людьми.

Где ты, моя душа, сказать молю —
Куда уводишь душу ты мою?

И сердце пред тобой в немой мольбе.
А в чем мой грех? Ужель в любви к тебе?

Хоть ночь одну из ста моею будь,
Благодаримье хоть на миг забудь!

Пусть не смущает грех, мой друг, тебя —
Его беру один я на себя.

Ах, грешен я, но с жалостью твоею
Я ни о чем, мой друг, не пожалую.

Твой гнев меня неумолимо жжет,
Когда же время милости придет?

Ты гневом в сердце разжигаешь пламя —
Его мои потуши слезами.

Звезда моя! Ты — новая луна!
Моя душа тобой опьянена!

Ах, лучше б не видаться мне с тобой —
Безумцы вечно не в ладу с луной.⁶

Пред собственную тенью я робею
И о тебе спросить ее не смею.

Ведь я тебя ревную даже к тени,
А ты меня своей лишила сени.

Ты душу, сердце увела с собой,
Насильем то зовется, не игрой.

Известен стал я всем, тебя любя,
И вот — зато я потерял себя.

И все ж в разлуке, не горюю я,
Надеждою живет душа моя.

Младенца из кувшина золотого
Во сне напоят — но, проснувшись снова,

Когда глаза свои лишь разомкнет,
От жажды палец он тогда сосет.

Мои согнулись ноги буквой «лам»,
А буква «йай» сродни моим рукам.⁷

Я именем твоим прославлен, знай,
И в нем два «дам», и в нем две буквы «йай».⁸

Любовь к тебе у сердца не отнять,
Кто мог бы эту тайну рассказать?

Впитал я эту тайну с молоком,
Она до смерти в существе моем!»

Сказал он это — и упал во прах,
Смотрели люди с горечью в сердцах,

Бедняге милосердно помогли
И в дом его родимый отвели.

Ты юношеской похотью зови
Ту страсть, в которой вечной нет любви.

Любовь — она на убыль не идет,
Она жива, коль любящий живет.

А увлечение, то что в жилах бродит,—
В конце концов конец себе находит.

Меджнун своей любовью был велик,
Он в сущность подлинной любви проник.

Пока был жив, не ведал перемен,
Как роза, был от ветерка блажен.

Но этой розы нет. А где следы?
Одна лишь капля розовой воды.

Той розовой водой я упиваюсь,
Над тем ручьем слезами обливаясь.

ОТЕЦ УВОЗИТ МЕДЖНУНА В КААБУ

Любви своей неодолимый стяг
Кейс водрузил высоко в небесах.

Но на земле он славен был иным —
Безудержным безумием своим.

А ведь безумца бесконечно жаль —
Безумьем множит он свою печаль.

Его беда казалась безнадежной,
Отец не ведал, что тут сделать можно.

И бога в горе он молил своим,
Чтоб эта злая ночь сменилась днем.

Он поклонялся всем святым местам,
Но помощи не находил и там.

Родные все томились вместе с ним,
Помочь в беде стремились вместе с ним.

Увидевши, как тяжела беда,
Молились с горестным отцом всегда.

И, наконец, сошлись в едином мнении:
«Кааба может дать нам исцеленье».

К ней прибегает тот, кто нищ и слаб,
Земли и неба там найдут михраб».

Отец решил — для хаджа срок придет,¹
В Каабу с сыном он своим пойдет.

Верблюдов собирает он для сына
И пышно украшает паланкины.

В один из паланкинов месяц ясный
Усажен был — то сын его прекрасный.

Отец, словно Кааба, в ухо вдел
Кольцо раба, но сердцем он скорбел.²

Он золото и груды жемчугов
Песком бросал на жителей песков.

Сокровище, чем славен был тот дом,³
Сокровищами он одел кругом.

Едва Каабы благостной достиг,
Он обратился с просьбой в тот же миг.

И, сына за руку тихонько взяв,
Его в тени Каабы подержав,

Сказал он: «Здесь не место для игры!
Нуждающимся здесь дают дары!

Скорей Кольцо Каабы обними
И тем кольцом беду с себя сними!»⁴

И так скажи: «Молю тебя, господь,
Позволь мне эту напасть побороть!

О, смилуйся, моей защитой будь
И выведи меня на правый путь!

• В некоторых рукописях далее следуют еще три бейта:

Тебя теперь печаль гложет —
Скажи о ней — и бог тебе поможет.
Хотя б на миг один в себя приди,
С мольбою к богу руки возведи.
На час один возьми себя ты в руки,
Избавь обоих нас от горькой муки.

Любви я пленник вечный и бессменный,
Молю, освободи меня от плена!»*

Кейс, слыша о любви, не мог сдержаться —
Он начал плакать, а потом смеяться.

Он, как кольцовая змея, вскочил,
Рукой кольцо Каабы он схватил.

И, взяв кольцо, он молвил: «Посмотри!
Сегодня я, как то кольцо в двери!

Ее кольцо себе я в ухо вдел,
Ее рабом быть вечным — мой удел.

Мне говорят, мол, о любви забудь,
Лишь это подлинный к блаженству путь.

Но от любви все силы я беру,
Когда любовь умрет, и я умру.

Замешен только на любви мой прах,
Одна любовь живет в моих мечтах!

То сердце, что любви не знает власти,
Пусть тут же унесет поток несчастий!

Господь! Твоею силой бесконечной,
Твоей я заклинаю властью вечной:

Пусть до предела я в любви дойду,
И пусть она живет, коль я уйду.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один байт:

От сердца это горе отведи
И душу от любви освободи.

Дай свет мне от источника любви,
Ее сурьмой глаза благослови!

Хоть охмелел я от любви моей,
Но ты в меня все больше страсти лей!

Мне говорят: «Ты не стремись к Лейли,
Любовь навек из сердца удали!»

Но ты мою любовь не уничтожь,
Ее ты с каждым мигом больше множь!

Дни, что мне жить осталось, не жалею —
Их к жизни ты прибавь Лейли моей!

Пусть вовсе изведет меня тоска —
Лейли не потеряла б волоска!

Я раб ее. Не буду я стремиться
От рабского кольца освободиться.

Нужна мне чаша лишь с ее вином,
Мне имя нужно лишь с ее клеймом.

Пусть жертвою любимой стану я —
Ей будет кровь позволена моя.⁴

Я, как свеча, горю в тоске по ней,
Но без тоски пускай не будет дней...

И пусть во мне живущая любовь
Из года в год растет все вновь и вновь!»

Меджнун закончил слово наконец,
И, выслушав его, молчал отец.

Он понял — сын его в плену томится
И уж ничем ему не излечиться.

Отправившись домой, к родным своим,
Все, что увидел, рассказал он им.

«О нас забывший на путях любви
Кольцо Каабы в руки взял свои

И так он плакал о своем мученье,
Что вверг меня в жестокое волнение.

Я думал, он захочет, чтоб спасли
Его от мук, что вызвала Лейли.

А он, на свете лишь ее любя,
Молил о ней и проклинал себя».

ОТЕЦ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О НАМЕРЕНИИ ПЛЕМЕНИ ЛЕЙЛИ

По миру эта весть распространилась,
В руках у негодеев очутилась —

Что вот, мол, некий юноша влюблен,
От страсти потерял рассудок он.

Услышат люди доброе, дурное,
И повторяют, увеличив вдвое.

Лейли те пересуды истерзали,
Она укрылась дома в злой печали.

Тогда два соплеменника Лейли
К вождю с коварной жалобой пошли,

Что, дескать, некий юноша влюбленный
Наш славный край позорит беззаконно.

Приходит каждый день, простоволос,
Как будто шут иль хромоногий пес.

Он в нашем стане стонет, горько плачет,
Поет, целует землю, пляшет, скачет.

Газели сладкогласные поет,
Их слушает внимательно народ.

А ведь несет он не благую весть —
На ветер он бросает нашу честь,

Он достигает песнями небес
И разрывает тысячи завес.

Лейли тревожит, страстью обуян;
Свечу погасит он, как ураган.

Его ты накажи, и пусть луна
Тем будет от ущерба спасена.

Разгневался шихна, узнав о том!
(Он был палач, а бедный вор был хром)...

Он тотчас вынул свой блестящий меч.
«Теперь, — сказал, — его услышите речь!»

...Услышал некий амирит о том —
И вскорости он в стане был своем.

И так вождю промолвил амирит:
«Великое несчастье нам грозит.

Ведь тот шихна и грозен, и могуч,
Быстр, как вода, и как огонь, он жгуч.

Меджнун не ведает о том, увы,
Узнает, лишь лишившись головы.

Разверзлась ныне яма перед ним —
Давай, его о том предупредим.

Отец вскочил, с тревогою в крови,
Исполненный печали и любви.

Он попросил пойти родных, друзей
И разыскать Меджнуна поскорей.

И ласкою и хитростью любой
Его скорее привести домой.

И в путь они пошли без лишних слов,
Но Кейса не было нигде следов.

Быть может, смертный час его настал,
Иль хищный зверь когтями разорвал,—

Сказали так, печали не тая,
И горевали все его друзья.

И родичи страдали и терзались,
Что и следы безумца потерялись.

А тот отшельник много дней подряд
Таился где-то, словно дивный клад.

Сует он ведать не хотел земных,
От всех он удалился дел земных.

Среди охотничьих бескрайних далей
Лишь пыль дорог глаза его видалей.

Лисица волка мощного сильней,
Коль он едой пресытился своей,

Когда хватает соколу еды,
Он к турачу не ведает вражды.

И черный хлеб голодному — пирог,
А сытому — и белый хлеб не впрок.

Когда захочешь есть, твой аппетит
И грубую чумизу размягчит.

Халва целебной силою полна,
Но при холере — страшный яд она.

Меджнун, который горем был богат,
В чудесном ястве видел горький яд.

Товар, что был и плох, и залежал,
За самый ходкий, дорогой он брал.

И все ж его печаль такой была,
Что повод для печали отняла.

Печаль, владыка бытия его,
Избавила от цепи «я» его.

Сокровище искал он, но не мог
Его найти среди своих дорог.

Из рода Бану-Сад один араб
Нашел его. Как он был худ и слаб!

Он у ключа лежал, как будто пьяный.
Измученный, едва не бездыханный.

Как свой же бейт — так был он одинок—
При узкой рифме — смысл стиха широк!²

Как рифму подобрать к стихам таким?
Живет он, как отшельник нелюдим!

Звезда Стрельца его вперед вела,
Он лук—в поклонах, в верности — стрела.³

Был стон его товарищ каждый день
И близкой для него была лишь тень.

Раз некий муж, Меджнуна увидав,
Заметил, как красив он, величав.

Расспрашивать страдальца стал больного,
Но не добился от него ни слова.

Поняв, что он не скажет ни о чем,
Прохожий тот пошел своим путем.

Через Меджнуна край прошел и там
Все рассказал он близким и друзьям:

«Лежит он средь развалин, изможден,
И как змея на камне вьется он.

Больной безумец, молчалив и тих,
Как див, он сторонится глаз людских.

Душа его от страшных ран страдает,
И мозг спинной наружу выступает».

Известие получив, отец несчастный
Покинул племя, пад собой не властный.

Бродил он по пещерам, словно див,
Ища безумца, о себе забыв.

И вот нашел. В расщелине глухой
Лежал, прижавшись к камню головой.

Он то газели про себя читал,
То тихо бормотал, то причитал.

Из глаз лилась кровь сердца, как поток.
И он шатался, как его злой рок.

В самозабвенье, будто бы хмельной,
Не ведал, есть ли в мире кто иной...

Отец был рад Меджнуну бесконечно,
Он с сыном поздоровался сердечно.

Меджнун, отца увидев своего,
Послушной тенью пал к ногам его:

«Души моей престол, венец главы,
Прости, что я беспомощен, увя!

Как я живу, я не скажу тебе,
Ты поручи меня моей судьбе.

Я вовсе не хочу, чтоб в день такой
Ты на меня глядел с такой тоской.

Приход твой доставляет мне мученья,
Мне стыдно у тебя просить прощенья

Но ты все знаешь о моих делах,
А нить судьбы ведь не у нас в руках».

ОТЕЦ НАСТАВЛЯЕТ МЕДЖНУНА

Увидев сына тяжкие страданья,
Его отец не смог сдержать рыданья.

Свою чалму он в горе бросил прочь,
И день его стал черным, словно ночь.

Он молвил: «О измятый мой листок,
От розы отлетевший лепесток.

О, сколько же ты маешься, влюбленный,
Как обжигаясь, неискушенный!

Кто произнес проклятье над тобой
И над твоею нежной красотой?

Чья кровь тебе покоя не дает,
Чей шип полу твоей одежды рвет?

Ты чем занялся, праздность возлюбя?
В глазу теперь колючка у тебя!

Какой влюбленный есть такой несчастный
И что такой терпел бы гнет ужасный?

Ты не устал от горя и беды,
От зависти, упреков и вражды?

Не надоело слушать оскорбления?
Ты не воскрес от светопреставленья?¹

Постыдной страсти положи конец,
Ведь выплакал глаза свои отец!

Ты глянь, какой пустяк тебя увлек!
Нет, выдержки не знать — большой порок!

Пусть недостатки спрятаны внутри
Ты в зеркало приятни посмотри!

Кто зеркало как следует помет,
Тому оно пороки все откроет.

Свободно от добра и зла оно,
Так матерью-землей заведено.

Пора печали из души убрать —
Холодное железо что ковать?

Я верю, что от милой далеко
Тебе, сынок, живется нелегко.

Пускай. Но ты хотя бы иногда
Нас посещал и приходил сюда.

В порыве страсти суетится всякий —
Но в суматохе утомится всякий.

Не хватит ли быть пьяным без вина,
Мечтать о цели, что и не видна?

Пустив на ветер урожай, ушел ты,
Меня отдал на вражий произвол ты.

Пока чеканить можем мы с тобой,
Забрось подальше ты чекан плохой.

Ты бьешь по руду — я бью по коленям,¹
Ты платье рвешь, я душу рву в смятенье.

Любовь в тебе зажглась таким огнем,
Что пламя в сердце занялось моим.

Будь бодр, ищи лекарства от невзгод —
Ведь дерево из зернышка растет.

Бывает, что совсем надежды нет,
Но поглядишь — и вот забрезжил свет.

Надежда и в отчаянье живет,
И после ночи утро наступает.

Ты дружбу со счастливыми води
И от судьбы неверной уходи.

Желанья хочешь ты исполнить, друг, —
Не выпускай же счастья ты из рук.

Любой с ним можешь узел развязать,
То — власти бирюзовая печать.

Скажи, кто двух миров завоеватель?
Тот, несомненно, счастья обладатель.

Коль будешь терпелив ты, несомненно,
К себе вернешь ты счастье постепенно.

Ведь моря безгранично протяженье,
Хотя оно — лишь капелек скопленье

Гора взнесется к тучам — но она
Была из мелких крошек создана.

В терпении своем не будь ленив —
Тот сыщет жемчуг, кто нетороплив.

Не нужно безрассудным быть, сынок,
Кто безрассуден — он червяк без ног.

Волк вовсе безрассуден — оттого
Лиса берет добычу у него.

Ты душу отдаешь, себя губя,
Той, что сто лет не вспомнит про тебя.

Хоть камень сердце придавил твоё,
Но каменное сердце у нее.

С тобою кто заговорит о ней —
Позора хочет для души твоей.

Яд — горе раздувать в душе смятенной,
Спасет ли сельдерей от скорпиона?

Займись же делом, мой сынок родной,
Чтоб люди не смеялись над тобой.

Зачем индус слона бьет, разъярен?
Чтобы не вспомнил Индустана он!

Ты мне душа, души моей дороже,
Останься дома, счастье дома множа.

Ведь от твоих блужданий по горам
Лишь слезы льются по моим щекам.

Здесь камни есть и ямы на пути,
Ты должен избегать их, обойти.

Не будь упрям — в засаде сам шихна;
Цепь не таскай — железная она.

Ты — малое дитя. Гляди на меч,
Чтоб от коварства голову сберечь.

Да, лучше повернись к своим друзьям
И с ними веселись, не зло врагам!

ОТВЕТ МЕДЖНУНА ОТЦУ

В ответ на сахарную речь отца
Меджнун ответил, слаще леденца:

«О ты, высокий, словно небосвод,
Нет — небо до тебя не достает!

О царь руин, владыка разрушенья,
Арабов гордость ты и украшенья!

Я лишь к тебе молитвы возношу,
Тобой одним живу я и дышу!

Тебе, отец, желаю вечно жить,
И жизни без тебя самой не быть!

Твои советы очень хороши.
Они — бальзам для страждущей души

Но как мне быть в моей тяжелой доле.
Когда не по своей упал я воле.

На этот путь вступать я не хотел,
Не мною этот избран был удел.

Окован я, и кандалы — железны,
И все мои страдания бесполезны.

Я сам от цепи не освобожусь,
И мне с себя не сбросить этот груз.*

Не я один терплю на свете гнет —
Взгляни — таких увидишь много сот.

Тень падать в яму не сама спешит,
Луна стремится не сама в зенит.

Слон, иль ничтожный муравей — взгляни,
Живут под этим гнетом все они.**

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:
Велеа ты сердце не томить тоской.
Но как же быть? Я потерял покой.
Та молния, что в сердце метит мне,
И тысячи таких сожгла в огне.

** Далее в некоторых рукописях имеется еще один бейт:
Когда б решалось все, как мы хотим,
Кто б тяготился жребием своим?

Как мое сердце сжалось от печали! —
В сочувствии сжиматься камни стали!

Меня везде преследует злой рок,
Кто от себя его прогнать бы мог?

Коль мог бы кто исправить жребий мой,
Давно бы стал я солнцем иль луной.

Коль это дело неподвластно мне,
Что ж лучшего желать так страстно мне?

Увижу ль, бедный, радости восход?
Да кто на свете радостно живет?*

Как молнии, улыбки я боюсь —
А вдруг сгорю, я, если улыбнусь?

Мне говорят: «Что ж не смеешься ты?
Ведь плача, горю отдаешься ты!»

Боюсь, что если улыбнусь хоть раз,
То вывется огонь из уст тотчас!

РАССКАЗ

Схватила куропатка муравья,
Намерений жестоких не тая.

Но начал вдруг смеяться муравей.
«Ты не умеешь так!» — сказал он ей.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:
Я — рана. Как сочится кровь моя!
Пылинка я. Ношушь по ветру я.

От смеха куропатка ослабела:
«Смеяться ведь мое, — сказала, — дело!»¹

Но хохот не пошел на пользу ей,
И ускользнул из клюва муравей.

Мужчина хохотать вот так начнет,
И вся его степенность пропадет.

Не к месту смех — причина ста страданий,
И он вреднее тысячи рыданий.

Страдания и муки — жребий мой,
Зачем мне наслажденье и покой?

Ведь груз свой, как бы ни был он тяжел,
Пока душа в нем есть, несет осел.

И лишь тогда покой он обретет,
Когда от жизни тягостной умрет*.

За жизнь влюбленный вовсе не боится,
Боится ль мира, кто к любви стремится?

Влюбленный пред мечом не оробеет,
Хоть грозный меч влюбленного жалеет.

Луна моя! В тумане скрылась ты!
Где меч? О нем лишь все мои мечты.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Что острый меч — любовь, не говори,
Она живет в душе, у нас, внутри.
А голову, которой страшен меч —
Не лучше ли гази ее отсечь?²

Коль в жертву голова не отдалась,
Тогда нужны ей только меч и таз.³

Пускай моя душа горит в огне —
Но эти муки лишь приятны мне.

В такой беде мне лишь душа осталась —
Хотя б к моей душе имел ты жалость!»

Умолк Меджнун печальный наконец,
Заплакал опечаленный отец.

Страдая, там лежал Меджнун нагой,
А рядом с ним рыдал отец родной.

Отец повел его домой, и там
Вновь обласкал и поручил друзьям.

Терпел недолго горестный влюбленный,
С единственной любимой разлученный.

Он два-три дня жил в муках и печали,
И все, его выдавшие, рыдали.

Потом, порвав завесу, опьянен,
Вздохнув, помчался в степь, в ущелья, он.

В мученьях страшных жизнь его текла,
Скорее это смерть, не жизнь была.

Когда предела достигала страсть,
То в Неджд вела его мучений власть.

Как лев хмельной, спешил туда он снова,
Оковами незримыми окован.

В пути он вопли издавал и стоны
Газели пел, несчастный и влюбленный.

Толпой собирався вкруг него народ:
Смотрели, слушали, как он поет.

И все прекрасное, что там услышат,
Они запомнят, а потом запишут.

По миру эти песни разносили —
Они подарком для влюбленных были

О СОСТОЯНИИ ЛЕЙЛИ

Заглавный лист из книги доброты,
Царица государства красоты,

Сияньем нежности окружена,
Семьей семи халифов вскормлена,¹

Прекраснее луны на небесах
И кипарисов в солнечных садах.

Метательница дивная костей, —²
Луна и солнце благосклонны к ней —

Прекраснейший кумир, свеча дворцов
И кипарис полуденных садов,

Изящества, любви очарованье
И щедрости с богатством сочетанье,

Краса одетых в шелковый наряд,
Для сахароторговцев — сущий клад,

Для тысячи жемчужин — упоенье,
Для тысячи Меджнунов — наважденье,

Лейли, что чудом красоты была,
Прекраснейшей в своем краю слыла.

Как роза благовонная, раскрылась,
Наружу из бутона появилась.

Стал кипарис ее еще стройней,
А финик стал ее — еще хмельней.³

Росла в саду, и тысячу услад
Нес людям жгучий, с поволокой, взгляд

Она таила волшебство в глазах
И взором повергала царства в прах.

И взор ее, дышавший страстной негой,
Арабов, тюрок подвергал набегам.

Любую дичь бровей сражает лук:
Захватит взгляд и кудри свяжут вдруг.

Подобный амбре взгляд газельных глаз
Газель любую поражал тотчас.

Нетрудно было на охоте ей
И льва схватить арканами кудрей.

Лицо — как роза; губы — сладкий мед;
Пред ними сахар, восхитясь, замрет.

Красавцев тысячи она влекла,
И медом розовым для них была.

«Целуй нас», — кудри за собою звали
Ресницы же — подалеже отгоняли.

Манил в счастливый плен аркан кудрей,
Ресницы гнали смельчаков «Не смей!»

Лицо ее прекраснее луны,
Все розы были им посрамлены.

Подобен кипарису стройный стан,
Лицо — на кипарисе том фазан.

А рот ее над сахаром смеялся,
И горьким леденец пред ним казался.

Рубины, с сахаром вступивши в спор,
Вели о поцелуях разговор.

А в ямку подбородка, наконец,
Ослепнув, сотни падали сердец.

И только взявшись за веревку кос,
Спасался тот, кому упасть пришлось.

Но, как прекрасна ни была она,
Любя, она была тоски полна.

Сидела дома за завесой сирот,
И молча, как расстроенная лира.

На крышу поднявшись, за часом час,
Она с дороги не сводила глаз:

На миг уйти от горестей своих,
Меджнуна повидать хотя б на миг!

Взглянуть хоть краем глаза на него,
Сказать о гнете горя своего!

Чтоб повод недругам не дать случайно,
Она до ночи все вдыхала тайно.

С отравленной улыбкой, как свеча,
Она жила, рыдая, хохоча.

Ручьями слез ланиты поливала
Из дерева Меджнуна вырезала.

Без дыма и без света, в горькой муке,
Она горела в пламени разлуки.

Взяв зеркало, стояла перед ним,
Общаясь с отражением своим,

Вздыхала вихрь она, как ветер в поле,
А сердце бедное рвалось от боли.

Наперсница ее — лишь тень одна,
И лишь завеса с ней была дружна.

Шепталась с тенью по ночам. Нередко
Глаз не могла сомкнуть ее соседка.

Как пери, меж водою и огнем
Она жила в несчастьи своем.

Для женщины пенье — скрип веретена:
Стрела — царям в оружие дана.

Она отбросила веретено,
Двуглавое, не по сердцу оно.⁴

Милей ей одноглавая стрела,
Чья музыка приятна ей была.

Стрела не расточает время праздно.
Веретено ж поет однообразно.

Морями слезы-жемчуга текли.
Они могли б наполнить корабли.

Она глотала горести, слабея,
Ее ж глодало горе, не жалея.

Кольцо вдев в ухо, ждать она привыкла,
Сама она кольцом к дверям приникла.

Кольцо ушей в знак верности ему —
Она не доверяла никому.⁵

Как у дороги вырытый родник,
К дороге прочно взгляд ее приник.

А вдруг хотя на миг блеснет ей свет,
И с кем-нибудь он ей пришлет привет.

Из Неджда дунет ветер — вновь и вновь,
Как аромат в нем чувствует — любовь.

И облако, спешившее от Неджда,
Дарило ей и нежность и надежду.

Посмотрит лишь она украдкой в щель —
А к ней еще одна спешит газель.

Идет с базара мальчик и поет —
Какое-то двустинье ей несет.

Любой из тех, кто этим шел путем,
Ей слал привет каким-нибудь стихом.

Не только красотой была славна —
И красноречьем славилась она.

Прекраснее жемчужин дорогих,
Она сама свердить умела их.

Меджиун расскажет о себе в стихах
Прекрасных, несравненных жемчугах,

Она стихи в ответ пошлет тотчас,
Погасит их огонь водою глаз.

На крови замесив листок тайком,
Писала бейты дивные о нем.

Листики кидала на дорогу, вниз,
Чтоб ведал о жасмине кипарис.

И кто б записку ту ни прочитал,
В восторге он и в радости плясал,

А те записки, как стрела, летели
К тому, кто дивно сочинял газели.

Он отмечал тотчас же этот случай
Газелью новой, плавной и певучей.

Таким путем два пленника любви
Высказывали горести свои,

И песни этих соловьев хмельных
Влюбленных утешали в горе их.

Напевы этих сазов сладкогласных
Напевов много вызвали прекрасных

Чанг, и рубаб, и сладкозвучный руд
В одном ладу напевы их поют.

Они лишь сложат редкостное слово —
И чанг, и флейта подпевать готовы.

Выслушивая часто песни эти,
Певцами в их квартале стали дети.

Враги ж хулили их на разный лад
За каждое их слово, каждый взгляд.

Они злоречье слышали с тоской
И лили слезы горькие рекой.

Так год прошел. И ночи все и дни
В мечтаньях сладких провели они.

ЛЕЙЛИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ГУЛЯТЬ ПО САДУ

Лишь роза в степь шатер перенесла,
Земля от встречи с розой расцвела.

Цветы на всех деревьях распустились,
Как лица, что улыбкой озарились.

Мир поднял свой двухцветный стяг, сотканный
Из желтых роз и красного тюльпана,

Среди благоухания цветов
Послышались напевы соловьев.

А травы — жемчуг рос в себя вольют
И тотчас источают изумруд.

Тюльпан — рассыпал киноварь на лист,
Чтоб он от черни оказался чист.¹

Фиалки кудри в косы заплели,
И те спадали прямо до земли.

Затягивала почка крепко пояс
И вынимала шип, от ран расстроясь.

А роза шелк пурпуровый ткала,
Рабынею с сережкою была.

Увидев солнце яркое такое,
Свой щит бросала лилия без боя.

Лил гиацинт повсюду аромат,
И был он розе благовоной рад.

Там кудри чешет гребешком самшит,
Цветок граната зерна здесь дарит.

Нарцисс, природой жаркою влеком,
Как в лихорадке исходил огнем.

Как кровь из жил, весь пурпур аргавана²
Светило выпускало неустанно.

Купался лакфиоль среди долины
В серебряном источнике жасмина.

Уста раскрыла роза для лобзанья
И отвернулась — для кого старанья?

Язык свой ирис показал — нет, нет,
То острый меч он поднял, знак побед.

И даже птицы, что не щебетали,
Беззвучным языком глаза ласкали.

Горело сердце турача в огне.
Здесь горлица стонала в тишине,

Там вяхирь средь платановых ветвей
Негромко о подруге пел своей.

И соловья был слышен горький стон —
Он, как Меджнун, наверно, был влюблен.

Красою роза расцвела в долине —
Вот так Лейли блистала в паланкине.

И в этот час, как розы расцвели,
Из дома вышла сладкая Лейли,

Концы чудесных локонов завив,
Росой фиалок розы оросив.

Как ожерелье, множество подруг
Ее в жемчужный заключили круг.

Тюрчанки были то с арабским станом, —
С лицом, улыбкой сладкой осиянным.

Средь идолов, как гурня, она
Шла величава, высока, стройна,

Чтоб зеленью садов полюбоваться,
У алых роз в тени понаслаждаться.

С нарциссом чашу осушить до дна,
Попробовать с тюльпанами вина.

Фиалку локоном своим завить
И влагой лика розу напоить,

Дать кипарису стана прямизну,
Смыть лишнюю с жасмина белизну,

Взять дань, которой обложен цветок,
От царства луга получить налог.

А пальме стройной тень свою привить,
И розу с кипарисом покорить.

Но к этому ль мечты ее влеклись?
Что роза ей, жасмин и кипарис!

Она хотела в тихом уголке
Излить печаль, от шума вдалеке,

О горестях поведасть соловью,
Сказать про грусть свою, печаль свою,

Услышать нежный ветерка привет,
В нем отыскать возлюбленного след —

Тогда душа, быть может, оживет
И с сердца груз тяжелый упадет.

Там финиковых пальм семья цвела,
Что живопись Китая превзошла.

Все пальмы те — одна стройней другой,
В Ирем как будто вел их дивный строй.²

В пустыне место ты б нашел навряд,
Чтоб так, как это, радовало взгляд.

И плавным шагом в рощу ту пошли
Прекрасные невесты и Лейли.

Как роза, села на траву она,
И розе тень ее была равна.

И там, куда дойдет ее дыханье —
Там ирисов и роз благоуханье.

Она водою руки оросит —
И кипарис встает, растет самшит.

И с кипарисостанными она
Гуляла, радостью окружена.

Она, казалось, тоже веселилась,
Но вскоре от веселых удалилась.

Под кипарисом села и была
Фазан, у попугаева крыла...

Там, сидя на траве, в тени ветвей,
Стонала роза, словно соловей.

От всех таясь, страдая одиноко,
Рыдала о любви своей далекой:

«О ты, мой друг, единственный и верный,
Меня достойный, в верности безмерный,

О кипарис прекрасный, благородный,
Чье сердце теплое, а вздох — холодный.

Сюда, скорее, в рошу приходи
И усмири тоску в моей груди.

Ты приходи и посиди со мной,
Полюбоваться мне позволь тобой.

Быть может, сад тебя и не влечет,
Не тягостен тебе разлуки гнет.

Прислал бы хоть коротенькую весть
Для той, кому тяжелых бед не счесть».

И жалобу закончила едва,
С дороги вдруг доносятся слова —

Там кто-то шел, газели распевая,
Слова Меджнуна громко повторяя:

«О ты, с кем в жизнь мою вошло ненастье,
О ты, родник мучительного счастья!

Меджнуна волны алых слез смели,
Каким же делом занята Лейли?»

Меджнуна сердце в ранах злых горит —
Скажи, с чьей раны соль Лейли скоблит?

Колючками Меджнун насквозь пронзен —
А где Лейли вкушает сладкий сон?

Меджнун на тысячу ладов рыдает,
Лейли о радости какой мечтает?

Меджнун познал печали и беду —
Лейли блаженствует в каком саду?

Меджнун молитвой и нуждой влеком —
Лейли смеется перед чьим лицом?

Меджнун растерзан страстью безнадежной,
Лейли же почивает безмятежно».

Лейли, газель услышав, зарыдала,
Слезами твердый камень расплавляла.

Была ее подруга там случайно.
И за Лейли она следила тайно.

Увидела, как тяжело ей в разлуке
И как ее терзают эти муки...

Вернулись все домой. Пришлось опять
Жемчужине в ракушке тосковать.

Та, что Лейли подслушала в саду,
Открыла матери ее беду.

Чтоб мать Лейли-бедняжку приласкала,
Лекарство от недуга отыскала.

Как птица в клетке, заматалась мать —
Из-за Лейли как ей пришлось страдать!

«Ее не трону — как безумец тот,
Она от горестей с ума сойдет,

А призову ее к терпенью я —
Боюсь, Лейли не справится моя!»

Терпела так, несчастная, она,
Страдала так, безгласная, она...

Лейли, луна в печальном паланкине,
Как клад, томила в крепости отныне.

Дышала, как в тумане, тяжело,
И горе ей жестоко сердце жгло.

Любила — и страдала глубоко,
Но есть ли любящий, кому легко?

СВАТОВСТВО ИБН-САЛАМА К ЛЕЙЛИ

Кто опись сада этого составил,
Так на бедре стиха клеймо поставил:

В тот день, что в сад отправилась луна,
Как двухнедельный месяц убрана,

На кипарис свой розу водрузив,
И розам и гулябу цену сбив,¹

И локоны ее, как цепи звеня,
Заковывали всех без исключения,

Тот юноша, чей род Бени-Асад,
Лейли увидел, как цветущий сад.

Он даровит был, славен, родовит,
В глазах арабов доблестью покрыт.

Богат был и друзьями, и родней,
И видел в нем защиту край родной.

Привет его приятен был ушам,
Он прозван был недаром Ибн-Салам.²

Могуществом был самым сильным равен,
Богат он был и повсеместно славен.

Увидев эту дивную свечу,
«Как ветер, — он решил, к ней прилечу!»

Не ведал он, хоть и нашел тот клад:
Меж ветром и свечой немислам лад.

Когда к себе вернулся он домой,
Соединенья жаждал он с Луной.

И только мелочь он забыл одну —
Еще никто не обнимал луну.

Решил посла скорей отправить он,
Чтоб был союз меж ними заключен,

Он возмечтал — заведенным путем
Переселить Лейли в свой отчий дом.

Как пыль стелился, страстью распален,
Как пыль, он сыпал золото, влюблен,

Он сотни царских отдавал даров,
Сокровищ дивных, сотни табунов.

И вот, пошел красноречивый сват.
 Был род Лейли его приходу рад.

Он сватал благородную невесту
 И руки целовал, как было к месту.

Отца и мать обрадовал посол,
 Сочувствие к себе он в них нашел.

Они сказали: «Лестно сватовство,
 Жаль, отложить придется торжество.

Сейчас больна немного наша дочь,
 И нужно время, чтобы ей помочь.

Обрадует она здоровьем нас —
 И договор мы заключим тотчас.

Приязнь меж нами тот союз упрочит,
 И ждать недолго, коль Аллах захочет.

Давайте же, немного обождем,
 Но обещанье мы тебе даем.

Пусть расцветет бутон, очей отрада,
 А острый шип мы выметим из сада.

На голову венец ей водрузим
 И в золотом венце тебе дадим!»

Так женихом стал Ибн-Салам счастливый,
 Хотя душа была нетерпелива.

Коня погнал он в край родной и там
 Ждал часа свадьбы, преданный мечтам.

НОВФАЛ ПОСЕЩАЕТ МЕДЖНУНА¹

Лейли в тоске за пологом жила —
 Завесы все б она разорвала!

Покою, доброй славы лишена,
 На волю чанга с флейгой отдана.²

Она, предмет прославленный стихов,
 Была рейхан для продавцов духов.

Влюбленные о ней газели пели,
 О ней играли бубны и свирели.

Как локоны ее, вилась она,
 Без спутника, без отдыха, без сна.

Меджнун блуждал в пустыне, на просторе,
 Бесцельно, как его судьба и горе.

Блуждал он по пустыне вековой,
 Вел стаи диких хищников с собой.

Гнал бурого коня существования,
 В газелях воспевал свое страданье,

Величественно, словно шейх, он шел,
 Но шейхом Неджда ты б его не счел.³

Ногами как в литавры он стучал,
 Смычками стонов землю подметал,

И разрывал, его услышав стон,
 Свои одежды тот, кто был влюблен.

Жил в тех краях муж — многославлен, горд,
 Как воск, был мягок, как железо, тверд.

Пред мужем тем, по имени Новфал,
Весь край его колена преклонял.

Войска он сокрушал своим мечом,
Добр, как газель, он в ярости был львом.

Прославился он щедростью великой
И был он над владыками владыкой.

Вот в некий день, богато снаряжен,
Охотиться в тот край поехал он.

Бежали от него в испуге звери,
А он подъехал невначай к пещере.

Там был страдалец — язвы на ногах,
И каждый волосок его в слезах.

Измучен, изможден и одинок,
Врагу доступен, от друзей далек,

Он одичал, стал без людей как зверь,
И звери были вокруг него теперь.*

Спросил об этом юноше Новфал,
От сведущих людей он услышал:

«Печальный этот юноша влюблен,
От этой страсти обезумел он.

Он занят лишь слаганием стихов,
Он ищет амбру в лепете ветров.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Он пел такие дивные газели,
Что от восторга все вокруг немели.

Ее дыханье ветер принесет —
Ему свои газели он прочтет.

Из края милой привлекает тучи
Он вновь газелью нежною, летучей.

И путники приходят отовсюду,
Чтоб подивиться редкостному чуду.

Ему несут они питье с едой,
Дают ему фиал вина порой.

Берет он чашу, горестью томимый,
И осушает в честь своей любимой.

Вот так он все дела свои ведет,
Таков расходом и доходам счет.

Услышав повесть грустную, Новфал:
«Помочь я должен бедному», — сказал.

«Все сделаю, чтоб страстью обуянный
Соединился со своей желанной!»*

И наземь прыгнул он со скакуна,
Не ставя даже ноги в стремяна,

Меджиуна он позвал к себе, и с ним
За скатерть сел, как с гостем дорогим.

Новфал сказал горячих много слов,
Меджнуна растаять был, как воск, готов.

* В некоторых рукописях далее следует еще одно двустишие:

За дичью я охотился — и вот,
Кто в мире дичь подобную найдет?

Но только пламенный влюбленный тот
Не клал кусочка пищи даже в рот,

Коль речи о Лейли не заведут,
А был он крайне изможден и худ.

О чем бы разговоры ни зашли,
Хотел он слышать только о Лейли.

Но тем, что слышал от Новфала он,
Был юноша растроган и пленен.

Обрадовался, слыша про нее,
И вспомнил про еду и про питье.

Увидев собеседника такого,
Воспрянул духом, радостен стал снова,

В восторге сердце, ум его поет,
Сладки его газели, словно мед.

Одну строку услышит, засмеется —
Из уст ответная строка польется.

Гость сладкоустый приложил старанья
Восстановить разрушенное зданье:

«Свечи не видя лучезарной той,
Смотри, не мучься, не гори свечой!

Я золото нль силу применю —
Но ты к ее приблизишься огню!

Пусть станет птицей — ни к чему полет,
Из рук моих та птица не уйдет.

Как искра, в камне скроется — тогда
Я сталью призову ее сюда.

Поверь мне — быть Лейли твоей женою,
А до тех пор всегда аркан со мною!»

Меджнун был этой речью восхищен,
Склонился низко пред Новфалом он:

«Твои слова добры и хороши,
Коль правда — это счастье для души.

Но никогда не пожелает мать
Безумцу в жены дочь свою отдать.

Кто розу ветру отдает во власть,
И бросит кто луну безумцу в пасть? —

Как смеет к ней он близко подходить?
Безумца и Луну не совместить!

Сорочку мне стирали много раз,
Но разве можно в ней свершать намаз?»¹

Хоть чистили мой коврик так упорно,
Он все такой же, как и прежде, — черный.

Пусть даже чудотворец ты — и что ж?
Пути к спасенью все ж ты не найдешь!

И я боюсь, что ты на полпути
Меня оставишь и решишь уйти.

Еще моей не станет дичь моя,
Как уж тобой оставлен буду я.

Как барабан, гремишь так громко ты —
Не будут пусть слова твои пусты!

Коль обещания твои — не тлен,
Тогда да будешь ты благословен.

Когда ж все это — марево пустое,
Оставь заботы, и господь с тобою.

А я к своим делам вернусь опять,
И видно, больше нечего мне ждать».

Услышав эти жалобы, Новфал,^{*}
Помочь бедняге страстно пожелал.

Вернуть ему не только жизни сладость.
Но даже бодрость светлую и радость.*

Ему поклялся клятвою великой,
Всевышним богом, сущего владыкой.

Пророком славным клялся он затем,
Чей путь открыт разумным в мире всем:

«Меч обнажу и расточу казну
Ни на мгновенье я не отдохну,

Не буду есть, не буду спать ночей,
Добыюсь я, чтоб Лейли была твоей!

Тебя же я прошу лишь об одном —
Забудь ты о безумии своем.

Сердечные забудь на время муки,
На краткий срок возьми себя ты в руки.

Волнение усмирить — твоя забота,
Моя — открыть железные ворота!»

* После этого в некоторых рукописях следует еще один бейт:

А прежде чужестранец молодой
Совсем не знал, как справиться с бедой.

Безумец понял, что спасенья нет,
Когда не выпьет он такой шербет!

Оставил он безумный свой задор
И соблюдал он верно уговор.

Связал он пыл свой, словно бечевой,
Огонь горящий потушил водой.

К Новфалу в стан пошел, мечтой томим,
И свой шатер раскинул рядом с ним.

Помылся в бане он, бурнус надел,
Вина отведал, а потом поел.

В чалме, как в тех краях заведено,
С Новфалом слушал руд и пил вино.

Сложил приятных много он газелей,
Что в честь его возлюбленной звенели.

А нежностью охваченный Новфал
Слез жемчугом Меджнуна осыпал.

Заботой непрестанной окружен,
Воспрянул духом, снова ожил он.

Лицо его порозовело вдруг,
Его согбенный стан стал, как бамбук.

И мускусом была окружена⁵
Его лица прекрасная луна.

У розы взятое благоуханье
Вернул ей ветер вновь своим дыханьем.

И утро улыбаться вновь готово,
И солнце обнажило зубы снова.

Неистовый разумным стал вполне,
Оковы снял прикованный к стене.

Спокойной травка в цветнике была,
И роза чашу пенную взяла.

Меджнун степенность, сдержанность обрел,
Среди мудрейших место он нашел.

Все делал для него Новфал, что мог,
И щедро лил он милостей поток.

Новфал хотел веселья только с ним,
Вино он пил лишь с гостем дорогим.

Так жили два-три месяца они,
И за вином их проходили дни.

МЕДЖНУН УПРЕКАЕТ НОВФАЛА

Сидели как-то раз они вдвоем
И наслаждались пищей и вином.

Два-три двустихья о своей судьбе
Сказал Меджнун, печалась о себе:

«О чуждый боли вечной, постоянной,
Ты отдал прах мой всем ветрам обмана.

Сто обещаний дав, меня увлек,
Пол-обещанья выполнить не смог.

Ты обещал: «Я принесу шербет!»
Теперь о нем помина даже нет.

Обманом ты привел меня сюда,
А я здесь стал несчастней, чем всегда!

Ты говорил о дружбе, о любви —
Так, что ж замкнулись вновь уста твои?

Язык твой ранит, словно острый нож,
Бальзама же на раны ты не льешь.

Терпенье, разум мне теперь враги,
Чтоб вновь не впал в безумье, помоги.

Сказать, что будешь ты помочь стараться,
Потом от обещанья отказаться —

Найдешь ли ты здесь благородства след?
С друзьями так не поступают, нет.

И если человек не лицемерен,
Он слову данному пребудет верен.

Без милой погибаю я, больной,
Страдаю, бедный, без воды живой.

Должны давать мы воду тем, кто жаждет,
И облегчать мученья тех, кто страждет.

Меня ты цепью должен с ней связать,
Не то безумцем стану я опять.

Лейли ко мне ты должен привести,
Иль жизни должен я сказать «прости!»

БИТВА НОВФАЛА С ПЛЕМЕНЕМ ЛЕЙЛИ

Растроган был упреками Новфал,
Как воск в огне, таким он мягким стал.

И он вскочил, помочь готовый другу,
Меч обнажил он и надел кольчугу.

Сто избранных мужей, что на коня
Летели, будто птицы в небесах,

Вооружил, и сам вперед стремится,
Как лев могучий, что за дичью мчится.

Посла отправил он, едва вдали
Шатры завидел племени Лейли:

«Вот я, вот войско ярое, как пламя,
И силы нет, чтобы сравнялась с нами.

Предстанет пусть Лейли передо мной,
Не то — здесь я, со мной мой меч лихой!

И будет мной Лейли передана
Тому, кому назначена она.

И жаждущий пусть будет напоен,
Воды даритель будет награжден».

Едва лишь это передал гонец,
Как дружелюбию настал конец,

«Твои пути — он слышит — неверны —
Лейли ведь не пирог, а диск луны.

Луну достать никто не мог вовек —
На это неспособен человек!

Как солнце с неба снять? Все это вздор,
Ты — сатана, она же — метеор!

Ты вынешь меч — и мы мечи возьмем.
С горючим склянку — камнем разобьем»

Что делать! Услыхав ответ, посла
К вождю с дурным посланием пошел.

И гневный получает он приказ:
Не медли и назад вернись тотчас!

Скажи: «Вы, что не знаете меня,
Моей руки и моего коня!

Не стойте на дороге урагана,
Он вас сметет негаданно-нежданно».

Приказу повинуюсь, вновь пошел
И вновь ни с чем пришел назад посол.

Новфал сердился так, что языками
В его душе вздымалось к небу пламя.

И он не стал обуздывать свой гнев
И с войском бросился вперед, как лев.

Как две горы, сошлись войска в тот миг,
Окрестности потряс могучий крик.

Враги, пустив галопом скакунов,
Напали, как охотники на львов.

Пустыня взволновалась, словно море,
Никто не уступал в кровавом споре.

Казалось, вся земля была пьяна —
Мечи так много пролили вина.

Разили копья удальцов с размаха
Отважных львов, не ведающих страха.

А быстрых стрел озлобленные птицы
Хотели крови, клюв раскрыв, напиться.

Мечи впились в самый мозг костей
И отрубали главы главарей.

Порывистые ржали скакуны,
Их ржанье доходило до луны.

Тут смерти злые молнии блещут,
О камень сокрушается булат.

Остер как кончик волоса дейлемца,¹
Бьет дротик без разбора чужеземца.

Знамена — солнце с язычками света —
Казались утра алого приметой.^{2*}

Тут черный лев свою добычу рвет,
А белый див там на дыбы встает.⁴

Стремился воин победить в бою,
Меджунун — он душу отдавал свою.

Одно в уме у воина — борьба,
О мире лишь — Меджнунова мольба.

Боец мечом сражал кого-нибудь,
Себе он сожаленьем ранил грудь.

* В некоторых рукописях далее следуют еще два бейта:

Земля валами вздыбилась крутыми,
А камень стал Пляедами рябыми.³
Стояли львы — их не было зубастей —
Драконами с разинутою пастью.

Кружился, как паломник в хадже он,⁵
Стремленьем к миру воодушевлен.

И только стыд удерживал его.
От битвы против войска своего.

Когда бы он упреков не боялся,
Давно бы он против своих сражался.

Не думал бы о смехе он врагов —
Рубил бы головы своих бойцов.

Когда бы мог, он злые стрелы рока
В ряды друзей направил бы жестоко

Когда б не голос сердца, — что есть сил
Своих бы он защитников разил.

Пусть находился в войске он одном,
Болел душой он только о другом.

Он с этим — на коне стремился в битву.
А с тем — он слал коня своей молитвы.

Коль кто-то из своих сражен бывал —
Убившему он руки целовал.

А войско милой понесет урон —
Горячих слез тут не жалеет он.

Копье держал он прямо среди своих,
Удачи же желал — копыю других.

Свои одолевали — не жалел
Он против них ни тетивы, ни стрел.

А коль Лейли одолевало племя —
С души как будто скидывал он бремя.

Его спросили: «Что с тобой такое?
Как небосвод, кружишь ты в поле боя!

Ведь за тебя мы жизни отдаем,
А ты, как видим, заодно с врагом».

Ответил он: «Враги — Лейли друзья,
Как мог свой меч поднять на них бы я?

Врага, конечно, в битве не щадят,
Но кто же с другом биться будет рад?

От этой битвы смрад течет рекою,
А там — исходит аромат покоя.*

Та сторона — любимой сторона,
Не будет мной унижена она!

Лишь там приязнь сердечная моя —
Где сердцем я, там и душою я.

За друга умереть — любви условие:
Ей — душу взять, а мне — отдать с любовью.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Коль аромат любимая пришлет,
Влюбленный тут же ей ответ даст.
Мне шлет она прах стоп своих — сурьму,
Так что ж, в ответ я камень подниму?
Коль мед даст мне милая моя,
То как ей укус дать осмелюсь я?

Раз для нее готов я умереть,
То стану ль ваши души я жалеть?»*

Новфал, как опьяненный битвой слон,
Разил мечом, могуч и разъярен.

Пошлет стрелу — и душу унесет,
Усилит натиск — целый мир снесет.

Направо — голова слетает с плеч,
Налево — значит, рекам крови течь.

И так без передышки, неустанно,
До самой ночи бились оба стана.

Вот небосвод прозрачно-голубой
Дню на чело насыпал мускус свой.

Грузин свой стяг на поле водрузил
И русскому он голову срубил.⁶

Устала та и эта сторона,
И наступила им пора для сна.

...Но змея черного исчез и след,
Заххаком белым занялся рассвет.⁷

И копья были у бойцов страшнее,
Чем у Заххака жалившие змен.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

И собеседнику смолчать пришлось,
И глаз не поднимал он, полных слез.
А тот плясал в пыли, творя молитвы, —
Так для него и проходила битва!

Собрался в стане у Лейли с утра
Отряд бойцов, громадный, как гора.

И тучи стрел и спереди, и сзади.
Метали в небо всадники в отряде.

Увидев это скопище, Новфал
Стучаться в двери мира пожелал.

Он тут же выбрал из родни посла,
Чтоб миром битва кончена была:

«Мечом здесь говорить уже напрасно,
Лишь миролюбие должно быть властно.

У нас влюбленный, пери пораженный,
Ему прошу я вашу пери в жены.

Прекрасно это дело — и я вам
Сокровища харварами отдам.⁸

Коль это слово принесло вам радость,
Ответ ваш будет для меня лишь сладость.

А не хотите сахар продавать —
Хоть не спешите уксус предлагать.

Пускай вы даже несогласны с нами —
Зачем же нам наш спор решать мечами?»

Лишь только начал речь свою посол,
А уж свирепый бой к концу пошел.

И стороны забыли про вражду
И повернули прочь коней узду.

С копьём в руке, как стражник, мир пришел
И мирно обе стороны развел.

МЕДЖНУН УПРЕКАЕТ НОВФАЛА

Услышав, что о мире речь идет
Меджнун скорей погнал коня вперед

Новфала он бранил, ожесточась:
«О ты, соединить хотевший нас!

Надежду подаешь ты превосходно,
И выполнить умеешь благородно!

Я вижу, какова тебе цена,
Что означает «мир» и что «война»!

Твоих усилий вот таков предел?
И так ты дива заковать хотел?

Такой тобой разбег коню был дан,
И так умеешь ты бросать аркан?

Немало постарался, вижу, тот,
Кто тайно под меня подкоп ведет!

Того, кто неприязнен был ко мне,
Теперь ты сделал недругом вполне

Дверь, пред которою молился я,
На сто замков ты запер для меня.

Дружить с тобою больше я не буду,
Твоей услуги ввек я не забуду!

«Услуга» часто нити дружбы рвет,
Бывает, конь царя с доски събьет.

Пастух, что в волка целится, порой
Собаку ранит острою стрелой.

Хотя своим ты благородством славен,
Но в выполнение клятв ты несправен».*

Был патиском его Новфал сражен,
Заговорил сладкоречиво он:

«Осталось у меня так мало сил,
Что я притворно мира запросил.

Теперь, как дома я уже достиг,
Увидишь: от меча я не отвык.

Всех соберу я в племени моем,
И камень я насквозь пронжу мечом.

Пока ослов я с крыши не сведу,
Я ни на миг покоя не найду».¹

В Медину и в Багдад — во все концы
За войском были посланы гонцы.

* В некоторых рукописях здесь есть еще четыре бейта:

«Когда не так страдал я от обид,
В тебе я находил надежный щит.
Что ж от твоей осталось доброты?
Что живешь ты то, чего не сеял ты?
Ты заложил успешно основание,
Будь благороден и закончи здание.
Вокруг темно, ты — свет моим очам,
Я изнемог, и ты лишь — мне бальзам».

Желая мести, из всех краев
Он собирал бесчисленных бойцов.

И наконец с бесчисленными войсками
Разбил свой стан между двумя горами.*

ВТОРОЙ БОЙ НОВФАЛА

Кто собирал бесценный этот клад,
Так поднял к небу от сокровищ взгляд:

Повел свои войска вперед Новфал,
Любой глядевший мощь их создавал.

Коней могучий топот раздавался —
Абу-Кубейс высокий осыпался.¹

Услышав кланч могучий боевой,
Противник тоже устремился в бой.

Старейшина взошел на холм с отрядом:
Что происходит там вдали и рядом?

Увидел тучу острых копий он —
Войсками весь заполнен небосклон,

От труб и барабанов без конца,
Невольню замирали все сердца.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Пришел на поле боя, горд и смел,
А враг его ослеп и окрился.
Стремился он к победе над прагом,
Размахивая алчущим мечом.

Что делать? В бой идти — но страшен бой,
А не идти — так засмеет любой.

Он стал на месте, словно в землю врос,
Поток нахлынул, счастье прочь унес.

Сошлись две рати. Заблестел булат
И головы срубал он все подряд.

Из кровью пропитавшейся земли
Агаты разноцветные росли.

Сердца устали печени губить,
Мечи устали головы рубить.

С Новфалом сладить как, с богатырем?
Он горы раздроблял своим мечом,

Он наносил удары, как дракон —
Что ни удар — противник поражен.*

Головку лишь опустит булавы —
Будь ты Эльбурс — падешь без головы.

И на кого он быстрый меч направит
Тому листа он в книге не оставит.**

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

На поле вышел он, чтоб храбро биться,
Как стрелы, били острые ресницы.
Один лишь раз он булавой взмахнет —
И нескольких голов недостает.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Меджнун же страстью занят был своей
И душу отдавал лишь только ей.

Мечи же паланкины превращали
В носилки погребальные печали.

Когда друзья единодушны будут,
Из камня озеро воды добудут.

Раздор всегда к гибели ведет,
Победу лишь единство нам дает.

Новфал удачлив с войском был своим,
Судьба победу присудила им.

Они лавиной на врагов напали,
Кололи их, рубили, убивали.

Кто спасся — тот без раны не остался,
Кто ранен был, тот с жизнью расставался.

К Новфалу старцы от врагов пошли
И перед ним склонились до земли.

Они взмолились, боли не тая:
«О, помоги нам, праведный судья!

О вождь! Тобою мы побеждены,
Все ранены, убиты, пленены!*

Ты нас, оставшихся, не добивай,
А лучше руку помощи подай!

Оставь же страшный суд, жестокий бой,
Пойми, что будет Страшный суд другой.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Что пользы добивать нас до конца?
Мужчина не расточит мертвеца!

Коль враг оружие в руки вновь возьмет,
Тогда опять гони коня вперед.

Мы бросили к твоим ногам щиты —
Нас неужель простить не можешь ты?

Доколь стрелой и луком изъясняться?
Доколе с беззащитными сражаться?»

Услышавши их плач и их моления,
Простил им победитель прегрешенья.

«Пусть приведут невесту, — молвил он, —
И возвращусь я, удовлетворен!»

Пришел отец невесты, весь в слезах,
И голову склонил смиренно в прах:

«О ты, среди арабов властелин!
Венца и трона стоишь ты один!»**

А я, больной старик, в кольце тревог,
Живу в такой беде, что не дай бог!

Среди арабов я дурным слышу,
И сам себя аджамцем я зову!³

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Ты выше солнца мыслями взлетел,
Джамшида выше ты на трон воссел!

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Коль враг оружие бросил — то к чему
Удар смертельный наносить ему?

Текут потоки крови, вижу я,
И вижу — здесь мой грех, вина моя.

Я от стыда, что мне стесняет грудь,
Хотел бы даже превратиться в ртуть!

Коль дочери моей родной судьбу
Ничтожнейшему ты вручишь рабу,

Тебе я безусловно покорюсь,
Исполнить твой приказ не откажусь.

Пускай огонь ты жгучий разведешь,
Ее, как куст алоэ, ты сожжешь,

Ее решишь в колодезье утопить,
Или мечом ей голову срубить —

Покорно я склонюсь перед тобой,
И подчинюсь, как раб покорный твой.*

Но диву дочь отдать не соглашусь —
Для дива цепи лучше прочих уз!

С безумцем как поладит солнца свет?
Между огнем и щепкой лада нет!

Ведь он — безумец, доблести лишенный,
Ведь он — бродяга, жалкий, изможденный.

Он бродит по пустыням, по горам,
Покая не дает своим ногам.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Весенней свежей розой буду я —
Покорность не заменится моя.

Водиться любит он с людьми дурными,
Свое, как и мое, позорить имя.

Уж лучше быть дурной судьбы забавой,
Чем вдруг обзавестись дурною славой.

Ведь ныне каждый ветер до людей
Доносит весть о дочери моей.

Ее не получив, болтать он стал
И на весь мир ее оклеветал.

Коль дочь ему отдашь ты, навсегда
Останусь Я добычею стыда.

Уж лучше угодить дракону в пасть,
Чем навсегда попасть стыду во власть *

Коль ты свои оставишь настоянья,
Я счастья пожелаю на прощанье,

А если нет, я господом клянусь,
От этих всех забот освобожусь:

Сейчас же голову срублю ей сам
И брошу на дорогу, в пишу псам.

Чтоб ей позора без вины не знать,
А нам ни мира, ни войны не знать.

Растерзана пусть лучше будет псом,
Чем этим дивом в облике людском.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Не умножай мой стыд, добрее будь
И о суде последнем не забудь!

Коль пес тебя укусит, не беда —
Бальзамом ты излечишься всегда.

А коль тебя укусит человек —
Ты и с бальзамом пропадешь навек!»

Отец Лейли умолк. И промолчал,
Ему не в силах возразить, Новфал.

Он речью той искусной был смущен.
«Встань!» — старцу, наконец, промолвил он.

«Хоть предводитель рати я в бою,
По-доброму прошу я дочь твою.

Твоей душе коль это неужгодно,
Насильно брать ее — неблагоприятно.

Ну кто ж насильем женщину берет?
Кто сладкой кислую халву сочтет?

Ведь я сюда пришел лишь для молитв.
Довольно мне насилий, страшных битв!»

И приближенные, кто был при нем,
Согласны были с бедным стариком:

«Безумец этот страстью опален,
И в замыслы дурные погружен.»

Влюбленный, этот, ветреник: всегдашний, —
Полюбит разве он очаг домашний?

* В некоторых рукописях есть еще один бейт:

Любая женщина, к нему попав,
Утратит честь и свой испортит нрав.

Он разума лишен, лишен пути,
Он даже не дает себя спасти.

Когда мы бились за него, он сам
Желаал победы лишь одним врагам.

Из-за него мы понесли урон,
А нас проклятиями осыпал он.

Смеяться, плакать — все равно ему,
Из умных это свойственно кому?

И коль союз тот будет заключен,
Лишь горести одни доставит он.

Ведь это смыслу здравому претит —
Ей — дикаря терпеть, тебе же — стыд.

А мы, своей коль славой дорожим —
Что делом занимаемся таким?»

Оставил все переговоры сват
И с войском возвратился он назад.

Меджнун был опечален, удручен,
Судьбы жестокой утрастился он.*

Глаза в слезах, пришел к Новфалу он,
Горел вулканом, гневом разъярен.

* В некоторых рукописях далее следуют еще два бейта:

«Сегодня, и день, когда не ждал я зла,
Дремавшая судьба вдруг умерла.
Не захотела, зная, судьба моя,
Чтоб друг был так же верен, как и я».

«О стойкостью прославленный своей!
Теперь я вижу — нет тебя слабей.

Такой горел нам этим утром свет,
А день настал — у нас надежды нет!

Как упустил ты дичь мою из рук?
Куда твоя исчезла помощь вдруг?

Ты жаждущему показал Евфрат
И не дал пить ему, и ввергнул в ад.

Достал ты сахар, сделал ты шербет —
Но горечь дал мне, а шербета нет.

На скатерти ты сласти разложил —
Меня прогнать, как муху, поспешил.

Зачем же тратить хлопок, шить потом,
Коль нить таким завязана узлом?»

Так молвил, кто с одним конем остался,
Он одвуконь оттуда прочь умчался.*

Он удалился от людей понуро,
И шел, подобный туче, злой и хмурый.

* В некоторых рукописях далее следуют еще пять бейтов:

Новфал его пытался успокоить:
Я лучше брак могу тебе устроить!
Найду тебе прекрасную невесту.
Она гораздо больше будет к месту —
Богаче и красивей, и славней,
Найдешь ты счастье и блаженство с ней.
Тогда пойдут на лад твои дела,
И дом твой вновь не будет ведасть зла!»
Ему наговорили много слов,
Но с сердца спить никто не мог оков.

На землю слезы лил, тоской объят,
Противоядьем гнал разлуки ад.⁴

Новфал вернулся вновь в родной удел,
С друзьями верными за стол он сел.

И, пожалев несчастного опять,
Послал людей — Меджнуну поискать.

Его искали в тех краях, но он
Исчез, как бы землею поглощен.

И хоть исчез он сразу, безвозвратно
Причина этого была понятна.

МЕДЖНУН ОСВОБОЖДАЕТ ГАЗЕЛЕЙ

Кто дал напеву этому разгон,
На лад такой настроил органон:¹

Та птица, видя — цель не ближе стала —
Подальше улетела от Новфала.

Меджнуну быстрый конь летел, как птица,
Как ветер, что через пустыню мчится.

А сам он песни о Новфале пел,
О друге, что быть верным не сумел.

Покинутое стойбище найдет —
И о несчастье песню заведет.

И плачет, неспособный боль стерпеть...
Вдруг видит он расставленную сеть.

И несколько газелей в той сети
Запутались: самим им не уйти.

К бедняжкам уж охотник подходил,
Кровь собираясь выпустить из жил.

Меджнун погнал коня, разгоряченный,
Охотник встал на месте, удивленный.

Сказал Меджнун: «Обычай соблюдай
И гостю всю добычу ты отдай!

Сними силки, дай пленницам уйти
Прошу, скорее их освободи!

Зачем лишаешь жизни их в угаре?
Ведь есть душа, пойми, у каждой твари!

Ведь их глаза и спины разглядев,
Увидишь: с ними неуместен гнев!

Жива ли в сердце у тебя любовь?
Как можешь ты пролить невинных кровь?

Бесчеловечный — это волк лихой,
Газелей убивать — то грех большой.

Ведь взгляд их глаз — как у любимой взгляд,
А запах их — весенний аромат!

Пусти их ради глаз любимой ясных,
Пусти их ради дней весны прекрасных.

Им шен не руби — в них верность есть,
Им подобает не позор, а честь.

Мечи, ножи их трогать не должны,
Их шен для свободы рождены.

Глаза их, обведенные сурьмой,
Ужель должны сомкнуться под землей?

Их грудь рождает зависть серебра —
Ужель ее предать огню костра?

А спины их — найдется ль в них изъян? —
Ужель должны кровоточить от ран?

Пупок, в котором мускус затаен —
Ножом не должен быть отрезан он!

И ноги, что стройнее, чем тростник,
Страданий ведать не должны на миг!

Коль спину, что не знает седека,
Ты бросишь наземь — будет боль тяжка!»

Охотник так был речью удивлен,
Что палец прикусил до боли он...

Сказал он: «Я послушаться готов,
Но как спастись от бедности оков?

Вот за два месяца вся дичь моя,
Вот мой улов, а велика семья.

Измучила охотника беда —
Добычу как же отпустить тогда?

Коль хочется — добычу отпусти,
Но за нее сначала заплати!»

Рассказ услышав о судьбине черной,
Меджнун со скакуна сошел проворно.

Простясь с конем газеленогим, он
Снял сеть, своей мечтою окрылен.

Меджнун газелей взял себе; коня
Забрал охотник, прочь его гоня.

Меджнун глаза газелей целовал —
Любовью он, не жалостью, пылал.

Пусть не любимой то глаза — но все же
На черные глаза ее похожи.

И, помолившись, он их из сетей
Освободил, как дорогих гостей.

За ними он последовал, спеша,
И горестью была полна душа.

Он битвы не хотел, вооружен,
И не любил шипов, как роза, он.

Средь груд кипящего песка он шел,
И сам внутри кипел он, как котел.

Он воздух жаром сердца согревал,
Шелк и парчу колючкам отдавал.

Ночь в черную сорочку облачилась,
В сорочке лунной солнце закатилось.

А тот, что в пленную луну влюбился,
От стонов сам в тростинку превратился.

Была задача эта нелегка —
Меджнуна отличить от волоска!

Ночь, словно милой локоны, чернела,
Путь тонок стал, как собственное тело.

В пещеру вполз измученный, больной,
Как ящерка, укушена змеей.

Свалился с ног, присел страданья полный,
Из моря глаз катились слезы-волны.

Он извивался, горечь не тая,
Как ветка на огне, в песках змея.

Не спал он до утра, судьбу кляня,
И книгу бытия, как ночь, черня.

МЕДЖНУН ОСВОБОЖДАЕТ ОЛЕНЯ

Лишь утро — это был счастливый знак —
Над миром подняло свой яркий стяг,

Нахмурился Хабеш. Где здесь причина?¹
Зерцало Чина поднялось из Чина!²

Меджнун с зеркалом дум, в руках горевшим
(Сам зеркалом он был, хоть заржавевшим),

Поднялся дымом быстрым и живым,
Благоухая, словно амбры дым.

Отправился он в путь, стихи читая
И о любимой песни распевая.*

Вдруг впереди, как прежде, поражен,
Расставленную сеть увидел он.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Он шел, глаза уставив на дорогу,
И повторял в слезах: «Все слава богу!»

И видит, что олень попался в сеть
И должен он немедля умереть.

Охотник был, как злобный лев, готов
Оленя растерзать без дальних слов.

И кровь пролить, свершив большое зло,—
Что б из той крови вырасти могло?

К охотнику бежал Меджнун, крича,
Язык его был остр, как нож врача:

«О ты, жестокий, как злодея пес,
Зачем ты сеть свою сюда принес?

Пускай несчастный пленник поживет
Хоть день один без страха, без забот!

От петли ты ему свободу дай,
К подружке он своей идет, пускай.

Его подруга с ним разлучена,
Представь, что скажет о тебе она?

«Тот, кто с тобой нас разлучил, мой друг,
Пусть станет жертвою таких же мук!

Счастливого он пусть не видит дня!
Пусть будет не удачливей меня!»

Ты стоны бедных вздором не сочти,
Скорей свою добычу отпусти!

А если бы по воле рока вдруг
Ты в сеть попал, а у него был лук?

Ты согласишься, поменяв обличье,
Чтоб он охотник стал, а ты был дичью?»

Охотник, услышавши эту речь,
Решил своей добычи жизнь сберечь.

Сказал: «Ну что ж, его я пощажу,
За это только цену положу!»

Моя добыча — все чем я владею,
За выкуп я готов расстаться с нею.

Меджиун тотчас доспехи снял с себя
И отдал их, нимало не скорбя.

Охотник был обменом восхищен,
Не стал удерживать добычу он.

И подошел к оленю, наконец,
Меджун, заботлив, ласков, как отец.

Даря покой прикосновеньем рук,
Он раны все перевязал, как друг.

Стер пыль он с кожи, проведя руками,
К бедняжке обратился со слезами:

«Ты, от родной живущий вдалеке,
Как я, без друга стонущий в тоске!»

О предводитель воинства пустыни,
Царящий среди гор и на равнине!

Твой аромат — как милой аромат,
Глаза, как очи дорогой, горят.

С подругою ты должен быть своей,
И ноги ведать не должны сетей.*

Пусть зубы не короны украшают —³
А в раковине губ твоих мерцают.

На тетиву пусть не сдирают кожи —
Она тебе нужна, мой друг пригожий.

Хоть слезы у тебя тирьяк тлят —
Зачем ты будешь лить их, словно яд?

О гордый! Грудь твоя полна огня!
Будь милостив и не сжигай меня!

Ты знаешь в этой крепости степной
О той луне за крепостной стеной.

Траву щипать ты будешь в том краю —
Ей про невзгodu расскажи мою!

И передай: «О пленница врагов,
Каким тебе я нужен — я таков!»

Мы далеко разведены с тобой,
И оба потеряли мы покой.

Никто о нас с тобой не похлопочет,
И нас соединить никто не хочет.

А мне и ветер нужен только тот,
Что аромат любимой принесет.

* В некоторых рукописях далее следует еще один бейт:

Не ведай больше ты жестоких ран,
Не тронет пусть тебя царев аркан.

Воспоминанья только те нужны,
Которые одной тобой полны!»

Так говорил с оленем долго он,
Своей печальной долей отягчен.

Потом ему он путы развязал,
В глаза поцеловал и волю дал.

Познавший сеть олень сокрылся с глаз,
И сам Меджнун обрел покой тотчас.

Из ямы путник вызволил ночной
Юсуфа, ликом схожего с луной.

От предсказания множества светил
Небесный Миср стал бурным, словно Нил¹

Меджнун с глазами, черными от дум,
Шел, словно Нил, печален и угрюм,

Не делал передышки и такой,
Чтоб птица клюв могла смочить водой,

Не делал остановки ни на миг,
Чтоб высунуть могла змея язык.

Растерзанной змее подобно, он
Метался, позабыв покой и сон.

Он спать не мог от горя и бессилья,
Как птица, если ей отрежут крылья.

В мозгу горело пламя и не гасло,
В светильнике горит вот так же масло.

Он, как светильник, стоя, умирал,
Не падая на землю, он сгорал.

МЕДЖНУН РАЗГОВАРИВАЕТ С ВОРОНОМ

Вот утреннего небосвода свет
Голубизну украсил в желтый цвет.

Диск желтой розы улыбнулся, ясен,
Цвет алой розы горизонт окрасил.

Как роза под осенними дождями,
Так шел Меджнун, весь залитый слезами

Он ветром вздохов по воде очей
Гнал свой корабль на сушу поскорей.

Уже к полудню вовсе изнурен
Был под лучами солнечными он.

Как будто тень, незащищен и наг,
Он сел в тени под деревом, бедняк.

А к дереву высокому, сюда
Текла из всех окрестных мест вода.

И здесь образовался водоем —
Чист, как Ковсар, и кругл, как оком.¹

Трава росла вокруг того пруда,
Была она свежа, как и вода.

Измученный, Меджнун, лишенный сил,
Водой, как травка, жажду утолил.

Он отдыхал от суеты пустой,
Бессмысленных бесед с самим собой.

Под ним был мягкий травяной ковер..
Он поднял к дереву усталый взор.

Увидел — ворон на суку сидит,
И глаз его светильником горит.

Он локонов красавиц был черней,
Не знал он равных по красе своей.

Салиха птица черная на диво,
Верблюдице подобно, молчалива.¹

И он сидел безмолвно на ветвях,
Как бы гагат на шелковых коврах.²

Меджнун, увидев странника такого,
Нашел в душе своей благое слово:

«О черный с белой книгой, — начал он, —
Зачем же в черный цвет ты облачен?»

Ночной светильник, ты ночного цвета!
Откуда эта горести примета?

Я в вечном горе шлю укор судьбе —
Зачем печальный цвет носить тебе?

Коль ты не опален огнем любви,
Что ж черен ты, как бы с огнем в крови?

Горишь ты, наподобье опаленных?
Зачем же избегаешь ты влюбленных?

Ты, может быть, хатиб, хутбу читаешь³
И в черном потону ходить желаешь?

Слуга ты — негритенок, я клянусь!
Иль ты плененный турками индус?

Я разве царь, а ты шатер? Ведь нет?⁴
А не шатер — откуда черный цвет?

Как долетишь до милой ты моей,
Слова печали передай ты ей!

Скажи ей так: «Пойми мою беду,
Или я смерть в развалинах найду!

«Я помогу!» — сказала ты. Боюсь,
Что помощи до смерти не дождусь!

Придешь, когда уж буду мертвым я
И в прах со мной уйдет любовь моя.

Когда глаза не видят солнца свет,
То пользы в тутии уже им нет.¹

От криков пастуха какой же толк,
Коль у овцы унес ягненка волк?

Стальной ли будет, каменной стена —
Поток основу снес — к чему она?

Пройдет ли туча, хлынет ли дождем —
Коль высох хлеб — что от нее мы ждем?»

Меджнун вел речь, а ворон слушал, строг,
Садясь на тот и на другой сучок.

Меджнун расправил крылья речи. Птица
Уже была готова в небо взвиться.

Он все сказал, а ворон улетел,
Не облегчив влюбленного удел.

Крыла воронья ночь раскрыла вширь,
Уже ночной проснулся нетопыр.

Казались в небе звездочки свечами,
Или на крыльях ворона глазами.

Меджун лежал, как яркий светоч ночи,
Как ворон выклевал бедняге очи.

Он слезы лил, души не облегча,
Себя огнем сжигал он, как свеча.

СТАРУХА ВЕДЕТ МЕДЖУНА К ШАТРУ ЛЕЙЛИ

Светильник неба выше поднялся
И озарил собою небеса.

У каждого в глазах явился сад,
Казаля шаб-чирагом каждый взгляд.

Меджун летел, как ворон, без дорог,
Искал свою свечу, как мотылек.

И жребий снова в путь его увел,
И он к любимой в край опять пошел.

И вот уж близко племя дорогой —
За сердце тут схватился он рукой.

Мгновенья шли... Вдохнул он, наконец, —
Как будто снова стал живым мертвец.

Две тени появились вдруг вдали,
К нему старуха и безумец шли.

Безумец был цепями отягчен,
Своим оковам радовался он.

Вперед старуха торопливо шла
И на веревке бедного шела.

Тоской Меджуна сердце занялось,
Старухе этой задал он вопрос:

«Скажи, молю, я, это кто такой
И почему в оковах он с тобой?»

«Не заслужил он, — был ответ таков. —
По правде, ни темницы, ни оков.

Я овдовела, спутник мой — бедняк,
И нас пужда замучила, наш враг.

От бедности дошла я до того —
Накинула веревку на него.

Как пленника, его пожу, и всюду,
Ему дивятся все, как будто чуду.

Зато мы можем с хитростью такой
Немного пищи принести домой,

И все, что с ним в пути мы соберем,
Мы делим точно поровну вдвоем,

Все делим ровно на две половинки,
Не остается лишней и пылинки».

Меджун, от безысходности томясь,
К ногам старухи той приник тотчас:

«Веревки, цепи ты сними скорей
И теми путами меня обвей.

Безумец истинный не он, а я,
Веревки, цепи — только для меня!

Веди меня повсюду, где захочешь,
Показывай, как чудо, где захочешь.

И все, что я ни получу, смотри —
Твое, все, не делись, себе бери!»

Старухе предложенье было ясно.
Она сказала сразу: «Я согласна!»

Освободив безумца от вериг,
Она опутала Меджиуна вмиг.

Возрадовался он своим цепям,
Послушно шел за нею по пятам.*

Меджиун терпел мучения без слов,
И от веревки и от кандалов.

К шатру Меджиун едва лишь подойдет,
Тотчас же, словно пьяный, запоем.

«Лейли!» — кричал он под дождем камней,
Плясал, весь в синяках, и пел о ней.

Мученьями безмерными томимый,
Пришел туда он, где был дом любимой.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

То цепи сняв, то снова надевая,
Она вела его, не отпуская.
В деревне каждой собирался люд,
Те плачут, эти — хохотать начнут.
Смелся тот, кто был гаупей других,
А плакал тот, кто был мудрей других.

С ее лугов повеял ветер вдруг,
Меджиун травой зеленой сел на луг.

Потом залился горькими слезами,
Как облака — весенними дождями.

О землю больно бился головой:
«О горести принесшая с собой!

Я даже преступил закон отцов,
Чтоб от тюрьмы спастись и от оков.

И что ж теперь? В цепях я изнываю,
Но рад, что я из-за тебя страдаю.

Путем греха идет моя стезя,
И мне мои грехи простить нельзя.

Ну что ж! В твоей я воле с давних пор,
Суди и выноси мне приговор!

И хоть мечом сражаюсь я в бою,
Перед тобой я пленником стою.*

Сраженье начал я в порыве яром,
Но сам же и повержен был ударом.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

Хоть ранен я снаружи и внутри,
Лей кровь мою, на раны не смотри.
Из-за любви застыла жизнь во мне.
Глаза в слезах, а сердце — все в огне.
С тобой дай повидаться хоть на миг,
Стань другом мне, зеница глаз моих!
Доколь мне жить тоскуя и скорбя?
Доколе же не видеть мне тебя?

Вчера то было. Нынче пленник твой
С веревкою на шее пред тобой.

Вчера я лук держал в руке своей —
Она сегодня ноет от цепей.

За то, в чем был я прежде виноват,
Наказан был я много раз подряд.

Униженного ты не извиняй!
Я должен быть убитым — убивай!

Коль не одной тобою крепок я,
Распни — я буду рад, душа моя.

О ты, кто и в неверности верна,
Перед тобой невинность как вина!

Вины не зная вовсе за собой,
Готов своим признать я грех любой.

Быть может, милость ты ко мне явишь,
Иль для меня ошибку совершишь!

При жизни мне не облегчишь ты муки,
На голову мне не положишь руки!

Чтоб головы хоть раз коснулась ты,
Когда умру — о том мои мечты.

Но если голову мечом снесешь,
Твоей я буду жертвой — ну и что ж!

Стать Исмаилом я не усташусь,
Исмаилит я, если откажусь!

Ведь сердце у меня горит свечой —
И я прошусь без страха с головой!

Вверх тянет голову свеча — ей больно.
Ей голову снесут — она довольна.

Мне лучше мертвым быть у ног твоих,
Чем без тебя здесь мучиться в живых.

А коль к тебе нет для меня пути,
В тиши мне лучше стоном изойти.

Сняв голову, стонать не буду я,
Лишь ты б узнала, в чем печаль моя!

«Чтоб голове твоей не знать скорбей!» —
Так молвишь ты. Меня ты не жалеи!

Ведь горести мои, а голова —
Она твоя, жива или мертва!»

И взвившись, как стрела, он вдалеке умчал,
Обезумевши, пути разорвал.

От горя он как пламенем горел
И в горы, как безумный, полетел

На Меджд он поднялся, и в выси горной
Стонал и истязал себя упорно.

Пришли родные. Лучше б их глазам
Не видеть то, что увидали там.

Решили мать его с отцом тогда,
Что их Меджнун потерял навсегда,

И, раз спасти никто не мог его,
Ушли, его оставив одного.

Из памяти его теперь ушли
Дома, руины — все, кроме Лейли.

Коль не о ней речь кто-то начинал —
Он бил себя, бежал иль засыпал.

ОТЕЦ ВЫДАЕТ ЛЕЙЛИ ЗАМУЖ ЗА ИБН-САЛАМА

Кто в море мыслей жемчуга искал,
Из уст чудесный сахар источал:

В день, когда взяли верх войска Новфала,
Лейли в шатре об этом услышала.*

Пришел отец, хвастливый, говорливый,
На голове чалма сидела криво.

Он рассказал, как удалось ему
Свет правды превратить в ночную тьму:

«Сумел его я ловко провести
И невредимым от беды уйти!

К молчанию его принудил я,
Была решительною речь моя!

И бестоковый тот глупец, Новфал,
Увел его и «Бог подаст!» сказал.

* В некоторых рукописях следует еще один бейт:

«Мой милый побеждает!» — так она
В душе твердила, радости полна.

И он ушел отсюда, посрамлен,
Утратил на союз надежду он!»*

Лейли, такой услышавши рассказ,
Страданиям и мученьям предалась

Вздыхала за завесой без конца,
Не приоткрыв завесы для отца.

Ушел отец. Нарциссы глаз Лейли
Цвет розы от рыданья обрели.

И столько слез лила дорогой глаз,
Что пыль ее дороги улеглась.**

Нарциссы алые своим дождем
Вкруг бамбука налили водоем.¹

Чтоб горем поделиться — близких нет,
И друга нет, кто мог бы дать совет.

На крыше мучилась она змеей —
В мешке, с отрезанною головой.²

* В некоторых рукописях далее следуют еще три бейта:

«Я богом и Адамом заклинал,
Чтоб диву пери он не отдавал.
Он был со мной согласен в полной мере
И человеку-диву не дал пери.
Пушай его дела устроит бог!
Все кончилось отлично — бог помог!»

** В некоторых рукописях далее следуют еще два бейта:

Лишившись чашки, как весы, от муки,
Она кусала непрерывно руки.
Глаза чертили на воде узоры,
И всюду крови разлились озера.

А нежный ветерок спешил разнести
Благоухание ее как вест!

И всюду знатных множество людей
О сватовстве подумывали к ней,

Готовы были ей отдать казну,
А если мало — целую страну.

И тысячи посредников вокруг
Трудились там, не покладая рук.

Один уже паланкин ей подает,
Другой мечтает съесть скорее мед.

Отец красавицы, боясь пропажи,
Жемчужину держал под крепкой стражей

Лейли же, всех прекрасней и умней,
Бутыль сберечь умела от камней.

В душе тая страдания, она,
Могла при людях выпить и вина.

Улыбкой, как свеча, она сияла
Но, улыбаясь, медленно сгорала.

Была, как роза — ноги все в шипах,
Но алая свеча в ее руках.

И бегала, хоть был в глазах туман,
Чтоб на ногах не обнаружить ран.

И каждый Муштари Луне к шатру
Готов как сваху, был послать Зухру.³

Теперь заторопился Ибн-Салам
Что обещал, сложить к ее ногам.

Явился за невестою своей
Он с пышностью, достойною царей.

Привез с собой сокровищ караваны,
Харвары сахара и амбры — маны.⁴

И мускус был в числе его даров,
Рубины из богатых рудников.

А для ночных рубашек шли с тюками
Верблюды с драгоценными шелками.

Привел он дромадеров, рысаков,
Поверить трудно, сколько табунов.

И золото, чья и крупника — клад,
Он сыпать как простой песок, был рад.

Не золото он сыпал, а песок —
Так он с врагами легче кончить мог.⁵

Своей великой щедростью у зданья
Песчаное подрыл он основанье.

Ни дня себе на отдых не отвел,
Потом со сватовством пошел посол.

Тот вестник златоустом был таким,
Что камень бы смягчился перед ним.

Он речью мертвых превращал в живых,
Пред ним бы умер даже сам Масих.⁶

Чин, Тайфа, Рум — да все края земли⁷
Через посла подарок поднесли

И все богатства эти без цены
Посол вручил хранителю казны.

Ключом речей жемчужных, наконец,
Он мудрости своей открыл ларец:

«Лев царственный, могучий войск хребет,
Арабов всех оплот, краса и цвет,

Высокий муж, не знающий двуличья —
Скрестились в нем все признаки величья!»

Нужна ли кровь — он крови льет поток,
Иль золото? Он сыплет, как песок!

С ним ждет тебя, поверь, один успех,
Освобожденье от упреков всех.

Отец невесты, слыша эту речь,
Спокойствие едва сумел сберечь.

Как о своей ни сокрушался доле,
Он все же дал согласие поневоле,

И о союзе мысль одобрил он —
Пускай проглотит, мол, луну дракон.

...Невеста — солнце в утренних лучах
Джамшида чашу подняла в руках,

И принял на плечи жених-араб
Накидку, что дал русский мальчик-раб.⁸

Отец невесты разукрасил дом,
Украсил рынок, улицы кругом.

Он жениха и сватов пригласил
И во главе собрания усадил.

Веселье, пляски — все устроил он,
Как дедовский велел ему закон.

За пиром, как ведется с давних пор,
Вновь закрепили прежний договор.

Взлетел дирхемов вихрь под облака,⁹
Все дал жених за «цену молока».¹⁰

И спальню той, что краше всех была,
Засыпали сладостями без числа.

Но та, как сахар, или как алоэ
Сгорала, бледная, лишась покоя.¹¹

Из сердца поднимался пар душистый,
Из глаз ее гуляб струился чистый,¹²

Рубины уст ее рождали пламя,
И воду лили ониксы ручьями.

Огонь был благовонной галией,¹³
А слезы были розовой водой.

Приготовленья завершил жених —
Она еще не начала своих.

Уж чашу взяли — а она разбилась,
Прокисла палуда, едва сварилась.

Колочка вмиг уколает — только тронь.
Огонь ко рту приблизить — жжет огонь.

Повисла, словно плетъ, твоя рука —
Не будет уж служить наверняка.¹⁴

Того, кто против племени восстанет,
И племя больше охранять не станет.

Когда укусит палец твой змея,
Отсечь его — обязанность твоя.

Стихий согласие — жизни эликсир,
Приходит смерть, коль их нарушен мир.

Лейли, что эликсиром всем была,
От споров чувств едва не умерла.*

ИБН-САЛАМ УВОЗИТ ЛЕЙЛИ В СВОЙ ДОМ

Вот солнце, выйдя в голубой простор,
Разбило там свой золотой шатер.

Ушел по Тигру вниз корабль ночной,
Прекрасных белых дев веза с собой.¹

Тут пробудился и жених счастливый,
Невесте подал паланкин красивый.

Подняться в паланкин Лейли пришлось,
И с пышностью ее жених повез.

С ней разделил он и престол, и ложе,
Власть над благим и злым вручил ей тоже.

Быть ласковым и добрым он старался,
Воск добротой размягчить пытался.

* Далее в некоторых рукописях имеется еще один бейт:

Свеча царей, тая тревогу, страх,
Искала утра со свечой в руках.¹⁵

Но, насладившись видом пальмы редкой,
Он руки к пальме протянул за веткой.

Но так колючкой был ужален он,
Что потерял спокойствие и сон.

Ему дала пощечину Лейли,
И бедный муж насилиу встал с земли.

Сказала: «Повторишь поступок свой —
Прощайся и с собою, и со мной.

А я клянусь владыкой бытия,
Тем, что украсил, как кумир, меня; —

Хотя б ты пролил кровь мою мечом,
Ты цели не достиг бы нипочем.*

Ее решимость Ибн-Салам увидел,
Был рад — в живых его оставил идол.

Он понял, что не для него та честь,
Что у нее другой светильник есть.

Но он от страсти не сумел очнуться
И от Лейли не мог он отвернуться.

С тех пор, как он узрел красу ее,
Он потерял спокойствие свое.

Решил: «Моя любовь к ней велика,
Я буду хоть смотреть издалека».

* В некоторых рукописях имеется еще один бейт:

Тебе разрешены один лишь взгляды,
Не требуй ты себе иной награды.

Я лучше любоваться буду ей,
Она уйдет — мне будет тяжелей».

Признал он, что виновен, без сомненья,
И попросил, рыдая, снисхождения:

«Иль буду подлецом я, или впредь
Тебя я буду только лицезреть».

Потом все время, что он с нею прожил,
Ее лишь любованьем он тревожил.

А та, что украшала этот сад,
Лишь на дорогу устремляла взгляд.

Она молила ветерок — принесть
Пылинку — из пещеры друга весть.

К распутию выходила каждый миг
И стонов не могла сдерживать своих,

Пройдет она лишь несколько шагов,
Рыдает горше сотни соловьев.

И все ждала — придет ли весть ей друг,
Чтоб душу бедную спасти от мук.

И столько эта бедная страдала,
В разлуке в тяжелой горести рыдала,

Что стала скрытая любовь известной
И тайна разгласилась повсеместно.

Она в несчастье горестном своем
Забыла страх пред мужем и отцом.

Когда любовь живет в людских сердцах —
Что пред отцом иль перед мужем страх?

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О ЗАМУЖЕСТВЕ ЛЕЙЛИ

Сказитель слов, чья родина — Багдад,
Так изложить был тайну слова рад:

Тот сумасшедший, цепи все порвавший,
Безумец тот, луны не увидавший,*

Меджнун с душою, горем опаленной,
Крестьянин из деревни разоренной,

С друзьями-вздохами то там, то тут
Бродил; нигде не ждал его принют.

Из края милой шедший аромат
Весны ему был краше во сто крат.

Как амбра, запах тот пьянил его,
Окутывал волной все существо.

Из амбры свежей делал он бальзам,
Чтоб облегченье дать своим страстям.

Под мугилянном он лежал однажды,¹
Иссохший весь от голода и жажды.

Не знал он сущности своих же дел,
Шип отличить от розы не умел.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Скиталец, исхививший целый свет,
Юсуф колодца горестей и бед,
Отшельник средь покинутых развалин,
Певец, чей голос был всегда печален —

Тут кто-то черный ехал на верблюде —
Его с гюрзой сравнить могли бы люди

Увидевши несчастного без сил,
Верблюда бег он вмиг остановил.

Как будто див могучий, зарычал
И громко, безрассудно закричал:

«Не знающий порядка бытия!
Ведь идолопоклонство — суть твоя!

От идолов подальше уходи,
От них ты вовсе верности не жди!

Просвета не увидишь ты, любя —
Любимая не хочет знать тебя.

Безделье предпочти делам таким,
Бездружье предпочти друзьям таким.

Ведь та, кому предался ты, не зная
Ее коварства не подозревая —

Тебе она, узнай же, неверна,
И от приятни отсеклась она.

Ты ветру отдал жизни урожай,
Она же о тебе не помнит, знай.

Она чужою сделалась женой,
И у нее супруг есть молодой.

Она за ним безропотно пошла,
Во всем ему покорною была,

С ним каждый день в укомном уголке
Лежит, прижав щеку к его щеке.

Все время поцелуй да объятья,
Ты мучишься — а вот ее занятия.

Она бежала от любви твоей,
Ты тоже дружбу, как бутыл, разбей!

Она тебя не вспомнит много лет,
Зачем она тебе, ты дай ответ!?

Из тысяч женщин и одной, наверно,
Не сыщешь ты, чтоб оставалась верной.

Когда любовь и верность сотворяли,
То женщин в этот список не включали.

На краткий срок лишь женщина верна —
Пока другого не найдет она.

Когда ж она в объятиях другого —
Она тебя неужто вспомнит снова?

У женщин страсть сильнее, чем у мужчин,
Но им желанный нужен лишь один.

На свете женщины не встретишь верной —
Она умеет быть лишь лицемерной.

Сколь многих женский произвол обидел!
А верности — от них никто не видел!

На женщину когда с доверьем взглянешь —
Мужчина, хуже женщины ты станешь!

Хитра, коварна женщина всегда,
Снаружи — мир, внутри — сама вражда.

Своей враждой она весь мир погубит,
И душу умертвит, когда полюбит.

Скажи ей: «Сделай» — делать не спешит,
Скажи: «Не делай» — больше совершит.

Печален ты — ее нет веселей,
А весел ты — тогда тоскливо ей.

Я говорю о праведных одних,
А сколько же коварства у дурных!»

Злодей сразил Меджиуна наповал
Огонь палящий в сердце запалил,

Рассудку сделалось немогоду,
Упал он, как припадочный, в бреду,

О скалы головою бился он,
Был камень алой кровью обогрен.

В разорванной одежде, весь разбит,
Лежал недвижно он... Вокруг гранит...

И устыдился гнусный див тогда,
Что сделал он, не ведая стыда.

Он от несчастного не отходил...
Очнулся наконец лишенный сил.

Обманщик у него просил прощенья:
«Прости, что наболтал я без стеснения!»

Тебе я рассказал неправду, вздор,
Прости меня за этот разговор!

С тобой решил жестоко пошутить —
Готов за это жизнью заплатить!

Ведь та затворница страдает тяжко,
И думает лишь о тебе бедняжка!

Тот, кто ей был супругом наречен —
С ней ночи не провел единой он.*

Пусть брачный договор ее с другим —
Но сердце только лишь с тобой одним.

Одно знакомо имя ей — твое.
И ты лишь существуешь для нее.

И вспоминает каждый миг тебя
Она сто раз, тебя лишь возлюбя.

Уж год прошел, как замужем она —
Она тебе лишь одному верна.

И если даже сто лет проживет —
Другой вкусить не сможет этот плод*

Меджнун увидел зеркало лжеца,
Двуликое обличье наглеца.

И стал терзаться меньше он, чем прежде,
Уже не так безумствовал в надежде.

Он птицей был с поломанным крылом,
И мало жизни оставалось в нем.

Слезами и рубины просверлил он,
Газели о неверности твердил он.

В расстройство все дела его пришли —
Но ничего не ведала Лейли.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Ее глаза измучены от слез,
Расстроена — как улей, полный ос.
Та, что красую гурий превзойдет,
Все слезный жемчуг безутешно льет.

МЕДЖНУН ЖАЛУЕТСЯ ОБРАЗУ ЛЕЙЛИ

Служанка сей невесты горделивой
Так разукрасила ее на диво:

Хотя Лейли, прекрасней всех красавиц,
Для кисти тысяч живописцев зависть,

Была супругу в пленницы дана,
О друге только думала она.

А друга истомил другой недуг —
Узнал он: у Лейли другой супруг.

Стал ангельский рассудок от страданья
Еще безумней, чем его прозвание.

Как птица, крылья распластав, лежал он,
И мнилось — дух последний испускал он.

Искал повсюду он живой воды —
До самой крайней он дошел черты.

К любимой в край он долгим шел путем,
От плача стал он тонким волоском.

И ветра языком он молвил ей:
«О ты, что с парой встретилаcь своей!»*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Из-за тебя мой день подобен ночи,
И льют потоки слез все время очи!
Доколе сердцу по тебе страдать,
Очам вдали от милой изнывать?
Одна лишь ночь свидания с тобой!
Дороже мне жемчужины любви!

Где времена, что мы вдвоем гуляли
И верность тысячею клятв скрепляли?

Когда друг другу обещали счастье
И не боялись никакой напасти?

И спорили мы, чья любовь сильнее,
И будет кто любимому верней?

Сегодня уговоры все забыты
И предо мной лицо твоё закрыто.

Должно быть, отрекась ты от любви —
О, где же притязания твои?

Я за тебя и душу продаю —
Кому ты клятву продала свою?

Любовь, что жизнью куплена была,
Другому ты кому-то отдала.

Как ты смогла так верность растерять,
Чтоб друга своего не вспоминать?

Так мысли полным другом заняты,
Что старого не вспоминаешь ты?

Пусть ты теперь в объятиях другого —
Но обо мне хоть вымолвила б слово!

Я молодость провел в саду твоём —
Пропал садовник со своим трудом!

В саду трудился вихрь; плод созрел —
Его тотчас бесстыдный ворон съел.

Но пусть приятен, сладок финик твой —
Его как ниш почувствует другой!

Самумом мой горячий вздох сожжет
Того, кто б захотел вкусить твой плод!

Ты кипарис, что плавно выступает, —
От кипариса кто плоды вкушает?

Сперва меня ты дружбой вознесла,
Потом же униженью предала.

Тебе вручивши сердце, я никак
Не ждал, что ты со мной поступишь так

Ты обманула клятвами меня,
Сказала мне: «Твоею буду я!»

Ах, как правдивы клятвы все твои,
Как крепки обещания любви!

Согрела сердце ты себе с другим,
И взглядом ты не смущена моим?

Но не одни на свете мы живем,
Различье зная меж добром и злом.

Ведь люди умудренные есть тут,
Что злым делам и добрым счет ведут.

Они поймут, как я страдал, любя,
И сколько горя знал я от тебя.

И пусть мои глаза закрыты будут,
Другие о тебе не позабудут.

Проведают, как клятвы ты блюла,
И скажут: «Вероломною была!»

Кто нарушает данное им слово,
Тот сокрушает бытия основы.

Покуда роза цветнику верна,
Она шипом не будет пронзена.

Вино бесславным стало с тех лишь пор,
Как на пьянчуг накликало позор.

Луны разбивши чашу, превозмочь
Уж черноты своей не может ночь.

Моя надежда вечно будет зыбкой,
И вечно будет грустною улыбка —

Ведь жизнь моя прошла, полна тщеты,
А клятв своих не исполняешь ты.

Ты неспособна радость дать, любя,
А я не в силах позабыть тебя.

Но сколько я ни испытал бы мук,
Я не обижусь на тебя, мой друг.

Лишь горе в сердце ты найдешь моем,
А для обиды нет и места в нем.

Подумать, что ты друг мой, я боюсь,
Врагом тебя назвать я не решусь.

Я с толку сбит причудами твоими,
Какое дать тебе, не знаю, имя.

Хоть много ты насилий сотворила,
Ты — пища для души, для тела — сила

Хоть век мой гнетом сократила ты,
Что не прощу я ради красоты!

Тому, кто так прекрасен, верь ты мне,
И кровь людей дозволена вполне.¹

Ты — день, себя сравню я со свечой,
Не лучше ль мне угаснуть пред тобой!

Ведь ты луна, но с сахарным лицом,
Ты шах, но ходишь на доске слоном!

Ты розой в белом платье вышла в сад,
Тюльпан средь листьев, сладкий виноград.

Огонь на блеск твой только взгляд метнет —
От зависти водою потечет.

Сад, полный роз прекрасных — волшебство,
Но он лишь отблеск лика твоего!

Атлас, что у царей рубин облек —
Солома перед чудом твоих щек!

Мечте подобно, бровь твоя тонка,
Как месяц в праздничную ночь, узка.

Благоуханье щек твоих такое,
Что может позавидовать алоэ.

Твое лицо — султан, что в миг один
Зароевал Хабеш и даже Чин.

От красоты подобной пери чудной
Как трудно оторваться — о, как трудно!

Могу я лишь покорствуя судьбе,
Пожертвовать душой моей тебе.

Ждать милости от сердца твоего.
Не замечать дурного ничего.

Я проявлю терпение, а там
Увидим мы, что жизнь покажет нам.

ОТЕЦ НАВЕЩАЕТ МЕДЖНУНА

Перс по рождению, лекхан известный¹
Дела арабов излагал чудесно:

Тот старец, сына всем ветрам предавший,
Старик Якуб, Юсуфа потерявший,²

Увидя, как Меджнуна ум смущен,
Бояться стал — не исцелится он.

Вздыхал он, изнывал в мученьях злых,
Терзался вечно в чаяньях пустых.

Он выхода искал, но как тут быть —
Хотанцем негр не станет, — как ни мыть!

Имущества потратил он немало,
Но счастье взор к нему не обращало.

И места не осталось уж надежде,
Что станет сын таким же, как и прежде.

Сидел он в уголке, уединясь,
Себе готовя путевой припас.

Бессилье и старость говорили
Ему: пора готовиться к могиле.

Обитель узкая его стесняла,
И ручкой чанга флейта горла стала.³

Он опасался: смертный час придет,
И в дом к нему чужой отыщет вход.⁴

Он посох взял, предчувствием гоним,
И двое юношей отбыли с ним.

За сыном трудной он пошел дорогой,
Заранее смирившись с волей бога.

И так бродил по черным он пескам,
И по горам, и голубым степям.

Тая надежду, всюду он ходил,
Нигде его следов не находил.

Вдруг сообщил ему неожиданный друг:
«Он далеко теперь, в жилище мук!

Живет он в яме тесной и унылой,
Я лучше бы сравнил ее с могилкой.

Она, как туча черная, страшна,
И нефтью белой горит она».

Пустился дальше бедный тот старик,
И за день этой местности достиг.

Такое зрелище ему не снилось!
Глаза померкли и в груди стеснилось...

Душа без тела, со скелетом схожий
Костяк, обтянутый прозрачной кожей.

Да, тот беглец из мира бытия
Шел в идолопоклонников края.

Себе на шею иго возложил,
На волосок всего от смерти был.

Как пес скитался: грыз его недуг,
Он был невидим, как подземный дух,

Лишался чувств он — так себя извел,
Что крови в нем перекипал котел.

Полз по земле он медленной змеей,
Без шапки, с непокрытой головой.

Передник из звериной кожи мог
Едва прикрыть ему один пупок.

Отец тихонько подошел к нему,
Погладила нежно голову ему.

И взволновалось сердце старца вновь
Над сердцем лил он слез горячих кровь.⁵

Меджнун открыл глаза — кто тут стоит
И что-то тихо-тихо говорит?

Когда вгляделся он в черты лица,
Он отстранился, не узнав отца.

Кто и себя не вспомнит ни на миг —
Как может он, скажи, узнать других?

«Кто ты такой?» — спросил, — «Чего ты хочешь?
Откуда ты, скажи? О чем хлопочешь?»

Ответ звучал: «Я твой отец, мой друг,
И я ишу тебя, исполнен мук!»

Лишь в этот миг Меджнун узнал, кто он,
И зарыдал, коленопреклонен.

И слезы полились у них ручьем,
И целовались долго сын с отцом.

Они рыдали от волненья оба,
Они стонали от смятенья оба.

Уставши горько плакать и стенать,
Отец на сына поглядел опять.

Меджун был, словно в день Суда: худой,
Нагой, простоволосый и босой.

Одежду взяв — при нем была корзина —
Отец передел беднягу-сына.

И туфли дал он новые ему,
На голову ему надел чалму.

Чтобы спасти несчастного от бед,
Он дать ему решил благой совет:

«Сынок мой, кто промедлит, тот заплачет:
Ведь время одноконь, поверь мне, скачет»⁶

На том пути трава — меча острей,
И ты с него сворачивай скорей.

И год, и месяц пролетят, как день,
Для стрел судьбы ты легкая мишень.

И все равно, жестокий небосвод
Тебя сразит и кровь твою прольет.

Ты два-три дня, положим, проживешь,
Но свалишься потом ты и умрешь.

Насытишь трупом ты зверей потом,
Начавши с полка и кончая львом.

Псом в городе своем ты лучше будь,
Но только позабудь скитаний путь!

Ведь сколько ты ни бегай — все равно
Придешь, к чему судьбою суждено.

Зачем же утруждать себя напрасно,
Всех бед ты не izbудешь, это ясно.

И реки русло, где течет поток,
Разрушится, когда настанет срок.

А та гора, с которой он течет,
Разрушится, коль землю затрясет.

Никто от бед тяжелых не избавлен;
Будь ты железным, будешь ты расплавлен.

Век норовом пресытился твоим,
Хоть два-три дня побыл бы ты ручным!

Хоть безголов — не ходишь под уздой.
Сгорело сердце — ты еще сырой.⁷

Оставь верблюжьи скачки, и коней
Не загоняй, охотясь на зверей.

Главою в доме дивов ты не будь,
Скорей обличье дива позабудь!

Будь терпеливым, стойким быть решишь,
Занятем хоть пустынным отвлекись!

Хоть наслажденья — ветер, есть в них сладость,
Порой и мудрый в них находит радость!

Правдивы или лживы наслажденья —
Они украсят жизнь хоть на мгновенье.

Ты поживи мгновенье без забот —
Посмотрим, что нам завтра принесет.

Когда ты удовольствие отложишь,
То быть уверен в нем уже не можешь.

Порой хранят пшеницу про запас,
Но и зерна не видят в трудный час.

Покуда жизнь к закату не пришла,
В порядок приведи свои дела.

Как поступится смертный час к тебе,
Прислушается ль мир к твоей мольбе?

Особого вина там не дадут —
Твоих деяний список поднесут.

Наденет женщина то, что соткет,
Мужчина что посеет, то пожнет.

Здесь воскури стараний финням —
Он завтра заблагоухает там.

Проверь заранее смерти оселок —
Пред смертью будет поздно, мой дружок.

От смерти душу только тот спасет,
Кто прежде смерти собственной умрет.⁸

Та голова печально не поникнет,
Что прежде к подзатыльникам привыкнет.

В конце пути смеяться будет тот,
Кто свой припас с собою принесет.

Ведь дом твой пуст — приди и в нем укройся,
Безумствовать довольно — успокойся!

Для сердца в каждом миге есть покой
Отыщется конец беде любой.

Ты родины, что есть у пса, лишен,
Хоть ты владеешь речью, а не он.

Ты человек — таким и оставайся,
А если див — тогда в земле скрывайся.

Див, что в земле живет, ведь он с трудом
Явиться может в облике людском.⁹

Ты с благородным ликом человек —
Что ж с дивами ты дружишь целый век?

Пока еще с тобой мы два-три дня,
Прошу тебя, не покидай меня,

Я твой сородич, ты дружи со мной,
Мое больное сердце успокой.

Сегодня ночью от меня уйдешь ты —
Боюсь, меня уж завтра не найдешь ты.

Быть может тягостны мои слова,
Что делать, воля рока такова.

Пора пришла тебе дела сгнать,
С круговоротом времени поладь.

Ты пей вино, а я окончил путь.
Я погибаю, ты счастливым будь.

Убит я горем. Будь благополучен.
Скорблю я — будь со счастьем неразлучен

Уже на солнце падает мой прах
Уж побледнело солнце, я впотьмах.

О утро, ночь сменяет день, боюсь,
Сыночек мой, я с жизнью расстаюсь.

Душа моя, ты навести отца,
Иль не застанешь ты его конца.

Покамест не расстался ты с отцом,
Смотри, получше утепли свой дом.*

В далекую кочевку уезжаю,
Заранее тебя предупреждаю.

Боюсь я, что в другой раз ты придишь,
А уж меня на месте не найдешь.

К могиле ты прикиннешь головой,
И горек будет плач надгробный твой.

Пусть стон твой будет дымом от огня —
Какая польза в дыме для меня?

Огнем твоим пусть будет мир сожжен —
Но мне лик счастья не осветит он!»

ОТВЕТ МЕДЖНУНА ОТЦУ

Услышав мудрые отца слова,
Меджнун хотел послушаться сперва.

Два дня хотя бы дома посидеть
И, обманув отца, перетерпеть.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть бейтов:

Увидишь, мир и должен покидать,
Приди и на отцовском месте сидь.
Когда мои пожитки уберут,
Пусть мой потомок останется тут.
И в свой последний час я буду знать —
Меня наследник будет заменять.
Но не одобряй друг и недруг мой,
Коль в смертный час не будешь ты со мной.
Чужак какой-нибудь придет и вот —
Все то, что накопил я, заберет.
Потомок мой мне не пойдет послед,
Есть сын родной — а все равно, что нет!

Хотел дать отречения обет —
Любовь восстала и сказала: «Нет!»*

Он молвил: «Ты — бальзам мой и отрада,
Мысль о тебе — за муки все награда.

Твоим советом только я дышу
И в ухе, как твой раб, кольцо ношу.

Твои советы — светоч дней моих,
Как жаль, что я не исполняю их!

Хочу исполнить твой благой совет,
Но как я ни стараюсь, силы нет.

Зачем мне разум — я не лажу с ним!
Дозолен я обычаем своим!

Во мне живет любовь. Где есть она —
Не стоит мир ячменного зерна.

По ветру унеслась судьба моя,
И то, что слышал, уж не помню я.

Унесит память ветра дуновение,
И помнит лишь одно она — забвение.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

В любви бывает пешкою и слон,
Бывает мужественным, кто сражен.
Есть лев лесной — он жертву раздирает,
Есть волающий — которого сжидают.¹
Стрелу любви коль выпускает лук —
Стрелявший не спасет от боли рук.
Меджнун несчастный, выслушав отца,
Печалился и плакал без конца.

Не спрашивай: «Ну, что вчера ты ел?» —
Я слово «пища» позабыть успел.

О дне сегодняшнем спроси меня:
«Что делаешь?» — и то, не знаю я.

Пусть ты отец, я — сын. Напрасный труд!
Не помню даже, как тебя зовут.

Теперь не только я забыл отца —
И память потерял я до конца.

Не знаю я, как и зовут меня,
Влюбленный иль возлюбленная я.

Мне молния метнула в сердце жар.
И бытие мне этот сжег пожар.

Одна трава — вот пища вся моя,
И ею сыт, всегда доволен я.

Я думаю на мельнице судеб
Уже иссякли и вода, и хлеб.

Я заблудился в дикости своей,
Не может дикий жить среди людей

Кто со зверями жить всегда привык,
Обычаи заимствует у них.

Как дыню, что поела мошкара,
Меня, разрезав, выбросить пора.

Не то зараза от меня пойдет
Что может поразить весь огород.

От оспы чтоб спасти детей своих,
Держите их подальше от больных!

Мой разум болен, он бредет во мгле —
Зачем мне нужно место на земле?

С зеленых нив ты землю не снимай —
Земли дорожной много, через край.²

Считай, что в книге буквы нет одной,
Лишь семечка посев лишился твой!

Могилу вырой, руки возложи, —
«Один влюбленный умер!» — так скажи!

Свои описки не исправит тот,
Кто свой калам изломанным найдет.³

Ты говорил, что ты собрался в путь —
Я собираюсь тоже, не забудь.

И у меня уж осень началась,
Как ты — не знаю, вот мой смертный час.

Живые будут плакать над тобой.
А мне как быть? Я мертвый, не живой».

ОТЕЦ ПРОЩАЕТСЯ С МЕДЖНУНОМ

Увидев, что ему не излечиться,
И век ему в тюрьме любви томиться,

Отец решил: сын не воспримет вновь,
Не развязать болезни той узлов.

Сказал он: «Радость сердца, бед клеймо,
Ты мой венец и ты мое ярмо.

Я понял: у тебя надежды нет,
И вот с тобой прощаюсь я, мой свет *

Отец уходит твой, мой сын, рыдай
Его достойно плачем провожай!

Хочу, чтоб шею ты мою обвил,
Водою слез лицо мне оросил.

Свершу я омовенье той водой,
И сладок будет сон последний мой.

В последний миг перед отъездом, минтся,
Глаза мне жжет для ослепленья сплца.¹

Ты обними меня в последний раз —
То в долгий путь мне путевой запас.

Отсюда взял пожитки я с собой,
И скоро в мир я попаду другой.

Но хоть и уйду навек я вдали,
Все ж по тебе гнетет меня печаль.

Хоть ты глаз моих родней и ближе —
Прощай, тебя я больше не увижу!

Прощай, поклажа вся со мной моя,
Готова к отправлению ладья!

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейга:

Покуда жизнь есть в теле омертвелом,
С душой своей прощаюсь я и телом.
Я буду плакать, по тебе скорбя, —
Ведь жить не захочу я без тебя!

Прощай, меня уж больше не вернуть,
Ко Дню Суда — туда ведет мой путь.

Прощай! Уже исчезло «я» мое,
Мой караван ушел в небытие.

Прощай, готов в кочевку я итти,
И мне уж нет обратного пути!»

Закончивши завет прощальный свой,
Сказав «Прощай!» — вернулся он домой.

Вернулся он, печален, удручен,
С душою был почти он разлучен.

Два дня еще, больной и одинокий,
Он прожил в этой горести жестокой.

Но смерть неумолимая пришла
И завершила все его дела.

Из клетки птица вырвалась земной,
И в чистом лоне обрела покой.

Душа его на небо полетела,
И предала земле земное тело.

В обители земной блажен лишь тот,
Кто, как луна, без устали идет.²

Придет, уйдет он из земного края,
Как молния, родясь и умирая.

Не отдыхай в обители сей брэнной,
Иль мучаться ты будешь, несомненно.

Кто передышки ищет в том селенье,
Тот не найдет душе отдохновения.

Скорей тюрьма на части разлетится,
Чем даст тебе на миг освободиться.

Наш мир — в обличье ангела злой дух,
Он хочет погубить тебя, мой друг.

Лишь печень он хранит в своем фиале —
И вырвали ее не у тебя ли?^{3*}

Растет не кипарис здесь, а тоска,
Шипы взошли здесь средь солончака.

Доколе делать, что велит тщета
И бегать под ударами хлыста?

Живи в веселье, мир — он здесь, мой свет,
Печалиться о мире смысла нет.^{**}

Не умником зовется, а змеей,
Кто, клад храня, питается землей.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

С кем в этом мире ты б ни стал сидеть —
Тебе не вечно на него глядеть.
Ведь здесь обитель дивов, а не рай,
Здесь — путь потока, поскорей вставай.
Ты хочешь фиников — так будь готов
Царапины принять ты от шипов.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Коль на базар умелый вор придет —
Он где-нибудь жемчужину найдет.

Ты роза; сладко есть — судьба твоя,
Не ешь ты землю, ты ведь не змея.

Цель — это жизнь; и в ней самой улада,
Не будет жизни — ничего не надо.

То серебро, что нам всего нужней,
Ломают якоря у кораблей.

Брать и копить в своем ларе не надо,
Брать и дарить, как жернов, — вот отрада!¹

Ты брал — отдай, а как еще иначе?
Ведь мир стоит на том, чтоб брать с отдачей!

А груза нет — нет пошлин. Как тут быть!
Развалинам хараджа не платить!^{5*}

Из тех, кто гнал коней с тобою, друг,
Кто здесь остался — оглянись вокруг!

Все Каи, веры все столпы ушли,⁶
Их слуги стали господа земли.

Сравни: кто эти люди — те, кто были,
И те, кто ныне Каев заместили?

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

Коль хочешь — ты веретено теши,
Или стрелу, коль надо для души,
По улицам ты не ходи беспечно,
И к бою, к битве ты готов будь вечно.
Без дела не сиди, старайся сам
Рукам найти занятие и ногам.
Зачем спина осла, коль груза нет?
Бездельника ждут сотни тысяч бед.

Чтоб с теми шахами достигнуть сходства,
Иди всегда стезею благородства.

Твори добро, дурного избегай,
Дурного участь ждет дурная, знай.

Творящий зло тебе — он не тебе,
А непременно зло творит себе.

Твори добро, в колодезь брось — опять
Его лицо ты сможешь увидеть!

Есть отзвук свой у злых и добрых дел —
Под купол мира эхом он взлетел!

Горе доверишь тайну — все равно
Назавтра будет все разглашено.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще десять бейтов.

Кто мудр, пусть очи к небу возведет,
И оглядит высокий небосвод.
Баалиста, камнемет и колесница
На небе разве могут поместиться?
Ведь небосвод так от земли далек,
Что не дойдет к нему земной упрек.
Н туго не гляди на мастерскую —
Мирьяды в нее падали такую!
И неужель считаешь ты упрямю,
Что для игры дана нам эта яма?
Пока тебя не попытают, то ловко
Все будут без конца кидать перекую!
Не скатерть здесь разостлана, увы,
А коврик кожаный для головы?
Где б мы ни видели красивый дом,
Вокруг всегда развалины найдем.
А у развалин есть иное свойство —
Они хранят следы благоустройства.
Устроено ль разрушено ль селенье —
Увы, оно не вечно, к сожаленью.

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О КОНЧИНЕ ОТЦА

Охотник некий в предвечерний час
Поехал на охоту как-то раз.

Сидел тогда Меджнун на выси горной,
В венце царя жемчужиной отборной.

Охотник встретившись с подобным львом,
Его колоть стал языка мечом.

Сказал: «О ты, забывший всех родных,
Знать не желающий друзей своих!

Ты не желаешь заглянуть вперед,
Кроме Лейли нет у тебя забот!

Забыта мать тобой, отец забыт,
Бесстыжий, вовсе потерявший стыд!

Такому сыну место под землей,
Тогда позор не виден был бы твой!

Пускай ты удалился от отца
При жизни — что еще ждать от глупца?

Но твой отец скончался — и, поверь,
Обязан вспомнить ты его теперь,

Пойти его могилу посетить,
И о благословенье попросить.

К могиле припади, отца любя,
Проси: пусть дух его простит тебя!»

Сразил Меджнуна ложный тот напев,
Как чанг, согнулся он, похолодев.¹

Упал он наземь с горькими слезами,
По голове себя бил кулаками.

Он поспешил, терзаясь без конца,
К могиле свежей своего отца.

Увидевши надгробную плиту,
Он ощутил тоску и пустоту...

Упал он на могилу, чувств лишен,
Ее с любовью страстной обнял он.

С печалью безграничною в глазах,
Слезами увлажнил он дольный прах

Он прах могилы нежно обнимал,
И голову он прахом посыпал.

Ночь на пороге встретил узник дней,
Жар ощутил страдалец злых ночей.

Ведь он страдал и мучился все время,
Неся с начала жизни горя бремя.

И если страхом человек пленен —
Что будет, как осиротеет он?

Страдал он, видя, что от горьких бед,
Сиротства, рабства — избавленья нет.

Лежал он долго у могилы той,
Ждал, вновь его приветит друг былой.

Хоть не явился давний друг опять,
О нем не перестал он горевать.

И столько слез он пролил от любви,
Что вся земля кругом была в крови.

«Отец, отец! — так плакал он. — Увы!
Ты сыну не покажешь головы!

Где мне искать тебя, скажи, молю,
С кем по тебе я горе разделю?

Разумным ты считал меня лишиться
И вот — решил под землю удалиться

Не знал я, как живется без отца,
И понял — то мученье без конца.

Как страшно, что я без тебя живу,
Помочь — лишь память о тебе зову.

Ты был мой друг, моих источник сил,
Мой покровитель, мой защитник был!

Наставником ты тариката был,²
Учителем ты хакиката был!³

Я без тебя — не призрак ли пустой?
О, как печально, что ты не со мной!

Ты не брани, хотя ушел я вдаль —
Об этом же ведь и моя печаль!

Я тяжело рыдаю каждый миг,
О наставленьях вспомниши твоих!

Меня на поводу ты к счастью вел,
А я, противясь, за тобой не шел.

Был золотым кольцом в моих ушах,
А я же был — кольцом на воротах.⁴

Со мной был мягок ты, а я грубил,
Холодным я, а ты горячим был.

Из-за меня ты тяжело страдал,
Я ж в это время по миру блуждал.*

Ты очищал мою постель от пыли,
А я ушел — глаза про сон забыли!

Хоть для меня устраивал ты пир,
Я все лежал на камне, наг и сир.

Молился ты. Я слушать не хотел.
Я дерево сажал, но плод не ел.

Твою любовь ко мне припомню я —
Готова улететь душа моя.

Я слезы лью, чтобы ослеп мой взор,
Чтоб мне не видеть больше мой позор.

Как больно мне за то, что делал я,
Безмерна, бесконечна боль моя!

Страдал ты столько по моей вине,
Коль не простишь меня, то горе мне!

Обидою не заграждай мне путь,
К вине моей, отец мой, мягким будь.

Отцу, ты, что зажег мою звезду,
В прощенье лишь лекарство я найду.

Коль не простишь раба ты своего,
Боюсь, что взыщет сам господь с него.

Ты сердцем звал меня, родимый мой,
Теперь то сердце ты разишь стрелой.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Угодных слов тебе я не сказал,
С тобой в ночи рядом я не спал.

Коль сердце я твоё, будь добр ко мне,
Не жарь, как супостата, на огне.

Свое ты сердце здесь в крови нашёл —
Зачем же в сердце ты земли ушёл?

Ты сердце мне на части просто рвешь,
Ты сердцем бедняка — меня зовешь!

Твое страдало сердце за меня,
Мое же — стало жертвою огня.

Поступков много у меня плохих,
Но жертвой стал и я грехов своих.

Твоих я не послушал назиданий,
За это много претерпел страданий.

Так он стонал... Кто мог ему помочь?
И день сменял на черную он ночь.

Пока не взвился черный флаг над ней,
Слезами бил он в барабан камней.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть бейтов:

Ночь, как ракушка с черною спиной,
Боролась долго с Рыбой и Луной.⁸
Ракушку рыба стала притеснять,
Та стала жемчуг изо рта метать.
Рассыпал жемчуг на фарсанг вокруг
Меджнун из глаз-ракушек, полон мук.
Ночь у могилы просидел отца,
Читал касиды, жгущие сердца.
Казалось, будто он домой пришел,
Хозяина на месте не нашел.
Лицом он терся о печальный прах,
И было все лицо его в слезах.

Глашатай утра клнч издал. Заря
Подняла стяг свой из-за гор, горя.

И утра эликсир сверкнул в горах
И сразу сделал золотым весь прах.

И с праха встал Меджнун, тот прах ходячий,
Побрел он к Неджду, грустный и скорбящий.

Он исходил в рыданиях, не таясь,
Из глаз река кровавых слез лилась.

Дышал он горем сотни злоключений,
Жил — с тысячами тягостных мучений.

Он жил, о светоче души мечтая
И день на ночь, а ночь на день меняя.

МЕДЖНУН ДРУЖИТ СО ЗВЕРЯМИ

Творец искуснейших повествований
Рассказывает так в своем дастане:

Тот, для кого была ковром пустыня,
Гора — подушкой, тот рейхан на глине.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Иль крышка персохшего колодца,
Иль крепости разрушенной воротца,
Чей стан согнулся, словно буква «нун»,¹
Тот бедный неудачник, тот Меджнун.

Оплакав горько своего отца,
Вновь стал бродить пустыней без конца.

Однажды из пустыни пелюдимой
Пришел он прямо в край своей любимой.

Остановился он перед листком —
«Лейли — Меджнун» начертано на нем.

С листа стер имя друга его ноготь,
Свое же имя тут не стал он трогать.

Спросили: почему из двух имен
Одно лишь имя здесь оставил он?

Ответил он: «Зачем два написанья?
И одного нам хватит начертанья!»

Коль имя мы влюбленного прочтем,
Возлюбленную обнаружим в нем!»

Спросили: «Что ж нет имени ее,
Осталось лишь прозвание твое?»

Ответил он: «Да я того не стою,
Чтоб мне ядром быть, ей же — скорлупою.

Пусть лучше я забралом послужу,
Как скорлупою друга окружу!»

И он ушел подальше от людей,
Как Рабия, бродил он без путей.²

Насибы о любви своей читал он,³
Для исцеленья лекаря искал он.

Порвал все цепи он, отбросил их,
Знать не хотел обычаев людских.

Привык к растениям он и к их корням,
И ел он их, подобно всем зверям.

Зверей он не боялся никаких
И был всегда спокоен среди них.

Лев был слуга его, олень был страж,
Рога их и клыки — копье «дурбаш»!⁴

Все звери, что в пустыне той водились,
Всегда к его услугам торопились.

Из львов, лисиц, оленей и волков
Он выстроил могучих сто полков.

Как Сулейман, он меж зверями был,⁵
И каждый, как царю, ему служил.

Гриф сторожил его, под багдахином
Он отдыхал — нет, под крылом орлиным.

Был зверь звериной сущности лишен —
Так прочно утвердил Меджун свой трон.

Волк не творил насилья над овцой,
Лев дал онагру отдых и покой.

Где пес гулял, с ним рядом шел зайчонок,
Пил молоко у лавины газеленок.

Он по пустыне шел, едва дыша,
За ним и рядом — звери, не спеша.

Пред тем, как он решал забыться сном,
Лиса сметала с лозы пыль хвостом.

Газель в минуту остановки краткой
Меджуну терла спину шерстью гладкой.

О спину он онагра опирался,
А головой к оленю прислонялся.

За ним коленопреклоненный лев
Стоял, как стражник, к нему меч вздевал.

Неся его охрану, хищный волк
С разведкою в передовой шел полк.

Свиренный тигр был в дикости рожден,
Но от свирепости отрекся он.

Все эти звери в два нана в три ряда
Стояли стражей вокруг него всегда.

Прикрывши фланги, он сидел, как шах,
Среди зверей, внушая людям страх.

И люди все боялись с ним общаться,
Боясь со свитой дикой повстречаться.

Коль видеть не желал Меджун кого,
То разрывали хищники его.

Но коль к нему являлся званый гость,
То звери разом умеряли злость.

И без его приказа никому
И подойти нельзя было к нему.

Пустыней дикой со своим отрядом
Он шел, подобно пастуху со стадом.

Дружил он со зверями, будто зверь,
Ведь от зверей спасет нас зверь, поверь.*

Все люди были полны удивленья,
Взвирая на зверей сопровожденье.

Умерить любопытства не могли
Зеваки, что со всех концов текли.

И странники из дальних стран бывали,
Меджиуна со зверями наблюдали.

И пищу приносили, в той надежде,
Что разговееется Меджиун, как прежде.

Меджиун, сидевший в окруженьи львов,
Страшннвший грозным войском храбрецов,

Кусочек съест из подношений сам,
А остальное все отдаст зверям.

Так в бесконечной доброте своей
Весной и летом он кормил зверей.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Среди газелей — это знал Меджиун,
Был газеленок, молодой шалуун.
Ты б не нашел другого веселее,
Он с гладким крупом был и с гордой шеей.
Меджиун среди газелей ни к кому
Привязан не был так же, как к нему.
Он постоянно брал его с собой
И нежно гладил голову рукой.
В глаза его он целовал, лаская,
Глаза своей любимой вспоминая.

И звери преклонялись перед ним,
Кормильцем, покровителем своим.

Себе чтоб заработать пропитанье,
И звери прилагали все старанье.

Людей благоденные покоряет,
В рабов оно свободных превращает.

Огнепокаслник гладит пса — и тот,
Как кошка, ластится и спину гнет.

РАССКАЗ

Мне сказывали притчу как-то встарь:
Жил в Мерве вешеносный государь.

И стаю псов держал он на цепях —
Как дивы злы, они внушали страх.

Был кабана сильнее из них любой —
Щелк! — и верблюду голову долой.

Шах только разозлился на кого —
И мигом к кровожадным псам его.

И кто был шаха милости лишен —
Немедленно был пожираем он.

Был благородный муж, добра искатель.
И доблестей великих обладатель.

Боялся он: непостоянный шах
И с ним порвет когда-нибудь в сердцах.

Его газелий стан отдаст он псам,
И пищу даст он хищным их клыкам.

И, глядя в завтра, в страхе перед псами,
Решил знакомство он свести с псарями.

И каждый день он приходил к ним мирно,
И потчевал тех псов овцою жирной.

Ласкал он их, к ним подходил он смело
И легким сделал трудное он дело —

Собаки, от руки его питаюсь,
Ему бросались под ноги, ласкаясь.

Свирепый взгляд однажды бросил шах
На юношу, смиренного, как прах.

Призвал собакосердых он людей,
Чтоб псам его отдали поскорей.

Те проявили прав собачий свой,
Как пса схватили, повели с собой.

Собакам бросили его, связав,
И стали наблюдать, поодаль став.

А те собаки, каждая со льва,
Свирепо бросились к нему сперва.

Но, своего кормильца в нем узнав,
Запрыгали, хвостами завывая.

Вокруг него спокойно улеглись
И в тесный круг они переплелись.

Как няньки, берегли они его...
И сутки протекли спустя того.

Но вот от света яркого луча
Зарделась золотом черная парча.

Раскаялся в своем поступке шах
И приближенным так сказал в слезах:

Себя от ярости не помню сам,
Вчера я отдал газеленка псам.

Взгляните же, что сделали с ним псы
И что осталось от его красы!»

И главный псарь, узнав о тех словах,
К нему явился и сказал: «О шах!

Не человек, а ангел, видно, он,
И господом для чуда сотворен.

Прошу тебя я бросить взгляд сегодня
На дивное творение господне!

Сидит теперь спокойно он меж псов
И не боится страшных их клыков.

Собаки те, свирепей злого змея,
Сидят, к нему притронуться не смея».

Шах приказал поспешно, чтоб пошли,
Потерянного друга привели.

Пошли за ним служители, и он
Был сразу же к владыке приведен.

Шах поразился, как от кровожадных
Собак он спасся, злых и беспощадных.

Поднявшись со слезами на глазах,
Просить прощенья стал, рыдая, шах.

«Но в чем причина? — так он речь повел, —
Как от порога смерти ты ушел?»

Тот моавил: «Прежде, чем в беду попасть,
Не раз собак кормил я мясом всласть.

Они, вкусившие моих даров,
Не обнажили на меня клыков.

Рабом твоим я десять лет был кряду,
И вот — за это получил награду.

Меня со злости псам ты бросил вмиг —
И что же? — Псы не жрут друзей своих.

Собака стала другом, ты — врагом,
С уставом верности ты незнаком.

Собака примирится и за кость,
А подлецу дашь жизнь — в нем та же злость!»

Когда очнулся шах от удивленья,
Он понял: в человечности спасенье.

Сон опьянения стер он с глаз своих,
С еобакami расстался в тот же миг.

В чем этой притчи смысл, понять епеши:
Благодеянье — крепость для души!

Меджнун поживу хищникам давал
И тем себе он крепость создавал.

И звери с благодарностью неложной,
Ему служили крепостью надежной.

Вставал ли он, садился ль — всюду он,
Как свитой, был зверями окружен.

Ты подражай ему, чтоб не пришлось
Глотать тебе в беде кровавых слез.

Пусть сам халиф с тобой и ест и пьет,
Но он твой раб, коль ест за твой он счет.

МЕДЖНУН МОЛИТСЯ ЧЕРТОГУ ВСЕВЫШНЕГО

Как будто день, был ярок ночи лик,
Был небосвод, как голубой цветник.

На перевязи золотой вокруг
Светился золотом небесный круг.

По небосводу звезды, полны счастья,
Плясали и сверкали их запястья,

И диву-метеору угрожали:
«Один Аллах могуч!» — ему кричали.¹

Ночь мускус изливала из пупка,
Алмаз луны светился свысока.

И колесо, имевшее шесть спиц,
Мир залило сияньем без границ.²

Преображался ясный небосвод,
Явившись в новом зареве красот.

Кружились вокруг небесного венца
Ночные звезды роем, без конца.

Созвездия на колесницах мчались,
И в крепость Полюса попасть старались.³

Фархад в разведку гнал вперед коня,⁴
Пристала к берегу Реки Ладья.⁵

Плеяды стяг свой желто-голубой
Из шелка развернули над собой.

По шелку провела кайму луна,
Узор пришила к золоту из льна.

Как будто шах напруг свой крепкий лук
И шарик на луну закинул вдруг.

Своей стрелой добычу он разит —
С такой стрелою схож был Утарид.⁶

Зухра — насечка шахова седла —⁷
Была, как очи шаха, весела.

А солнце, словно шаха меч, скрывалось
По вечерам, а утром обнажалось.

Маррих — горячий, пылкий — был готов⁸
По знаку шаха ослепить врагов.

Бурджис носил в кольце его печать —⁹
Ведь шаху миром всем повелевать.

Кейван повесил на ремне брусok,¹⁰
Чтоб лучше меч царя точить он мог.

Пусть этот бесконечный оком
Не расстанется никогда с царем!

Как ты прославлен будешь меж людьми,
Служа тому владыке, Низами!

От множества созвездий, от Луны
Все были небеса сотрясены.

А Овна отражение смеялось,
На небе полумесяцем казалось.¹¹

Телец небес, тельцу морскому брат,
Держал во рту жемчужину Плеяд.¹²

Связав двойного пояса концы,
На трон двойной воссели Близнецы.

Девницею в льняной рубашке Хука
Сидела с Хуной рядом, как подруга.¹³

Рак, крепко схваченный Зирры когтями,¹⁴
Едва мог двигать хищными клешнями.

Здесь Нусра жемчуг сыпала — нисар,
А Турфа золото бросала в дар.¹⁵

А там лучами своего чела
На небе Джабха сто свечей зажгла.¹⁶

Казалось Сердце Льва на небе Львом,
Уд, как алоэ, полыхал огнем.¹⁷

Была щедра Сунбула — но она
Без Сурфы не потратила зерна.¹⁸

Гафр три лепешки в чашу положил —
И тем бедняк-Сирот обогатил!¹⁹

Весы, затеяв мудрый разговор,
Вступили с Языком в великий спор.²⁰

Пса отогнав от Рыб, дал Волопас
Ему на Льва наброситься приказ.²¹

Венок венец в подарок Сердцу дал,
А Лук со Скорпиона подать взял.²²

Правитель, с Благом партию играя,
У них взял Ввоз и Вывоз, не считая.²³

А Козерог снял голову тотчас,
О козьей голове услышав сказ.²⁴

Забих от ужаса замкнул уста,
Досталась Саду Ахбии уда.²⁵

Обжора голод утолить стремился —
Воздевши руки, он с утра молился.²⁶

Из-за упреков Солнца Водолей
Замкнул уста и смолкнул — хоть убей!

Под ним горят два слова, как пожар,
Тот — Мукаддам, а этот — Муаххар.²⁷

Альриша, всех Верблюдиц взяв своих,
На Паланкин воссела среди них.²⁸

Созвездия верхом — и вверх, и вниз
Большой Дорогою планет неслись.²⁹

Небесный Треугольник у дороги
Безжалостно связал у Овна ноги.³⁰

Вознесся выше всех врагов Айук³¹
Благодаря могучей силе рук.

Созвездие Треноги — вид чудесный!
Припасы сыпало в Котел небесный.³²

Из двух Орлов один Летящим стал,
Другой Орел, сложив крыла, стоял.³³

Как будто в Йемене средь плясунов,
Плясала Поэтесса без стихов.³⁴

Мабсута теплилась средь светлой ночи,
А Ворон выклевал Макбузе очи.³⁵

И на ошейник Льва повесил меч
Сайаф, что головы всем сносит с плеч.³⁶

Альфард шел прямо, тих и одинок,
Над Головою Юга, без дорог.³⁷

Престол над подданными взнесся гордо,
Но Третья находилась под Четвертой.³⁸

А Рыбы шли цепочкою жемчужной,
Где Копьеносец был и Бозоружный.

Среди своих товарищей Альгор
Готов был пристыдить и Зорких взор.³⁹

Под утро чуть светился Волчий Хвост—⁴⁰
Юсуф на дне колодца среди звезд.

Хор Плакальщиц среди других светил
Вокруг, подобно циркулю, ходил.

Чтец на Конне скакал вокруг Мертвеца—⁴¹
Как мертвецу остаться без чтеца?

МЕДЖНУН ВЗЫВАЕТ К ЗУХРЕ

Меж тем Меджнун внимательно глядел,
Как небосвод-фигляр свой круг вертел.

Сначала взгляд он свой вперил в Зухру:
«Ты, что возглавила судьбы игру!

Вся ночь освещена твоей властью!
Твоею силой побеждает счастье!

Ты, яркий факел радости гонцов,
Хозяйка гороскопов всех певцов!

В твоих руках ключ от желаний наших,
И от тебя вино искрится в чашах!

И перстня венценосцев камень ты,
И госпожа чертога высоты,

Источник наслажденья без конца,
Благоуханьем радуешь сердца.

Ты милостью своею удостои,
И дверь надежды для меня открой.

Пришли ко мне дыхание любимой—
Лекарство для души, тоской томимой.

МЕДЖНУН ВЗЫВАЕТ К МУШТАРИ

На небосклоне Муштари взошел,
Меджнун с ним речь по-новому повел:

«О Муштари, о добрая звезда,
Ты обещанья выполнял всегда.

Ты преданно служить всегда готов,
Печать завоеванья всех краев!

Ты милости прекрасный дарователь,
Ты победитель и завоеватель.

Порядок в мире на тебе стоит,
Благополучья мирового щит!

Звезда моя зависит от тебя,
Ты сердцу силу можешь дать, любя.

К тебе теперь прибегнуть я спешу,
Коль можешь, я тебя помочь прошу.*

МЕДЖНУН МОЛИТСЯ ЧЕРТОГУ
ГОСПОДНЕМУ

Увидев, что парящие планеты
Уходят, не послав ему ответа,

Меджнун сказал: «То лишь ума виденья,
И в их игре я не найду спасенья».

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Ты от меня несчастья отврати.
Открой передо мной свои пути.
Дай весточку о милой и желанной,
Дай мне один цветок из Гиюлистана.¹

И он решил к тому с мольбой припасть,
Кому принадлежит над сущим власть.

Взмолился: «Устроитель дел моих!
Зачем нужна мне помощь от других?»

Зухра и Муштари — твои рабы,
Властитель в мире ты любой судьбы.

Ты знаешь больше, чем об этом знают,
На милость ты щедрее, чем считают.

Единственный владыка бытия,
Великодушный, праведный судья,

Великим ты величие даешь,
Несчастливым — улучшение дел несешь.

Рабы в колодках мы перед тобой,
Единый бог, великий и благой!

Ты семь небес, великий бог, воздвиг,
Все в мире — только сонм рабов твоих.

Все шесть сторон — невольники твои,
А горы, доли — всякий знает, чьи.

Кто на тебя лишь бросить взгляд решался,
В одно мгновение зренья лишался.

Душою чист, кто служит псом твоим,
Кто не с тобой — да будет худо с ним.

Ты, прах мой чистой сделавший водой,
Брось бедняку взгляд милостивый свой!

Я одинок, меня не оставляй,
От милости своей мне долю дай.

Пусть сделает твоя господня милость,
Чтоб ночь моя рассветом завершилась.

Чтобы судьба мне верность принесла,
Чтоб, наконец, моя звезда взошла!»

Едва мольбу свою закончил он,
Как вдруг им овладел глубокий сон.

И дерево судьбы его во сне
Взнеслось до неба, тая в вышине.

А с веток вниз, к нему слетает птица,
И все к нему, к нему она стремится.

МЕДЖУН ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО ОТ ЛЕЙЛИ

Был день — один из светлых, ярких дней,
Что зажигал глаза у всех людей.

Дул утром ветерок, с дыханьем рая
Масиха дуновение мешая.

Судьба — ее мы просим «Помоги» —
В тот день не с правой встала ли ноги?»

Упреки слышать, видимо, устала,
Хоть поздно, счастье все-таки послала.

Меджун, печали злые испытанный,
Посевший любовь, а муки сжавший,—

Был на горе среди своих друзей,
Средь травоядных, хищных — среди зверей.

Он видит — пыль в пустыне поднялась,
Как туча тутни к нему неслась.

И под покровом пыли приближался
Наездник црастенный. Он быстро мчался.

Не человек — то сгусток света был,
Он подскакал, с коня он соскочил.

Меджнун, увидев — это друг из близких,
И родом из высоких, не из низких,

Дал свите знак, и звери все легли,
Голов не поднимая от земли.

Меджнун учтиво к гостю подошел
И разговор любезный с ним завел:

«О Йемена звезда, кто ты, кто я?
К добру ли твой приезд? В чем цель твоя?

Хотя доверье вид внушает твой,
Но страшен дикарям пустыя любовь.

Боюсь веревки — я ведь змеем видал.
Да змен что! Меня дракон кусал!

Не так давно мне в грудь один болтун
Всадил колючку», — говорил Меджнун. —

«И та колючка словно гвоздь растет
В моей груди, и все назад нейдет.

И если у тебя товар таков,
То лучше уж совсем не тратить слов!»

Услышав речь Меджнуна, путник вмиг,
Как будто тень, к его ногам приник.

«О ты, — он молвил, — славных всех славней,
Ты, кто опутал ноги у зверей!

К тебе газель привязана, и лев
К твоим ногам ложится, присмирив.

Привез я весть особую с собой,
Весть другу от подруги дорогой.

Слова привез я — слушать приготовься —
Подобных им и не слышал ты вовсе.

Позволишь мне сказать — я их скажу,
А нет — тогда обратно поспешу.

Меджнун надеждой был одушевлен:
«Скажи мне то, что знаешь!» — молвил он.

И вестник так сказал ему: «Смирней,
Как видно, стал скакун судьбы твоей!

Вчера на перепутье, в час благой,
Я встретился с красавицей-луной.

Нет, солнцем, не луной, она сияла,
Парчовое горело покрывало.

Подобно кипарису, благородна,
Но, от него в отличие, не бесплодна.

Чтоб сладость ее речи услышать,
Живой родник переставал журчать.

Ее газелий взор в единый миг
И львов могучих усмирять привык.

Ее подобны кудри букве «джим»,
Стан, как «алиф», а рот ее — как «мим».²

Итак, по буквам «джам», тот был кумир,³
Иль «чаша, отражающая мир».

Глаза ее — как два нарцисса томных,
Растущих возле родников укромных.

А брови у нее — как дивный свод,
В них чет иль нечет — кто это поймет?⁴

Она сердца волшебством похищает,
Дыханье, как рейхан, благоухает.

Она посмотрит — ты уже ослаб,
Она дохнет — и ты ее стал раб.

Но так случилось, что от бед любви
Теперь живет недуг в ее крови.

Стрела ее согнулась, словно лук,
А оникс сделал жемчугом недуг.

И, как тростник, бамбуковый стал стан,
Левкоем стал багряный аргаван.

Ее левкой не желтый — золотой,
Как сахарный тростник, стал стан прямой.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Ведь град камней баллистою небесной
Был брошен прямо в этот стан чудесный.
Аяз спободен, вместе с ним сулан,⁵
Пьяна вся стража, и начальник пьян.
Уже и Хызар² испил воды живой,
А Искандер все спит, окутан тьмой.

Мечтает о любимом лишь она,
Но с мужем жить она обречена.

Ланиты красила в багряный цвет,
На солнце проливала лунный свет.⁶

Так глубока была ее печаль,
Что мне ее сердечно стало жаль.

Спросил я: «Кто ты? Плачешь отчего?
Скажи, рыдаешь ты из-за кого?»

Мне улыбнулась горестно она:
«О ты, кем скорбь души разожжена!

Была Лейли я, но пора настала —
Меджнуном больше, чем Меджнун, я стала.

Безумней я в сто раз и даже боле,
Чем тот безумец с горькой черной долей.

Хотя, как я, страдает он безвинно,
Но все же он не женщина—мужчина.

В любви ему и легче оттого,
Что он ведь не боится никого.

Таких не знает он, как я, невзгод,
Куда захочет он, туда идет.

А я одна живу в беде суровой,
О горе не с кем вымолвить мне слово.

Как я ловушек страшных избегу?
Я имя запятнать свое могу!

Пусть я бальзам, во рту моем скрыт яд,
Внутри — сухой травой скрытый — ад.

Я мучаюсь, скитальца, вспоминая,
А дома стражами окружена я.

Меж этими я силами и рвусь,
К тому ж еще сама с собой борюсь.

Нет сил на мужа своего восстать,
Нет мужества, чтоб от отца бежать.

Ведит любовь: «Беги, как куропатка,
Ведь с вороном и коршуном несладко!»

Потом «Сиди!» — велят мне честь и стыд,
«Ведь сокол куропатку победит!»

Пусть даже женщина побьет бойцов —
Но женщина она в конце концов.

Пусть женщина отважна и сильна,
Подобно льву, — но женщина она.

Раз той беды сломить не в силах я,
Носить ее с собой — судьба моя.

Но сердце обольется сразу кровью,
Как только вспомню, что с моей любовью.

Он чьи листы читает без меня?
Как без меня живет день ото дня?

Какой дорогой ныне он идет?
К какому ханагаху путь ведет?

Какоп его знакомых, близких круг?
С кем он бывает? Кто родной и друг?

Коль что-нибудь ты ведаешь о нем,
Скорее извести меня о том!»

Услышав от нее такую речь,
Ее мольбой не смел я пренебречь.

Как под печаткой воск, так образ твой
Раскрыл я пред красавицей-луной.

Сказал я: «Самого себя дичась,
Безумный тот порвал с друзьями связь.

Лишь воздух у него теперь в руках,
Слени, серны у него в друзьях.

Любовь его терзала без конца,
И вовсе доконала смерть отца.

Его колючки жалят каждый день,
Несчастия преследуют, как тень.

То говорит он про свою любовь —
Из глаз его тогда сочится кровь.

Отца кончину упомянет он —
Из камня даже он исторгнет стон».

Два-три стиха твоих касыд чудесных,
Что говорят о бедах, мне известных,

Я перед этой прочитал луной,
Она рыдала долго предо мной.

Поникла головой, утомлена.
Не умерла ль — подумал я — она?

Но, голову подняв, она опять
Печально стала плакать и стонать.

Рыдая безотрадно, без конца,
Все поминала твоего отца.

И горевала, что в беде такой
Ты одинок, нет никого с тобой.

И, порывавши вволю, на прощанье,
Взяла с меня такое обещанье:

«Муж чистый! Я привыкла с горем знаться,
Упала я, мне помоги подняться!

В тот день, когда назначишь ты отъезд
На родину к себе из этих мест,

Пройдись там, где шатер раскинут мой
(И показала на него рукой), —

Письмо я другу написать хочу,
Тогда же я тебе его вручу.

Увидеться мне с другом обещай,
Ему мое письмо тайком отдай».

Сказала, и расстались мы на том,
И я отправился своим путем.

Слова ее запомнив, я вчера
Остановился у ее шатра.

Она пришла в рубашке голубой⁸
И принесла тайком письмо с собой.

На нем ты видишь горестей печать,
И должен смысла печати отвечать».

Письмо он вынул и поцеловал,
Потом его Меджнуну в руки дал.*

Меджнун, увидевши, что пишет друг,
От радости все разорвал вокруг.

Как циркуль некий, пополам сложился
И долго так он в радости кружился.

Затем с письмом в руках свалился он,
Совсем без чувств, как будто опьянен.

Когда ж к нему сознание возвратилось,
В душе терпенье снова укрепилося.

СОДЕРЖАНИЕ ПИСЬМА ЛЕЙЛИ МЕДЖНУНУ

Открыв письмо, увидел он — сначала
В нем имя бога высшего звучало.¹

«Во имя я зиждителя начну
И знания покровителя начну!

Пред кем мудрец из мудрецов поник,
Кто безъязычных ведает язык!

Он белого и черного создатель,
Для птиц и рыб всей пищи он податель,

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Меджнун письмо взял в руки и скорей
Помчался вдаль, проливши слез ручей,
Потом письмо он рядом положил
И радостно глаза свои открыл.

Он звездами все небо освещает,
А землю всю — людьми он украшает.

Величием и славой он извечен,
Нетленностью своей он бесконечен,

Великий бог, он души сотворил,
Одушевленным — мир он подарил!

Душе дав разум, талисман от бед,
Он разума с душой дал миру свет».

Рассыпав клад подобных жемчугов,
Она заговорила про любовь:

Вот вышит на шелку листок печальный
Тоскующему от многострадальной,

От той, что в крепости заключена,
Тому, кем клетка мук сокрушена.

О друг прекрасный, честный, как живешь,
Мессия мой небесный, как живешь?

Хранитель тайны дружества святой,
Любовь людей освящена тобой!

Окрасил гору кровью ты своей,
Ты скрылся, как агат среди камней!

Живой источник Хызра ты в ночи,
Иль мотылек ты утренней свечи!

Мир полон пересудов о тебе лишь,
А ты с онаграми изгнанье делишь.

Из-за меня ты терпишь униженья,
С тобой я встречусь лишь в день воскресенья!

Ты тела не жалеешь своего,
А жизни урожай — ты сжег его!

Свое ты сердце верности вручал,
И сам же притчей во языцех стал.

Тебе всегда в любви была я верной,
Ты верностью прославлен беспримерной.

Как ты живешь средь муки и тшеты?
С тобою я. Кого же любишь ты?

Как счастье, я с тобой разлучена,
Тебе я пара, но всегда одна.

Хотя меня супруг и запер мой,
Со мной он не был ночи ни одной.

Жемчужины моей ничей алмаз
Не трогал, хоть и вся я извелась.

Печать лежит на кладе жемчугов,
Как на бутонах молодых цветков.

Пусть полон муж достоинствами мужа,
Но я — я без тебя, а он к чему же?

Чеснок — взгляни — на лилию похож,
Но не рейхан он, в руки не возьмешь.

Огурчик, если перезреет он,
Вполне похож по виду на цитрон.

На вкус он кисел, так же желт на взгляд,
Но где, скажи, цитрона аромат?

В одном гнезде с тобой — желала б я —
Чтоб вечно протекала жизнь моя.

Когда с тобою розно мы живем,
То здесь моя вина, скажи мне, в чем?

Кто счастья не желает твоего —
Пускай злой рок замучает его!*

Мне целый мир — один твой волосок,
И роз цветник — мне шип с твоих дорог!

О ты, подобный Хызру чистотой,
Будь для меня, молю, живой водой!

Луна я, солнце ты; твой свет люблю,
Издалека гляжу я на тебя.

За то, что я к тебе не прихожу,
Я извиненья даже не прошу.

Узнав о твоего отца судьбе,
Я саван разорвала на себе.

Себя руками била по лицу,
Как по родному плакала отцу.

В глаза, как роза, я шипы вонзила,
И, как фиалка, в голубом ходила.

Все траура условия с тобой
Я соблюла, как друг и близкий твой

Тебя лишь посетить я не посмела,
Все остальное выполнить сумела.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Тех, кто в испуге от тебя бегут,
Пусть на осле к могиле привезут!
А ранить кто решит исподтишка —
Отсохнет раньше у него рука!

Телесно от тебя отдалена,
С тобой душой я не разлучена.

Я знаю хорошо твои мученья,
Но что осталось нам? Одно терпенье

Здесь, на стоянке, мы два дня с тобой,
И нужно ладить кое-как с судьбой.*

Зажмурит умный пусть свои глаза,
Чтоб не видна врагу была слеза.

Пусть не помянет о беде мудрец,
Чтоб вчуже не злорадствовал гядец!

Ты не гляди, что брошено зерно —
Взгляни, как зерна вновь дает оно.**

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Хоть блага здесь и получаешь ты,
Но не спасись тебе от тесноты.
Ты длинноухим, как осел, не будь.
Молчи, про краткость жизни не забудь.
Будь терпелив, не хныкай каждый час,
Копи на завтра путевой запас.
На сердце муку, не роняя, копи,
С тобою что бы ни было, терпи.
Заклеймена такой же пробой я —
Но поступь и теперь тверда моя.

** Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Ты будь доволен тем, как ты живешь,
День, что тобой был прожит, был хорош.
Пусть времени кружится колесо,
А ты своим путем иди — и все.

Шипами пальма вся окружена,
Но завтра будет в финиках она.

В колючках скрытан розовый бутон —
Но свежей розы провозвестник он.

Печален ты — нет у тебя друзей —
Найдешь отраду в дружбе ты моей!

Не плачь, что друга нет средь сотен мук,
Ведь есть господь — он одиноких друг!

Как молния, от горя не сгорай,
В слезах, как туча, ты не утопай!

Отец ушел, но да пребудет сын,
Нет рудника — останется рубин!»

Едва письмо Лейли Меджнун прочел,
Как роза, он, прорвав бутон, расцвел,

Все только: «Боже, боже!» — он твердил,
И долго он в себя не приходил.

Потом пришел в себя, но слез поток,
Все лился — не рыдать Меджнун не мог.

Он не дал вестнику уйти тому
И руки, ноги целовал ему.

«Но у меня пера, бумаги нет, —
Сказал Меджнун. — Как напишу ответ?»

А вестник быстрый, как налоговый сборщик,
Вмиг вытащил ларец, а в нем приборчик.

И если бы он даже был писец,
Вполне бы подошел ему ларец.

И взял Меджнун отточенный калам.
Водя рукой искусно по строкам,*

На ожерелье слов нанизал он
Все горести, какими удручен.

Письмо закончив, он его сложил
И тут же в руки вестнику вручил.

Как ветер, вестник мчался во всю прыть,
Чтоб тот ответ скорей Лейли вручить.

Едва взглянула на письмо Лейли,
Как слезы жемчугами потекли.

ОТВЕТ МЕДЖНУНА НА ПИСЬМО ЛЕЙЛИ

Письмо он начал именем владыки:
«Товарища не знает Царь Великий!

Что явно и что тайно, знает он,
Им жемчуг бытия был сотворен.

Он неба, звезд бессменный повелитель,
Медведиц Малой и Большой властитель!

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейг:
Как жемчуг, сыпала рука, быстра,
Песок в ракушку с кончика пера.

Сердца людей с любовью создал он,
Им в светлый день мрак ночи превращен.

Водою он поит всех тех, кто жаждет,
И помогает он всем тем, кто страдает.

Затем печали горькие свои
Стал излагать исполненный любви:

«Утративший покой, пишу я той,
Кто мне дарит утраченный покой!

Нет, пишет тот, в ком кровь ключами бьет,
Той, что ту кровь так щедро продает,

Иль тот, чей ключ от счастья в камне скрыт,
Той, у кого казна в руках лежит.*

Твоим пребуду прахом навсегда,
А ты — вода, но чья, скажи, вода?

Унижен я, склонился пред тобой,
А ты чей пояс трогаешь рукой?

Сочувствую я горю твоему,
А ты, скажи, сочувствуешь кому?

Твоей попоной я накрыт, а ты¹
Не проявила в сердце доброты.

Твое лицо, мой друг — моя Кааба,
Порог твой для меня — взамен михраба.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

О перилкай, я день и ночь
Тоскую, скорбь не в силах превозмочь!

Ты как бальзам, жемчужина в вине.
Иль в хрустале вино — казалось мне.

О ты, венец — не на висках моих,
О ты, добыча — только рук чужих!

Сокровище — досталась ты врагам,
Одна змея осталась лишь друзьям!

Ты недоступна, как Ирема сад,
Как рай небес, тебя не видит взгляд.

Ты ключ от тягостных моих цепей,
Бальзам для страсти горестной моей.

Меня, как ветвь алоэ, не ломай,
Секиру обломашь — так и знай.

Я только прах, и ты меня не бей,
Окутан пылью я, меня согрей.

Коль приласкаешь, принесу весну,
А ранишь — от меня жди пыль одну.

Из праха нежность розу породит,
А грубость только пыль одну взрастит.²

К твоим ногам я голову бросаю,
А ты не будь жестокой, умоляю.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

На бунт меня ты не толкай, прошу.
Не дай разлить ту воду, что ношу.
Собаке ты оружие волка дай,
И станет львом она спесивым, знай.
Коль нищему большую дашь казну,
Он совершит ошибку не одну.

Когда б из мира вдруг исчезла жалость,
Стыда б и у стыдливых не осталось

Жестокой будешь со своим рабом —
Не сделается ль он твоим врагом?

Я с ношей рабства тяжкою хожу —
Хочу я доброй видеть госпожу!

Перед тобой бросаю наземь щит —
Но в меч меня жестокость превратит!

Свое оружие ты не разбивай,
Камней в свое же войско не бросай!

Когда себя жестоко ты побьешь,
То этим рану другу нанесешь!

Ты делай так, чтоб мягкостью своей
В рабов — свободных превратить людей.

Беда, коль раб, что за дирхем достался,
С твоих же глаз украсть сурьму старался.

Тот господин, что ласки не имеет,
Своими же рабами не владеет.

А у кого искусство это есть —
Без купли их сумеет приобрести.

Раз я твой раб, ты сохраняй меня,
И я прошу, не продавай меня.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть бейтов:
Не воспалай ты бедный мозг огнем,
Не возбуждай огонь в мозгу ни в чьем.
Ведь в каждом теле есть и плач, и сон,
Дни в каждом человеке заключен.

В чужой ты округ, вижу, уползла,
Супруга по желанью избрала.

Бутыл с вином — привет мой — брать не стала,
На льду мое ты имя написала.^{3*}

Мой светлый день ты превратила в ночь,
Ударив, боль не можешь превозмочь.^{**}

Ты сердце отняла, забывши жалость;
Тебе отнять и душу — это малость.

Не дав подковы моему коню,
Дала ты сто подков — любви огню.

Меня ты языком своим язвишь —
Но я сгорел, а ты и не кипишь!

Но может ли язык всегда спасти,
Всегда от тела рану отвести?

У лилии не длинный ли язык?
А с нею нож всегда играть привык!⁴

Коль вырвется твой див из-под земли,
Восстать он может на тебя, Лейли.
Шипы таскаю я — довольно мне;
Когда ж довольна будешь ты вполне?
Доколе будешь ты ломать мне руки?
Ты облеghi хотя б на миг мне муки!
Я стою раздую ветра крылья,
И самый воздух будет полон пылью.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Слова-загадки написала ты,
В них смысла нет, они совсем пусты.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Твой гнет сношу я, лишь тебя люблю,
Но верности не вижу от тебя.

Любовью коль душа твоя полна —
Любовь и на лице твоём видна.

А какова, скажи, любовь твоя?
Скажи мне, в чём её увижу я?

В том, что нарушен уговор тобой,
Что о тебе заботится другой?

Со мной — язык обмана вновь и вновь,
А с ним — твои желанья и любовь.

Коль любишь ты, то где любви рыданье
И где со мной согласное дыханье?

Когда в любви твоей нет постоянства,
То это не любовь, одно султанство.

Ты не горюешь о моей судьбе,
Напрасно я тоскую по тебе.

Мечтаю о твоей лишь стороне,
И твой порог — давно подушка мне.

Гляжу на дом — гадаю каждый раз:
Где милой лик покажется сейчас.

Тот счастлив, кто тебя увидеть может,
Ведь как меня, его тоска не гложет.

Счастливец — то не я, счастливец тот,
Кто этот дивный жемчуг бережет.

Хоть славой сад обязан соловью,
Инжир его достался воронью.

Растит гранат садовник сердца кровью,
А им больные лечатся с любовью.

Издревле мир таков — нужда с тобой,
Сокровище же — скрыто под землей.

Когда ж от хватки каменных тесни
Спасется розоватный твой рубин?

Когда ж луна, что свет очам дарит,
Дракона злого пасти избежит?

Пчела оставит мед и улетит?
А луна от стражи страж освободит?

Когда казне настанет срок открыться
И сам владелец замка удалится?

Когда с зеркал вся ржавчина сойдет,
Когда, оставив клад, змея умрет,

Когда же замка узница спасется,
А страж окажется на дне колодца?

Я свечка не вижу твоего,
Но мотыльку так нужен свет его!

Хоть от твоих упреков я скорблю,
За Ибн-Салама я судьбу моллю!

Доброе, коварство — от тебя идет,
Болезнь, лекарство — от тебя идет.

• Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Покинет жадный земледелец сад,
А соловьи на ветки прилетят?
И будет розой, что собирает лень,
Негр, финикоп любитель, умерщвлен?

Хоть ты окружена стальной стеной,
Хотя в ракушке свежий жемчуг твой,

Хотя дракон и страж красы твоей,
Закованной в цепях твоих кудрей,

Но все же тот, кто так в тебя влюблен —
Сомнений, подозрений полон он.

Довольно на тебя и мухе сесть,
Как мне уже ревнивых чувств не снести.

Влюбленный просто слеп, и потому
Орлом и муха кажется ему.

Как муравью, — покоя мне не знать —
Мне б только муху с сахара прогнать.

Но с притчей ты мою судьбу сравнишь
О том, кто без казны считал барыш,

Кто горевал по розе, что не рвал,
Кто жемчуг, не купивши, охранял.*

И сухость губ и влажность глаз моих —
Все от любви. ее мучений злых,

Мне тяжелей, чем было раньше мне,
Я стал безумней по твоей вине.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Любовь с игрой в сравненье не идет,
Да ведь и у меня другой расчет.
От горя я стою, а как иначе?
Ведь ты не знаешь, как живу я, плача!
Хоть реки влаги у меня в глазах,
Но жар и сухость на моих губах.

И «я» покинуло меня давно —
На той дороге «я» и не нужно.

Любовь, коль сердце его не полно,
Дешевле, чем ячменное зерно.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще восемнадцать бейтов:

К твоим губам нет жажды у меня:
Дашь поцелуй — навеки запомню я.
От амбры сладостных твоих кудрей,
Иль от природы мускусной своей,
Частицу утреннему ветру дай,
И беды все мои прогонишь — знай!
В саду твоём так нужен финик мне,
Его вкусить хочу я, но во сне.
Мечтаю я, чтоб хоть один глоток
Фиала твоего пригубить мог!
О как прекрасно мусское вино,
Что милою рукой поднесено!
Вино в твоей руке. Я рядом сел —
Уж от того вина я опьянел.
То уст своих лобзанье дарит друг,
То дарит мне вино из милых рук.
Коль уст рубин тебя манит, любя,
Как ты, влюбленный, поведешь себя?
Коль вкусишь мед ты, ставший, как агат,
То слаще этой не найдешь усад!
То буду губ твоих нектар сосать,
А то тебя, как душу, обнимать.
Погладив подбородок твой рукой,
Медвяный сахар уст впитаю твой.
Но это все побасенки, предлог,
Чтобы с тобой поговорить я мог.
От этих мыслей я далек — ревную
К себе за то, что вижу дорогую.
Беседы счастливы я одним мгновеньем,
Сковав я прочно ноги вожделенным.
От ревности к себе ночь просижу
С тобой и на тебя не погладжу.
Любовь к тебе горит во мне, как свет,
До внешности твоей мне дела нет.
Из-за тебя мучения — мне радость,
Твой гнет мой любви приносит сладость.

Хотя лекарства нет от этих бед,
Но ты здорова, и печали нет.*

МЕДЖНУНА НАВЕЩАЕТ ДЯДЯ СЕЛИМ АМИРИТ

Меняла слов жемчужины речей
На нитке низал золотой своей:

Средь тех, кто думал о Меджнуне вечно,
Его был дядя, старец безупречный.

Был благородством, доблестью он славен,
А скромностью был самым скромным равен.

Селимом звался этот Амирит,
По мудрости — был словно Самирит.¹

Ему бальзам был тот, кто всем был раной.
Заботился о нем он неустанно.

Все нужное — одежду и припас
Он привозил Меджнуну много раз.

Однажды он верхом пустился в путь,
На одичавшего того взглянуть.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

Разлука та, что сердцу нелегка,
Пусть от тебя да будет далека.
Осел уставший мой готов свалиться,
А твой скакун арабский вихрем мчится.
Пусть тайне я страдаю бесконечно,
Но пусть твое пребудет счастье вечно!
Пусть голова падет к твоим ногам,
Что не хотела внять твоим словам.

Помчался по пустыне борзый конь,
Как ветер, быстрый, жаркий, как огонь.

И наконец, нашел его Селим.
Людей он только не увидел с ним.

Меджнун дичился, избегал людей,
С ним было только несколько зверей.

От хищников боясь внезапных бед,
Как путник, издали послаа привет.

Меджнун, привет услышав издалека,
Спросил, кто он, тот странник одинокий.

Ответил тот: «Селим я Амирит,
Что временем жестоким много бит.

Твой дядя я, к тебе я многих ближе,
Но твоего лица я все ж не вижу.

Я вижу лишь, что в черных пятнах ты,
Ты стал хабешцем из-за черноты».

Меджнун узнал его и пригласил,
С собою локоть к локтю усадил.

Он расспросил о близких и родных,
И даже успокоился на миг.

Селим, взглядевшись в бедняка, нашел,
Что он среди зверей и бос, и гол.

Достав одежду из сумы своей,
Упрашивать он стал накрыться ей.

«Надень одежду эту на себя.
Ведь я привез ее тебе, любя!»

«Но мне одежда, — он сказал, — страшна:
Ведь тело — ладан, а огонь она.

Считай, что на нее я посмотрел
И разорвал ее, едва надел».

Но все же упросил его Селим,
И платьем кое-как одел своим.

Потом принес халву он — объеденье,
С халвою вместе сладкое печенье.

Но только умолял его напрасно —
Не тронул и куска бедняк несчастный.

Не проглотил кусочка даже сам —
У дяди брал и отдавал зверям.

Селим его спросил: «Несчастный мой,
Ты как-то утоляешь голод свой?

Ведь пищей человек живет — и что ж?
Ты человек — так чем же ты живешь?»

Ответил он: «О дорогой Селим!
Твоими я заботами храню!

Я так давно уж ничего не ем,
Что пища мне не надобна совсем.

Моей природе не нужна еда,
Я от забот избавлен навсегда.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

Ведь по ночам я на камнях лежу,
Мой день уныл: на пищу не гляжу.
Когда боюсь — от голода умру,
То с дерева спираю и кору.

Нет, пища в горло не пройдет мое,
И не могу я проглотить ее.

Так истончилась плоть моя во мне,
Что я без пищи обойдусь вполне.

Но, впрочем, не гнушаюсь я едой,
Ведь много едоков всегда со мной.

Кусок даю оленю или льву,
Они жуют, а я и так живу».

Селим, увидев, что скиталец тот,
Без хлеба сыт, одной травой живет,

Верней подладиться к нему решил,
К нему на помощь с притчей поспешил:

«Да, птицы, сладкой пищей соблазнясь,
Силков добычей падали не раз.

Кого лишь к яствам нрав его влечет,
Скорее станет жертвою невзгод.

А кто, как ты, доволен и быльем —
И вправду в мире царствует своим».

РАССКАЗ

Жил некогда владыка именитый,
Отправился гулять он раз со свитой.

Кора мне пища, или же трава,
Не раз в неделю — в месяц раз иль два.
Чтоб сердце поддержать свое я мог,
Мне утренний поможет ветерок.
Дыханье милой ветер принесет —
И силу в нем душа моя найдет!

Отшельника увидел он случайно,
Что и загробной жизни ведал тайны.

Царь удивился, что отшельник тот
В развалинах покинутых живет.

У приближенных шах спросил, смущен:
«Зачем живет на перепутье он?»

Питается он чем, на чем он спит,
Кто он, скажите, чем он знаменит?»

Ему сказали: «То отшельник славный,
Чурается он пищи, добронравный.

Он удалился вовсе от людей,
Вполне доволен жизнью он своей».

О праведных узнав его делах,
С хаджибом поскакал скорее шах.¹

Хаджиб к отшельнику решил пойти,
Чтобы его к владыке привести.

«О ты, все связи с миром разорвавший,
Себя навек развалинам отдавший!

Как ты, без близких, здесь живешь всегда?
Один, в пещере? Где твоя еда?»

Отшельник горсть травы толченой взял,
Что с пастбища газелей он собрал:

Вот здесь и пища,—он раскрыл ладони,—
Вот мой дневной припас, и вот мой конь!»

Хаджиб сказал ему высокомерно:
«Зачем себя так мучаешь безмерно?»

Пойдешь ты к шаху нашему на службу,
И с травмами водить не будешь дружбу!»

Сказал отшельник: «Что болтаешь ты?
То не трава — медвяные цветы.

Когда б ты тайну той травы познал,
Служить бы ты у шаха перестал».

Шах, слыша это, соскочил с коня
И, перед старцем голову склоня,

Покорно он припал к его ногам,
Устами он припал к его рукам.

Всегда довольный малым — вознесен,
Вот царство каково его и трон».

Меджнун был рад ту сказку услышать,
От радости он встал и сел опять.

С любовью вспоминал он о друзьях,
Расспрашивал потом об их делах.

Но вдруг заплакал, зарыдал сильней,
Стал спрашивать о матери своей.

«О, как живет подстреленная птица,
Как в тяжких горестях она томится?»

Хотя пред ней я очень виноват,
Но все же ей служить всегда я рад.

Скажи, она больна или здорова?
Ей хотел бы я увидеть снова.

Когда Селим увидел, что бедняжка
Так любит мать, по ней страдает тяжко,

Алмаз без рудника он не оставил,
К Меджнуну мать скорее он доставил.

СВИДАНИЕ МЕДЖНУНА С МАТЕРЬЮ

Мать издалека сына увидала,
Алмаз разбитый сердца в нем узнала.

И видит: роза алая потухла,
И зеркало ее мерцает тускло.*

У матери исчезла сила в теле,
От горя руки-ноги онемели.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:
Похожий на «алиф» ее Меджнун
Согнулся от любви, как будто «лун».

Лицо ему омыла слез ручьем,
А кудри расчесала гребешком.

Погладила его и неустанно
Рыдала, видя ссадины и раны.

От струпьев, ссадин все очистив тело,
Перевязала раны все умело.

С волос кудрявых смыла пыль дорог,
Занозы вынула ему из ног.

И, обласкав с любовью бесконечной,
И одарив заботою сердечной.

Сказала: «Взяться, сын, за ум пора —
Жизнь — это не любовная игра!

С двумя мечами мчится смерть, а ты
Весь во хмелю, во власти суеты!

Ушел отец, кляня свою беду,
Считай, что скоро я за ним уйду.

Вставай же, сын, пора идти в свой дом,
Ты сжался над покинутым гнездом.

Любая птица, зверь — они всегда
До вечера уходят из гнезда.

Когда же ночь над миром разольется,
И птица тут, и зверь к себе вернется.

Довольно укрываться от людей.
Без отдыха бродить, не спать ночей!

Остаток жизни, хоть две-три недели,
Спокойно ты поспи в своей постели!

Доколь ты будешь по горам блуждать,
Тревожить змей и муравьев топтать?

А вдруг змея укусит, невзлюбя,
И станут муравьи глодать тебя?

Ведь у тебя душа, а не песок,
С душою не сражайся так, сынок.

Не мучай, сын мой, душу бесполезно —
Ведь у тебя душа не из железа!»

Совсем истерзанный ее словами
Меджнун тотчас же вспыхнул, словно пламя.

Он молвил: «Мама, твой приход — как свет!
О, сколько причинил тебе я бед!»*

Хоть у меня давно с умом разлад,
Ты все же знаешь — я не виноват.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Лишь выжимки я твоего зерна,
Мне доля праха ног твоих дана.
Напрасны будут все людей страдания —
Всегда судьбы свершатся начертанья!
Что делать! Такова моя тезга,
И мне помочь уже ничем нельзя.

Моей вины нет в горестной судьбе —
Само уж так сложилось по себе.

И ни к чему нам мучаться, трудиться —
Что есть, то и должно было случиться.

Любовь, в которой столько бед и боли,
Нисходит к нам ведь не по нашей воле.

Ты хочешь, чтоб души несчастной птица
Из клетки той могла освободиться,

Но для нее другую клетку хочешь —
О двух ты клетках для нее хлопочешь.

Домой меня напрасно не тяни,
В тоске я там свои закончу дни.*

Считай, что я, расстроенный, пришел,
Но дома мало времени провел.

Ты скажешь: человеку нужен дом,
Но шашку в клетке не сдержать никак.

Прошу, оставь меня с моей бедой,
Я стражду в горе, ты вернись домой».

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Мне лучше песни петь среди зверей,
Чем хмуро у своих сидеть дверей.
Мне лучше быть живым, лишь стены видя,
Чем умирать печально, дома сидя.

Припал к ногам он матери своей,
И долго ноги целовал он ей.

Не удовлетворив ее моления,
Он долго у нее молил прощенья.

Он, попрощавшись с ней, умчался прочь,
Она ушла, проплакав день и ночь.

Она простилась с миром, как отец,
И в горести скончалась, наконец.

Все уговоры нарушает время,
Оно, как землепашец, сеет семя.

Два-три зерна оно сначала сеет,
И косит сразу, как посев созреет.

Оно светильник ночью зажигает,
И сердце его дымом отмечает,

А утром только ветерком дохнет —
Как создало светильник, так убьет!

И с нами огненный круговорот.
Как со светильником, игру ведет.

И наши ноги спутаны судьбой —
Где б ни был ты, но пути те с тобой.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Мир души покидает день за днем,
В нем справедливость разве мы найдем?
Мир этот вовсе верности лишен,
И, видимо, ни с кем не дружит он.

Тогда лишь ты свободу обрешь,
Когда ты с четырех коней сойдешь.²

Как нить души, от уз освободись,
И от узлов излишних откажись!

Узлы алоэ вяжет? Ты забудь,
Развязчиком узлов, как мускус, будь!³

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О КОНЧИНЕ МАТЕРИ

Небесный славный всадник победил
Соперников своих, весь сонм светил.¹

И скоро солнце флягами с вином
Весь небосвод устало кругом.

Набег свой быстрый утро совершило,
Разбив бутылки, все вино разлило.

Меджнун бродил пустыней раскаленной,
Читал касыды страстные, влюбленный.

Так по пустыням он один блуждал
И всюду он касыды распевал.

Совсем не ведал он, что смерть пришла
И мать его из мира унесла.

И сострадательный Селим опять
Поехал — горемыке все сказать.

Его он накормил, потом одел,
Потом сказал: «Печален твой удел!

Страдалица — и кто б ей мог помочь? —
Из жизни этой удалится прочь!

И с думой о тебе, как и отец,
Она нашла, бедняжка, свой конец».

Меджнун был тяжкой вестью угнетен,
Себя по голове бил в горе он.

Как утром чанг печальный, зарыдал,
И как бутылъ на камень, он упал.

Отца и мать с любовью поминая,
К могиле их направился, рыдая.

Оставшись без родителей своих,
Он плакал над священным прахом их.

Давал он волю горестным слезам —
Но после смерти нужен ли бальзам?

Все родичи, его услышав крик,
Сбежались отовсюду в тот же миг.

И видят — он свалился, изможденный,
К могиле прислонившись, изнуренный.

И все к ногам припали бедняка,
Кровавых слез их полилась река.

И хлынул розовой воды поток
На юношу, с кем рок был так жесток.

Когда же он в себя пришел опять,
Все начали страдальца утешать.

Хотели увести его домой,
Вернуть его скорее в край родной.

Но, застонав, от них бежал он в горы,
Не поддавался он на уговоры.

Бродил он по горам, равнинам вновь,
А в сердце — печень, в печени — лишь кровь!³

И стая лишь брела за ним зверей,
А кроме них он не имел друзей.

Решил покинуть эту обитель —
Благого в ней он ничего не видел.

Как молния, из тучи он ушел —
Хорошего в той туче не нашел!

Основа жизни — гибель, море бед.
Она — лишь миг, живи, хоть сотни лет.

Коль в жизни признак смерти есть конечной,
Что ж радости ты ожидаешь вечной?

О ты, что смерть не видишь пред собой,
Ты мнишь, что не расстанешься с душой?

Доколе будет чванство продолжаться,
Не вечно ль здесь ты думаешь остаться?

Иль взвесить ты себя так точно смог,
Что знаешь день, когда придет твой срок?

Ведь у любой частицы есть длина,
А также есть, конечно, ширина.

Но только по сравнению с Каф-горой
Из них любая — как «алиф пустой».⁴

Взгляни — на поле жизни мировом
Ты с веткой схож иль с маленьким листком.

Взгляни получше — до каких же пор
Такой же будет над тобой простор?

Взвесь жизни срок — как мал он несравненно
Перед существованием вселенной.

Допустим, согласимся мы на миг,
Что ты силен особо и велик.

Но с небосводом, должен ты сознаться,
Тебе смешно в величье состязаться.

Ты за размер ничтожный свой шагнешь —
И вмиг свое ничтожество поймешь.*

На землю сядь, не дуйся, милый мой,
И свой позор ты под землею скрой!

Раз до сих пор тебе не стало ясно,
Что в людях не нуждаться так прекрасно,

Нуждаешься в себе подобном ты —
Вовеки быть тебе рабом тщеты.

Величья ты достигнешь лишь тогда,
Когда не будет грызть тебя нужда.

За хлеб чужой ты псом не становись,
И в кошку яств чужих не превратись!

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Два ржавых шила есть в руках твоих —
Тебе, как милостыню, дали их.
И взяв тот хлам, ты в радости великой,
Кричишь повсюду: «Мира я владыка!»

Кормись собой, как факел, возгораясь,
Ешь, как свеча, свой путевой запас.

Чтоб мир-владыка стал рабом твоим
Чтоб ты царил, как Низами, над ним.

ЛЕЙЛИ ПРИЗЫВАЕТ МЕДЖНУНА

Лейли была как куколка в твердыне,
Владелица темницы в паланкине.

Без друга ей не мил был целый свет,
Она страдала в клетке сотен бед.

Был хуже, чем его, ее удел,
Ее дела — его печальней дел.

Она была в темнице без цепей,
Ей было с каждым днем все тяжелей.

Муж не сводил с нее ревнивых глаз,
Напрасно свой растрчивал алмаз.

Чтоб к идолопоклоннику она
Не убежала, страсти предана,

Он лаской и любезностью своей
Всемерно угодить старался ей.

Лейли, не замечая ничего,
Смотрела равнодушно на него.

И раз, когда была безлунной ночь,
От сласти муха улетела прочь.

Лейли пошла искать: где милый друг,
И ею был забыт ее супруг.

У перекрестка сев, она в тоске,
От всех людей враждебных вдалеке

Там путников ждала, томась в печали,
Чтоб о любимом друге рассказали.

Увидела она издалека
Идущего неспешно старика.

Он с Хызром схож повадкой был своей,
Что выводил на верный путь людей.

Невольница спросила: «Старец честный,
Тебе о жизни в мире что известно?»

Тот друг зверей, беглец от мира тот,
Скажи, о ком в пустыне речь ведет?»

Ответил старец: «Тот Юсуф прекрасный
В колодце без тебя сидит, несчастный.

На море том еще кипит волна,
С зенитом разлучилась та луна.

Глашатаем крича, он всюду ходит,
Среди долин, оазисов он бродит.

На каждом он шагу зовет: «Лейли!»
На каждом ищет берегу Лейли.

Он о себе не думает нисколько
И по дорогам ночью бродит только».

Лейли, о друге услышав своем,
Стан-кипарис согнула тростником.

Агаты с двух нарциссов полились,
Ручьем, жасмины орошая, вниз.

«Я этот друг! — воскликнула она, —
На мне лежит тяжелая вина.

И у меня лихих невзгод не счесть,
Но в горе разнища меж нами есть.

Он бродит среди гор, там, в вышине,
А я стону в колодце, здесь на дне».

Из уха жемчуга она сняла,
Поцеловала, старику дала.

«Возьми, — сказала, — и к нему пойдя,
С ним несколько мгновений проводи!

Потом отправься с ним в обратный путь,
Чтоб на него могла бы я взглянуть.

Когда сюда придете с ним вы вместе,
Ты усади его в таком-то месте.

Затем мне передай, чтоб я пошла
И тайно на него взглянуть могла.

Хочу его я видеть состоянье
И каково любви его пыланье,

А вдруг уместным случай он сочтет
Два-три двустихия своих прочтет,

От чтения его узлы судьбы
Развяжутся, быть может у рабы».

Старик тот жемчуг в пояс свой вложил
И от жемчужины-Лейли отбыл.

Повез он и одежду, и белье
Тому, кто платье изорвал свое.

Он, словно ветер, мчался по горам,
По брошенным руинам, деревням.

И два-три дня вдали от всех дорог
Искал его, но все найти не мог.

Но вот нашел. Меджнун многострадальный
Лежал в долине, сумрачно-печальный.

Как стража, звери вокруг него лежат
И охраняют, будто дивный клад.

Как будто бы ребенок к молоку —
Меджнун так устремился к старику.

Прикрикнул строго на зверей своих,
Чтоб старцу не было беды от них.

Подальше звери отошли спокойно,
А старец ближе подошел достойный.

Перед Меджнуном низко он склонился
И так потом к страдальцу обратился:

«О властелин в краю святой любви!
Пока любовь живет, и ты живи!»

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Как Хызр, ты солнечной воды испей,
Как Искандер, пройди вселенной всей.

Лейли, чьей красотой гордится свет, —
Ей без любви к тебе и жизни нет.*

Она тебя не видела давно,
Тебя ей слышать было не дано.

С тобой она мечтает повидаться,
Наедине беседой наслаждаться.

И ты увидеть будешь рад ее,
На миг вкусить от бедствий забытье.

В газелях выльешь свой любовный жар
И опустевший оживишь базар.

Там пальм есть роща, вставших до небес,
Стоящих густо, как дремучий лес.

Те пальмы красотой ласкают взор,
Внизу — зеленый травяной ковер.

Вот там с весной ты встретишься своей,
Там — ключ всех дел, спасенье от скорбей!»

Затем надел он на Меджнуна платье,
Пустивши в ход молитвы и заклатья.

Покорен был Меджнун на этот раз,
Противиться не стал он, согласясь.

За ним шагами быстрыми пошел —
Живую воду жаждущий нашел!

* * Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Она просила о тебе спросить,
Просила бога о тебе молить.

Кто жаждет — он уйдет ли от колодца?
Как может ветер с амброю бороться?

За ним зверей шла целая лавина —
Он шел, как будто шах с большой дружиной.

На этот раз судьбою награжден,
В условленное место прибыл он.

Меджнун под пальмой сел, уединясь,
И со зверьми на время разлучась.

А старец о свершенном им добре
Плененной пери рассказал в шатре.

Волнения не в силах превозмочь,
Лейли от старца убежала прочь.

Любимый — вот он, в десяти шагах,
В душе ее смятение и страх.

Она шепнула: «Старец благородный!
Как я измучена борьбой бесплодной!

Мой светоч разгорелся так, я вижу,
Что я сгорю, коль подойду поближе.*

Лишь шаг вперед — и смерть мою зови,
То грех большой в религии любви.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Хоть муж и спит, но все же муж он мне,
И то известно богу в вышине.
Хоть мужу сердце я не отдала,
Но с подлостью и дружбы не свела.

Пусть в книге записи моих деяний
Ошибочных не будет начертаний.

Зато, когда я пред Судом предстану,
Стыдиться совершенного не стану.

И он, кто всех влюбленных совершенство,
Не должен ближе подойти к блаженству.

Ты попроси его, чтоб он сейчас
Стихами снова удостоил нас.

Я буду слушать — лишь бы он читал,
Пусть даст вино — и выпью я фиал!»

Ушел старик от свежей той весны.
Пошел к другой — две красоты равны.

Увидел, что на землю тот упал,
Покой он и рассудок потерял.

Меджнуна старец тут без промедленья
Водою слез обрызгал с сожаленьем.

Когда же разум вновь к нему вернулся,
Меджнун с улыбкой к старцу обернулся.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще восемь бейтов:

«Скажи, что это за весна была,
Что амбры нам дыхание принесла?
Тот аромат был не весны дыхание,
А дорогих кудрей благоуханье,
На свете аромата лучше нет,
В душе моей он зажигает свет!»
Чтоб испытать влюбленного, с улыбкой
Старик сказал: «Разлука с ней — ошибка!»

И несколько двустий он пропел,
Что он один лишь сочинять умел:

МЕДЖНУН ПОЕТ ГАЗЕЛЬ ЛЕЙЛИ

«Где ты, скажи, где мы, рабы любви?
Скажи, ты чья? А мы — а мы твои!

Поём мы песнь о жизни без улады,
Когда ты наш товарищ, то мы рады.

Продавши душу, прах мы покупаем,
Мех разорвав, дерюгу надеваем.

От времени ушли мы, из тюрьмы,
Нам радо горе, горю рады мы.

Вокруг вода — мы жаждою томимся,
Нетопыри — все к солнцу мы стремимся.

Мы заблудились, а других ведем,
«Мы—старосты! — кричим, — в селе чужом».

Захочешь ты — придет без приглашен-я,
Наденет на себя все украшен-я.
Ты без нее так тяжело страдаешь —
Что ж: будет, коль ее ты повидашь?»
Меджун воскликнул: «Старец благородный!
Мне эти речи вовсе неугодны!
Я ароматом дивным опьянен —
А в руки, знаешь, не берется он!»

Село изгнало нас, а мы кричим:
«Мы — старосты!» — и сдаться не хотим,

Без шара — все играем мы шаром,¹
Без ног мы скачем на коне борзом

Мы по тебе горюем день и ночь,
И потому мы гоним горе прочь.

Медантельно мы на земле живем,
Но быстро мы зато с земли уйдем.

Ты говоришь: «Умри, меня любя!»
Но я и так умру из-за тебя!

Бей в барабан отъезда хоть сейчас —
И я уйду с твоих навеки глаз.

Метели волк бонится — потому
Ходить в мехах приходится ему.

И доброй ночи мне ты не желай,
Ведь без тебя мне будет горько, знай.

Как можно — не придя, уйдя опять,
И что за странность — не посеяв, жать?*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейгата:

Искусней всех, возлюбленная, ты,
Твой друг достиг в искусстве высоты!
Искусный человек, с прагом борясь,
Кричать не будет громко, обоялся.
Кто не бонится кровь пролить свою,
Тот будет всех отважнее в бою.

Не ладит твой приход с моей душой,
Как две души поладят меж собой?

Пока моей не рвется жизни нить,
Задачу ту тебе не разрешить.

Мне лучше вынь ты душу из груди,
И от хлопот ее освободи.

Мне душу новую я дать молю,
Смягчить суровую судьбу мою.

Душа, коль не для уст твоих живет,
Пусть чрез уста мои долой уйдет.

Душа, чей клад — твои уста, она
И вечной жизнью обладать должна.

На свете много есть рабов твоих,
Но я ведь всех покорнее из них!

Пока живешь ты, будет жизнь мне в сладость,
Здоровье будет у меня и радость.

А если сердце о тебе забудет,
Пусть словно у врага то сердце будет.

Ты — я, я — ты; таков уж наш удел,
Одно пусть будет сердце для двух тел.

Но в сердце пусть оно твоим гнездится,
Мое — разорено и не годится.

Как солнце ты! И чтоб с тобою жить
Придется сердцу двести душ вместить.

На нить мою нанижу я тебя,
И двуедины будем мы, любя!

Одной чеканки на двоих достанет,
И наша двойственность единой станет.

У миндаля одна лишь кожура,
Но два в ней умещается ядра.

Я весь в тебе. В остатке есть ли прок —
Ведь это обувь, что свалилась с ног.

Все, что есть я, с тобою, о мой свет,
И чуждого тебе со мною нет.

Скажи мне — тело стоит ли того,
Чтоб именем твоим назвать его?

Не стоит голова твоих скорбей,
Под знаменем твоим стоять ли ей?

Душа моя, как лист, истончена
И не со мною, а с тобою она.

Твой мир собакосерд, твой псарь жесток,
А я? У псов твоих я прах их ног.

Стремлюсь я, друг мой, быть твоим псарем,
И общество твоих собак — мой дом.

И стая — что со мной идет — зверей,
Ведь это псы, лишь когти поострей.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейгов:

О пери, о кумир мой благородный!
Свободней ты, чем кипарис свободный!
А я лишен приюта, беден, слаб,
Подобный праху, твой послушный раб!
И только ветер с улицы твоей
Счищает ржавчину с души моей.

Ты в золоте — то кольца на ногах,
В дирхемах-родинках, что на щеках,

Я родинки-дирхемы увидал,
За кольца все дирхемы и отдал.

Льет слезы туча, чья весны приход,
Меджун, тебя увидев, слезы льет.

Небесный свод — он от луны красив,
Меджун от лица твоего счастлив.

Индусы — стражи у дверей твоих,²
И твой Меджун вполне похож на них!

Любовью к розе полон соловей,
Меджун в разлуке — стал рабом скорбей.

Кто роет копи, чтоб добыть рубины,
Меджун — он роет душу от кручины.

О господи! Прекрасные мечты! —
Когда б меня хотела видеть ты!

Была бы ночь, залитая луной,
А мы в саду гуляли бы с тобой!

С тобой рука об руку б мы сидели,
И наши чаши дружные звенели.

Тебя, как чанг, прижал бы к сердцу я,
Как в камне лал, я спрятал бы тебя.

Как мумил, я чахну, умираю.
Но с этим ветром снова оживаю.
Я лишь несчастьем одним богат,
А у тебя и родинка, как клад.

Я от твоих парфисов опьянел бы,
Погладить гиацинты я посмел бы.

Я раскрутил бы завитки кудрей
И натянул бы лук твоих бровей.

Я у твоих гранатов восседал бы
И подбородок-яблоко ласкал бы ..

Как яблоко, я б гладил твой гранат,
И яблоко вкушать я был бы рад.

То распрямлял бы завитки кудрей,
То серьги вынимал бы из ушей.

Слезам твое платье омывал бы,
И финики твои я воспевал бы...³

Фиалки бы вокруг роз твоих сажал
И из фиалок розы извлекал.

Тебя я б заключал в свои объятья,
И беды сердца стал бы излагать я...*

Приди, о друг, к нам жизнь благоприятна,
И время радостно и благодатно!

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три байата:

О, как прекрасно это было б, боже,
Когда бы наяву так было тоже.
Я долго эти песни петь бы мог,
Когда б не слез безудержный поток.
О, не давай же мне сходить с ума,
Пусть мне глаза не застилает тьма.

Издадека, как солнце, не мани,
Как марево, меня не обмани...

Стремясь к твоей красе, душа моя,
Стал зернышком, как родинка твоя.*

Боишься ты дать зернышко любви,
Зато в моей купаешься крови.

Я горе пить могу один, друг мой,
И лишь вино хочу я пить с тобой.**

* Далее в некоторых рукописях следуют еще девять бейтов:

Меня к себе ты не зовешь душа,
А знаешь ли, как здесь жизнь хороша?
Здесь стыд исчез, врагов — пропал и след,
До нас и дела никому здесь нет,
И встанешь ты, иль сядешь — у тебя
Не будет поводов стеснять себя.
И все в немом безмолвни кругом,
Забудешь ты о добром и дурном.
Бродяга — пусть на дне колодца он,
Но все ж блажен, — ведь он уединен.
Никто тебе из сильных не поможет —
Зато и ног связать никто не может.
Хотя не будет у тебя друзей,
Врага не будет за спиной твоей.
Опасности исполнен этот дом,
Ведь ты живешь в нем с иним чужаком.
Здесь оставаться — глупость и чепуха,
Ты только там найдешь блаженства крепость.

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

В тебе источник Хыра скрыт, Лейли,
Прошу я, мне живой воды пошли!

Я вижу на твоём пиру вино —
В раю, как видно, пить разрешено».

И так сказав, в пустыню он помчался,
А в сердце — кровь, мозг желчью пропитался.

Та, что стройна, как кипарис, была,
Вздыхая, тут же в свой шатер ушла.*

САЛАМ БАГДАДСКИЙ ЗНАКОМИТСЯ С МЕДЖНУНОМ

Так молвил тот, чей слог — людей услада:
Средь благоверных жителей Багдада.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пятнадцать бейтов:

Присловье есть: мгновение настанет,
Скакать и залц даже перестанет.
Дай мне вина, жизнь улади мою.
Ведь много дней я слезы только пью.
Я буду пьян тобой, а ты трезва?
Пусть и твоя кружится голова!
Пусть только обонянем я богат —
Меня пьянит один лишь аромат.
Я виночерпий, море выпью вмг.
Лишь только бы я пил из рук твоих.
И не вино, а даже горький яд —
Из рук твоих я выпить был бы рад.
Я буду пьян тобой, а ты трезва?
Пусть и твоя кружится голова!
Лишь только утром можно пить вино,
Но пить за пологом — запрещено!
Султан, чтобы в саду воссесть на трон —
Неужто светлячками освещен?

Был юноша влюбленный, чьи черты
Являли совершенство красоты.

И горе и тоску изведаль он,
Великою любовью поражен.

Вкусил томленья он смертельный яд,
Тоску без счастья, горе без отрад.

Саламом прозывал его весь свет,
И счастье ему слало свой привет.¹

Любовью страстной был он увлечен,
И о любви читал газели он.

Когда, по всей земле распространясь,
О Кейсе всем известен стал рассказ,

Когда уже во всех краях запел
Его проникновенные газели,

Лишь вор, что по чужому дому рыщет,
Сокровище во тьме глубокой ищет.
И дом, где ярко свечи не горят —
Темница, будь он как прекрасный сад.
Себя спасти и не могу от бед,
Кровь из руках, в них больше силы нет.
О, как бы я хотел с судьбой поладить,
В хмелю хоть локоны твои погладить.
За локоны тебя спокойно взять,
С тобою по базару погулять,
Опохмеляться всюду, где смогу,
И радоваться каждому пинку.
О боже, дай один мне день такой
С моей ненаглядною красой.

Со всех сторон скитальцы направлялись
К нему, его стихами вдохновлялись.

Когда же — за страдания награда —
Его достигла слава до Багдада,

И знатоки слышали те песни,
Которых не было досель чудесней,

Покинул тут Салам края свои,
Чтобы увидеть пленника любви.

Пожитки на верблюда погрузив,
Отправился он в путь, нетерпелив.

Немало он фарсангов проскакал,
Пока в пустыне бедняка искал.

Всех спрашивал и, наконец, нашел:
Лежал Меджун в сухой пустыне, гол.

И с ним, внушая путникам испуг,
Лежали звери, образу круг.

От страсти и печали злой своей
Он ожерелье сделал из зверей.

Меджун, завидев юношу вдаль,
Решил — сюда его пути вели.²

Спокойствие велел хранить зверям,
И воли не давать своим зубам.

Приблизился Салам к Меджуну живо,
Здороваясь сердечно и учтиво.

Меджун был тем приветом восхищен.
И ближе подошел к Саламу он.

Затем его поклоном он почтил,
Откуда он пожаловал, спросил.

«К тебе приехал я, — сказал Салам, —
Причина путешествия — ты сам.

К тебе явился из Багдада я,
Чтоб лицезреть тебя — вот цель моя.

Чудесные стихи твои читал я,
И ради них теперь скитальцем стал я.

Бог счастье мне послал — узреть кумир,
Твой лик увидеть, озаривший мир.

Теперь целую я прах ног твоих,
Тебе служить готов я каждый миг.

С тобой дышать хочу, с тобою жить,
Дыханьем каждым лишь тебе служить.

Захочешь ты сложить стихотворенье,
Его я все запомню, без сомненья.

Всю душу переполнить я готов
Словами из заученных стихов.

Прости, коль буду надоедлив я,
Ты со своей душой знакомь меня,

Дай мне вкусить поэзии твоей,
Считай меня в числе твоих зверей.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:
Я жил спокойно в городе своем,
О странствии не думал никаком.
Теперь же, если век продлится мой, —
Остаток жизни проведу с тобой.

Ущерба, знаю я, не будет в том,
Коль стану я навек твоим рабом.

Я тоже испытал любви мученья,
Я горести терпел и униженья.

ОТВЕТ МЕДЖНУНА САЛАМУ БАГДАДСКОМУ

Бровей Меджнуна полумесяц юный —
Такой была улыбка у Меджнуна!

«Прекрасен ты, но к неге приучен,
Тот путь не для тебя, — так молвил он, —

Мужчина ты, но ты со мной не схож,
В себе ты столько горя не найдешь!

Лишь со зверьми сроднился я душой,
С тобой не уживусь я, и с собой.

Скажи, как будет нрав твой мне по нраву,
Когда на свой я не найду управу?

Зачем со мной общаться? Я строптив,
Сторонится меня и злобный див!*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Мечтаю я при помощи зверей
Освободиться от своих цепей.
А ты, я вижу, о другом хлопчешь —
В капкан мой новый гвоздь забить ты хочешь.

Приязни ищешь ты, а я — лишь зверь,
Искал бы лучше ты своих теперь.

Пусть даже ты железа крепче будешь,
Услышав стон мой, крепость ты забудешь.

Пусть, как вода, ты негой разольешься —
С огнем моим и ночь не уживешься.*

В одной нам скорлупе не уместиться,
Ты себялюб, а я — самоубийца.

Оставь меня в развалинах моих,
С тобой мы не сойдемся ни на миг!

Напрасно ты, себя обременя,
Проделал путь большой из-за меня.

Прости! В беде ты встретился со мной,
Теперь иди, сказав «Аллах с тобой!»

Я каждый день меняю стан, кочую,
В развалинах заброшенных ночую.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейгов:

Пусть я бедник, пусть без припасов я,
Мне щедрость вовсе не нужна твоя.
Когда готов ты к бедности душой,
Тогда дружить способен я с тобой.
Но если я с тобой дружить стремлюсь,
К другим душой стремишься ты, боюсь.
От всех призывов отказался я,
А у тебя и здесь и там друзья.
Мне идол никакой, пойма, не нужен.
Я с идолопоклонником не дружен.

Уйти ты не захочешь — но тогда
Тебя заставят горе и беда».

Салам, что изнемог от зол и бед,
Не принял этот дружеский совет.

«Будь мой спаситель, — молвил он, — и врач,
От жаждущего чистый ключ не прячь!»

Опорой будь моей средь бед и битв
И кыблой стань для всех моих молитв!

А коль неправильно молиться буду,
Прощенья попросить я не забуду!»

Меджун решил не тратить больше сил
И согласился с тем, что тот просил.

И скатерть развернул Салам; потом
Хааву он вынул с вкусным пирогом.

«Лицо свое, — сказал он, — мне открой
И хлеб любезно раздели со мной!

Я пост твой одобряю, но пока
Ты должен съесть хотя бы два куска.

Муж, лишь поев, не будет знать беды —
Он силу набирает от еды».

Меджун сказал: «Та речь не для меня,
Ведь с едоком в себе покончил я.

От хлеба сила у того берется.
Кто о своем житье-бытье печется.

А я, свободный от природы брешной,
Могу прожить без пищи, несомненно».

Салам увидел: горемычный тот
Не спит ночами, днем не ест, не пьет.

И ни к кому он не заходит в дом,
Не повернется ни к кому лицом.

Салам стал уговаривать его:
«Очнись же ты от горя своего!

Пусть сердце раззнакомится с тоской,
Твоей судьбе не вечно быть такой.

Пройдет лишь только час — и небосвод
С узором новым ткань себе соткет.

Ты не успеешь разомкнуть очей —
Он радости откроет сто дверей.

Пока живешь ты на земном просторе,
Советую — забудь ты это горе.

Ты болен — о болезни ты забудешь,
И сколько плакал, ты смеяться будешь.

И я, как ты, жил в горе и тревоге,
Разбито было сердце, в путях ноги.

Но с помощью высокою господней
От этих бед избавлен я сегодня.

Спокоен будешь, наконец, и ты,
Избавишься от этой маеты!

То пламя, что любовью зажжено, —
Оно горячее кровью зажжено!

Когда же молодость мужчины минет —
То эта печь горячая остынет!»

Послушав, что сказал Салам, любя,
Меджун от гнева вышел из себя.

Ты думаешь, я пьян, — воскликнул он, —
Иль ты решил, что я ума лишен?

Я царь царей любви, я тем горжусь
И пред душой своей я не стыжусь.

Земные страсти, все их прегрешенья —
Все смыло набожное омовенье.

Я плоти не попал своей во власть,
Я уничтожил чувственную страсть.

Да, для меня любовь — суть бытия,
Любовь — огонь, и как алоэ — я.¹

Любовь пришла и заняла мой дом,
А я убрался со своим добром.

В моем существованье нет меня;
Любимая моя — вот это я.

Уменьшится любовь моя от бед,
Когда на небе звезд потухнет свет.

Любовь ты в сердце лишь тогда сотрешь,
Когда песчинки на земле сочтешь.

И если ты пришел ко мне, сюда,
От порицаний воздержись тогда.

На состояние свое взгляни,
Свои упреки про себя храни».*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

Уместно полководец тот сказал:
«Чтоб всякий свою меру соблюдал!»

Такой вот назидательный урок,
Пошел Саламу, без сомненья, впрок.

Когда же он постиг Меджиуна суть,
В беседе на другой ступил он путь.

Не будь же дерзким ты в словах ни с кем,
Чтоб не просить прощенья затем.*

Пусть будет слаб он, пусть он будет туг —
Но резко не натягивай свой лук!

Коль он легко поддастся — огорчит,
А коль с трудом натянется — смутит.²

...Теперь Меджиун с Саламом без боязни
Шел много дней дорогою приязни.

И дружбу их газели те скрепляли
Что у влюбленного из уст слетали.

И благородный муж напоминал
Двустишия, что странник сочинял.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Коль не горяч я — ледяным не будь,
Тогда ко мне найдешь ты верный путь.
Базар до тех лишь безопасен пор,
Пока его не осквернит вор.
Коль сердце в глупом гневе закинул,
То может из него исчезнуть стыд.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще два бейта:

Замок открыть желаешь ты — сначала
Его получишь б испытать пристало.
Канат ты здесь, а яму там найдешь —
Как ты без ног дорогой той пройдешь?

Меджиун привык без всякой жить сны,
Да и во сне не ведал он нужды.

Салам, хогя и был он многих чище,
Не мог все ж обойтись без сна и пищи.

Его припасы кончились, и он
Расстаться был с Меджиуном принужден.

Простившись против воли с ним, его
Оставил средь зверей он одного.

Оттуда он направился в Багдад.
Касыды заучивши все подряд.

И где б касыды эти ни читал он,
Всех слушателей имн восхищал он.

ОПИСАНИЕ ДУШЕВНОГО ВЕЛИЧИЯ МЕДЖИУНА*

Не думай, что Меджиун был схож, мой друг,
С безумцами, что видим мы вокруг,

Забывшими молитвы, пост и свет,
В которых нет ума, приличья нет.

Он в тайну всех времен проник глубоко,
Он хорошо знал смысл повадок рока.

Заветные он истины постиг
И в тайну знаков неба он проник.

* Принадлежность этой главы Низами является сомнительной.

Он был чеканщик полновесных слов,
Творец газелей дивных — жемчугов.

Безумец не рассыплет никогда
Тех жемчугов — поймешь ты без труда.

Но он, как пьяный, мировой порядок
Не признавал; ему был хаос сладок.

Заранее он горечь смерти знал,
Припасы в дальний путь он собирал.

Путь жизни для него был так тяжел,
Что легкой смерти путь он предпочел.

Любой, кому здесь тяжело придется,
С трудом с земным пределом расстается.

И тот, кто грустно в этом доме жил,
Еще грустней из дома уходил.

Без спутников хотел Меджнун уйти,
И лучше подготовиться к пути.

Когда б ему велели: «Душу дай!»,
Он отвечал бы просто: «Забирай!»

Корабль души волной захлестнут был,
Меджнун позитки выбросить снесил.

Ему казались яства просто ядом,
Еду не удостаивал он взглядом.

И жизни этой он любить не мог.
Любимая была ему предлог.

Чтоб, коль свернет желание с пути, —
Хотя б самообман он мог найти.

Желанья не был вовсе он лишен,
Держал его в ножнах, однако, он.

Он не хотел желанья утолить,
Чтобы любви жилище сохранить.

Я задал как-то мудрецу вопрос:
«Как тот влюбленный эту тяжесть снес?»

Ведь мог же он достичь желанной цели,
Зачем нужна отсрочка в этом деле?

Добиться мог всего тогда — но нет,
Зачем же ожидал он тридцать лет?»

Отвечал он: «Вкусив на время сладость,
Он потерял бы подлинную радость.

Он предпочел быть тридцать лет блаженным,
Чем насладиться счастьем, но мгновенным».

Через два мира я перешагну,
Коль приложусь я к этому вину.

ОПИСАНИЕ ЛЮБВИ ЗЕЙДА И ЗЕЙНАБ*

Как говорят, тогда на свете знали
Другого пленника цепей печали.

Придавленный горю тяжких бед,
Бежал он в горы, позабыв весь свет.

* Принадлежность этой главы Низами сомнительна.

Людей, рожденных дивом, избегал он,
Их, будто див, не ведал и не знал он.

Он полон многих качеств был прекрасных,
Сложил газелей много сладкогласных.

Пришлось ему несчастья испытать,
Он жизнь готов был за любовь отдать.

Зейд был известен красотой своей,
Как повесть «Амр и Зейд» среди людей.¹

Неподалеку от Лейли он жил,
И так же он любовью славен был.

Влюблен он был в дочь дяди своего,
И так же выбрала она его.

Они друг с другом так похожи были,
Что ж дивного, коль страстно полюбили?

Красавица с прекрасною душой,
Влюбившись, потеряла свой покой.

А он был так сожжен любви огнем,
Душа на волоске висела в нем.

Она была прекрасна и стройна
И чистотой прославилась она.

Самшита аромат, бамбука стан,
Стегно — как ртуть, а щеки — аргавап.

Изяществом и прелестью — кумир,
Была красотой ее изволнован мир.

С лукавым изглядом, вечно весела,
Красавиц из Тараза превзошла.²

Она всех белолицых привлекала
И черных белизною сокрушала.

Был ротик меньше, чем у муравья,
Как волос, тонок стан был у нея.

Был подбородок яблока круглей,
А кровь — песков мекканских горячей.

Для поцелуев был, как сахар, рот,
Он слаще был, чем леденцы и мед.

Дарили губы сахар настоящий,
А поцелун были меда слаще.

А имя — словно сладкая вода,
Вода, что людям жизнь дарит всегда.

Она была, как кипарис, стройна,
Но сладостью плодов влекла она.

Лицо ее, как солнце, сиянно,
Как амбра, волосы благоуханны,

И ветра ароматного струя
Всегда тянулась от ее жилья.

Земля в полон была ей отдана,
Краса земли, звалась Зейнаб она.

Любовью к ней давно уж Зейд горел
И день и ночь усилий не жалел,

Чтобы рубин тот, в грубом камне скрытый,
Любой ценою вырвать из гранита.

Он всяких недостатков был лишен,
Но только был богат не саншком он.

И жениха нашел получше дядя,
Лишь на его достаток только глядя.

Просил именье Зейд — тот не давал,
Просил он дочь — но тот не уступал.

И были все усилия напрасны,
Порвал он с дядей и страдал, несчастный.

К любимой он стремился день и ночь,
Блуждал, как тень, — кто мог ему помочь?

Слагал он песни, плача каждый миг —
Никто б да не изведal мук таких!

А дядя все держал в оковах дочь
И Зейда гнал немилостиво прочь.

Ему был нужен лишь богатый зять,
А бедняка он не хотел и знать.

И вот, удобный случай улуча,
Он выдал дочь свою за богача.

Когда увидел Зейд: конец надежде,
Любовь его зажглась сильнее, чем прежде.

Не знал он сна и пищи не хотел,
Известен в мире стал его удел.

Он, как Меджун, лежал, как опьяненный,
Способности к движению лишенный.

С ним примириться не могли друзья
И с ним порвали, гнева не тая.

Остался с бедным сердцем он своим,
Огнем любви и горести палим.

О том, как эта страсть страдальца жгла,
Лейли по искрам распознать могла.

Она к себе его порой звала,
Усаживала, ласковой была.

Расспрашивала о его делах
И слушала страдальца, вся в слезах.

Поверивши в него необычайно,
Она своей с ним поделилась тайной.

Когда она Меджуну слала весть,
Охотно брался он ее отнестъ.

Меджун встречал его с любовью, с лаской,
И радость выражал веселой пляской.

Зейд был его товарищем любимым
И вестником любви незаменимым.

Бывало, весть, приятную, как мед,
Как раб с кольцом в ушах, он принесет.

Его своим приятелем признав,
С ним звери забывали злобный нрав.

И каждый бейт, что тот, тоской палимый,
Напишет для своей Лейли любимой,

Запишет Зейд, к своей груди прижмет,
Потом его скорей к Лейли несет.

Он был проводником для двух влюбленных
И письмоносец для бедой спаленных.

В обители Меджуна как-то раз
Беседа меж друзьями началась.

И молвил Зейд приятелю в укор:
«Ты вдохновеньем славен с давних пор!

Зачем же ты пустил безумье в грудь?
Ты стал бы лучше на разумный путь!

Пусть ты велик, но вряд ли может статься,
Чтоб выше Зейда ты хотел подняться.³

Такой непревзойденный ты поэт,
А прозябаешь здесь в юдоли бед.

Хоть ты и знаменит, как Амр, но все же
Ты Зейда славой превзойти не сможешь.

Не плачь — и я ведь некогда рыдал
И в жизни много горше я страдал.

Но, с участью смирившись, я опять
Стал воду пить и пищу принимать.

Пора тебе безумие оставить,
Безумцем хорошо ль себя ославить?»

Меджун, что был умен и благороден,
Враг похоти, от низких чувств свободен,

Когда его безумцем Зейд назвал,
Вскипел и раздраженья не сдержал.

«Ты суесловишь, — так сказал Меджун, —
Прочь убирайся, ибо ты — болтун.

Когда еще раз принесешь мне весть,
Оставь ее, и ждать не надо здесь.

Ну, сколько можешь ты еще болтать,
Об Амре с Зейдом сказку повторять?

Меня безумцем называть постой —
Безумен, кто доволен сам собой!

Не одержим я дивом, дивам враг,
И ангелов на мне и гурий знак.

Моя природа с дивами не схожа,
Во мне живет добро по воле божьей.

И звери, добрый нрав мой оценив,
Теперь покой находят у меня.

Из нежности я создан и отрад,
Хоть, может, я и неказист на взгляд.

Пусть стан мой изогнулся — все равно,
Ведь прямо то, что быть прямым должно.

Две прямизны звучать не могут в лад,
Смычок прямой, зато кривой — барбат.⁴

Когда не будет лук бойца кривым,
Не будет и полет стрелы прямым.

Пускай от стопов я своих сгораю —
Свои изъяны ими я сжигаю.

Я знаю, как зловреден глаз дурной,
И потому мне глаз опасен мой.

Тот, кто с дурным на свет родился глазом,
Пусть лучше бы двух глаз лишился разом.

Безумен на престоле этом тот,
Кто крепость наглухо свою запрет.

Что до меня, то я с давнишних пор
Хочу ослабить крепкий мой запор.

Прогнило древо с четырьмя корнями⁵—
Пора расстаться с ним, с его ветвями.

В таком селе я ныне поселен,
Что денег и одежды я лишен.

Когда корабль сломался попадам,
Что тосковать ему по парусам?

Пока корабль мой не исчез в пучине,
Я брошу все, что я имел доньше.

Пред смертью омовенье я свершаю,
А кто помазанье свершит, не знаю.

С палаткой этой трудно мне расстаться,⁶
А уж пора в дорогу собираться.

Любовь к душе — друг настоящий твой,
Хоть расставаться нелегко с душой.

Будь налегке и жди — пора придет,
Отдашь ты душу — он ее возьмет.⁷

Ты мнишь, что в эти я попал силки,
Ища зерно рассудку вопреки?

Иль за крючок хватаюсь, страха полный—
Боюсь, а вдруг меня поглотят волны?

Из мира, где колючек нам не счесть,
Уйти хочу, не запятнавши честь.

Я странствий ни на миг не прерываю:
Мир — как двустворчатая дверь, я знаю

Кто, створку отворив, вперед пройдет,
Того по голове другая бьет.

Где место телу твоему? Лишь в яме.
Тебе обременным быть цепями.

Коль ты свалился в яму на пути—
Не в силах будешь без цепей уйти.

Те цепи — кудри той, что гурий краше,
Жаль, что сейчас они в руке не нашей.

Из ямы вылезешь — себя готовь
К тому, что в яму попадешь ты вновь.

И кто бы ни угнал коня от горя,
К другому горю он прискачет вскорее.

Зачем, скажи, мне чтить кумир другой,
Когда уже разбил кумир я свой?

К другому я кумиру поспешу —
Своих кумиров сам себя лишу.

Мудрец, когда вино он мугов пьет,
Ненужных он всегда бежит забот.

Такое состояние прекрасно.
Хотя в глазах невежда оно опасно.

А у меня нет жалоб на него,
Оно, скажу, — прекраснее всего.

Орех, что у фисташки цвет берет,
По голове меня, как камнем, бьет.

А голову — то мозг души твоей —
Не защитить кольчугой из костей.

Красивым, как миндаль, сперва кажусь,
Но стану белым, если обнажусь.

Я не мирилась, чтобы одежду снять
И в яму негрят-детей бросать.⁸

Когда господь мне ниспослал беду,
Я должен жить с бедой всегда в ладу.

Незрелый виноград подмышку взяв,
Так молвил продавец — и был он прав:

«Кто продавец инжира — для него
Сбывать инжир приятнее всего».

Тот человек, что дело не бросает,
Посеянного им плоды вкушает.

Прицелился я хорошо стрелой,
Но только слабо лук натянут мой.

Боюсь сокровищницы дверь открыть,
Боюсь стеклянный ключ в замок вложить

Надежда в страхе том заключена,
А при надежде нам боязнь нужна.

В развалины глухие удаюсь,
Со всеми близкими порвал я связь.

Я не злословлю, козней я не строю.
Не вытворяю глупостей порою.

Хоть смерть мне не кричала: «Убегай!»
И глас отъезда не вызвал «Вставай!»

Последние собрал я все же силы,
Отправился в могилу из могилы.

Коль это есть безумие, тогда
И я безумен раз и навсегда!»

И много он сказал подобных слов,
Рассыпал много дивных жемчугов.

Зейд был таким ответом поражен,
И споры прекратил с Меджнуном он.

Решил: «Трезубцем дерзости моей
Не стану трогать вешних тех ветвей!»

Он понял, как ему себя держать
И наложил на речь свою печать.

И больше уж не раздражал его:
Весть принесет — и больше ничего.

Потом Меджиун, тот узник горьких бед,
Через него передавал ответ.

Он верным был посредником Зухрой
Меж ярким солнцем и ночной луной.

КОНЧИНА ИБН-САЛАМА МУЖА ЛЕЙЛИ

Во всех явлениях мира, спора нет,
Необходимости найдем мы след.

Движение сущего всего давно
Уже судьбой предопределено.

Две стороны в листке — и с двух сторон
Для записи счетов нам служит он.

С той стороны напишет ум свой счет,
С другой — уже судьба свой счет ведет.

Различны эта сторона и та,
И редко согласуются счета.

Нередко мнишь, что розу ты нашел,
Но вдруг—шипя почувствуешь укол!

Порой как будто грозди не созрели,
Но зрелые они на самом деле.

Хоть голод слабость телу принесет,
Желудок от расстройства он спасет.

Тому противоречью покорись,
Бессмысленно с природой не борись.

Когда же в жизни дело так идет,
Тогда считай, что укус — это мед!

* * *

Лейли, людей сжигавшая сердца,
Терпела злые муки без конца.

Но для других она была, как клад,
Который злые змеи строят.

Пускай была жемчужиной она —
Но в пасти у дракона, как луна.¹

Она жила в мученьях, без защиты,
Как бы рубин в объятиях гранита.

Все тяготы с терпением спосила —
Обманом обмануть обман решила.²

За нею днем и ночью муж следит —
Она ему спасибо говорит.

При нем она испытывала страх,
Как пери, скована, в стальных цепях.

Коль мужа не было — она рыдала,
При муже — тут же слезы вытирала.

Вкус чистого вина ей был не сладок,
Она глотала с радостью осадок.

Открыто порывать хоть миг единый,
Но нужно было ей скрывать кручину...

Подточит душу скрытая печаль.
Кому ж, скажите мне, души не жаль?

Лейли расстраивали стыд и страх.
Как ветер, что гулял в ее кудрях.

Но мужа лишь замрут шаги вдали,
Как выходила из шатра Лейли.

И так ее недуг любви томил —
Что от рыданий падала без сил.

Но лишь слышит звук его шагов —
И нет ни стонов, ни печальных слов.

Она садилась прямо, как свеча,
Уж не рыдая, только хохоча.

Судьба играла с ней такую шутку.
Что трудно было вынести рассудку.

В конце концов круговорот суровый.
Всем показал жестокий прав свой снова.

Муж, удаленный от жены своей,
Вдруг заболел, стал жертвою скорбей.

Его природа стойкости лишилась,
Здоровье с Ибн-Саламом распростилось

Жестокый жар подействовал на тело,
И лихорадка мозгом овладела.

В его природе проявилась гниль,
Разбилась равновесия бутылъ.

Врач посмотрел, светла ль его моча,
И пульс пощупал, боли облегча.

Его болезнь он медленно лечил
И помогал восстановленью сил.

И слабость стала тихо отступать,
Здоровым должен был он стать опять.

Уже он стал немного посильней,
Худое тело стало пополней.

Но неводержанным он оказался,
Не слишком предписаньям подчинился.

Воздержанность — она смирит недуг,
Она в покое и в болезни — друг.

В покое стойкость придает она, —
Болезнь бывает ей побеждена.

Тот муж, ступив на путь выздоровленья,
Воздержанность не подкрепил терпеньем,

И страшный жар к нему вернулся вдруг,
И вновь явился прогнанный недуг.

Один удар беднягу повалил,
Другой — и душу по ветру пустил.

Ударил первый вал в кирпич-сырец,
Второй — уже размыл его вконец.*

Когда земля потряхнула первый раз,
Стена уже заметно подалась.

Когда землетрясенье вновь случилось,
Стена натреснутая развалилась.

Еще дня два иль три затем прошло,
Больной дышал надсадно, тяжело.

И вот совсем дыханье утончилось,
И с воздухом бутылъ его разбилась.

Как ветер, он махнул на мир рукой,
Простился с миром, с горем и тоской.

Ушел. И каждый так из нас уйдет,
Ведь отбирает мир, что нам дает.

У мира и траву ты не бери —
Он все с лихвой потребует, смотри!

Ты долг ему старайся уплатить,
Чтоб только должником его не быть!

А взял ты долг — без дела не сиди,
Безделье — гвоздь в спине и кол в груди!

* Далее в некоторых рукописях следует еще один байг:

В болезни — глина лучше всех лекарств,
В сокровищнице — блещущий алмаз.

Разбей ларец с жемчужиной твоей
И ввысь взлети, как стая голубей!

Ведь семь берез о четырех корнях
С их девятью щитами — все в гвоздях!³—

Коль вступят с войском смерти в страшный бой.
Погибнут в этой схватке роковой.

И утро, когда диском зажжено
Земли неизмеримое гумно,

И вечер, когда круг, весь в пятнах глины,
Льет дым на свод небесного кувшина, —

Все поучают, что земной твой дом —
Храм дыма, породненного с огнем!*

Лейли, когда настигла мужа смерть,
Вскочила, как онагр, порвавший сеть.

Хоть пользу та кончина принесла,
Она рыдала — ведь женой была.

Она по мужу горько вслух рыдала,
В душе — она о друге вспоминала.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще шесть бей'он:

Тебе дают и дни, и ночи яд.
А ты ночам и дням безмерно рад.
Уже давно две эти птицы дерзко
В твою котомку клюв уткнули мерзкий.
Хоть у тебя большой запас зерна —
Котомку всю опустошат до дна.
Не верь тому, что бренно — все равно,
Будь в десять или в сто шагов оно.
Хотя б ты даже прожил до ста лет,
Да нет — хотя б до тысячи, мой свет,
Но все равно — кончен жизни срок.
И в этот попадешься ты силком.

И волосы рвала, томясь о друге —
Но будто горевала о супруге.

Она лила по другу слез поток,
Смерть мужа для нее была предлог.

О муже повторяла причитанья,
Но о любимом были все рыданья.

Муж был ей только внешней скорлупой.
Ядром же — только друг ее родной.

В стране арабов, муж коль умирает,
Жена лицо пред всеми закрывает.

Сидит два года у себя одна.
Не может видеть никого она.

Она по мужу горько слезы льет,
О нем стихи печальные поет.

Как будто тем обычаям верна,
Лейли замкнулась у себя одна.

Как подобает плачущей жене,
Они жила с тоской наедине.

Найдя предлог для своего рыданья,
Она уж не нуждалась в воздержанье.

И вопли и стenanия Лейли
К седьмому небу самому дошли.

Она рыдала, удержу не зная,
И била в кровь себя, не устывая.

Зато теперь дышать она могла:
Ушла опасность, и боязнь ушла.

СВИДАНИЕ ЗЕЙДА С ЗЕЙНАБ*

Кто этот дивный излагал рассказ,
В ком мудрости не иссякал запас,

Поведал так: Зейд, как глаза его,
Страдавший без кумира своего,

Терпел тоску, вздыхая вновь и вновь,
И пил не воду он, а сердца кровь.

Старались родичи ему помочь
Несчастия и беды превозмочь.

Ему назначена была весна,
Но силой отнята была она.

Но было много у него друзей,
Спасти мечтавших Зейда от скорбей.

Они ему охотно помогали
И узел затруднений развязали.

Он победил судьбины произвол, —
Дорогу тайную к Зейнаб нашел.

Зейнаб от всех тайком он посещал
И ржавчину он с зеркала счищал.

Как будто юный розовый бутон,
Как воздухом, дышал лишь ею он

И сладкоустая с заботой нежной
Любимого встречала безмятежно.

* Принадлежность этой главы Низами сомнительна.

Но все ж, от нетерпения далече,
Довольствовались взглядами при встречах.

И чистые, стыдливые их взгляды
Им были лучшей, сладостной наградой

...Хоть Зейд и был любовью поглощен,
Не забывал и о Меджнуне он.

Уловок не жалел он для него,
На все готов для друга своего.

И, повсе забывая о себе,
О друге думал, о его судьбе.

Хотел он сделать так, чтобы потом
Его другие вспомнили добром.

Коль наделен таким же свойством ты,
И у тебя есть доблести черты.

Бывает муж исполнен свойств таких
Что лучше и не говорить о них.

Коль слово зла ты произнести готов,
Ты лучше воздержись от всяких слов.

Бывает, слово ты одно лишь скажешь —
И добрым пред людьми себя покажешь.

Когда от нас с тобою жизнь уйдет —
То старосте села добро пойдет.

...Но Ибн-Салам скончался. Из темницы
Освободилась запертая птица.

Зейд, словно быстрый ветер беззаботный,
К Меджнуну в путь отправился охотно.

Меджуну рассказал немедля он,
Что Ибн-Салам был смертью поражен:

«Тот, кто помехой был в твоей судьбе,
Не станет больше докучать тебе!

Да, Ибн-Салам тебе дал душу в руки
А ты живи, не ведай больше муки!»

Меджун, подобную услышав весть,
Не мог внезапного волнения снести.

Такой пронзительный издал он крик,
Что тут же поднебесья он достиг.

То в радости он пляску начинал,
А то себя в могиле представлял.

Тому, конечно, очень рад был он,
Что шип с любимой розой разлучен.

Но вместе с тем, не думать он не мог,
Что и ему такой глотать кусок.

Он не смеялся, хоть хотел смеяться,
От плача же не мог он отказаться.

Рыдать он снова начал, причитать,
И вновь и снова Зейда укорять:

«О мой многострадальный старый друг,
Что облегчал сердечный мой недуг —

На сердце у меня к тебе укор,
И неизбежен этот разговор.

Когда сегодня ты читал листок,
Одно ты слово прочитать не мог.

Сказал ты: «Он тебе дал душу в руки,
А ты живи, не ведай больше муки.

Когда бы друг ты настоящий был,
Сказал бы: «Душу он Лейли вручил!»

А ныне ей назначенная доля
Досталась мне из-за тебя невольной».

Ответил Зейд: «Причины для жалоб нет.
Ведь сам же ты своих источник бед.

В тот день, когда одно ты имя стер
И двуединству ты открыл простор,

Меж вами стер ты всякое различье,
Признал, что у двоих одно обличье

Раз так, то нет у вас ни «ты», ни «я».
Двоичность вашу нам признать нельзя.

Я, старому обычаю покорный,
Сказал тебе такое слово вздорно.

Коль сердисься, готов я обнажиться
И так, нагим, отсюда удалиться!»

Ответ услышав друга своего,
Меджун в объятья заключил его:

«Я так доволен этими словами,
О друг мой с благовоинными устами!

Ты дал такой прекрасный мне ответ,
Что справедливей и на свете нет.

Смысл назиданья твоего постиг,
Лишь тот, кто в тайны символов проник

В ком тайное прозрение живет —
Его душа такой язык поймет.

Даю обет: пока я буду жить,
Охотно буду я с тобой дружить.

Покуда не постигнет смерть меня,
Тебе всегда послушен буду я.

Тебе покорен буду всей душою,
И тайны все свои тебе открою!»

Два или три дня они с ним вместе жили,
Как Амр и Зейд, так искренне дружили.

Но лишь одна неделя миновала,
Как расставаться им пора настала.

Меджнун пошел, на ложе лег своим,
А Зейд вернулся в свой родимый дом.

ЛЕЙЛИ МОЛИТСЯ ГОСПОДУ ВСЕВЫШНЕМУ И ВСЕСЛАВНОМУ*

Ночь расстелила над землей покров
Из крупных и блестящих жемчугов.

У той жемчужины из ясных глаз
Река жемчужин ярких пролилась.

Лейли, одна с несчастьем и бедой,
Со спутником единственным — свечой.

* Принадлежность этой главы Низами является сомнительной.

Как бабочка, в ночи не знала сна
И жаловалась так на ночь она:

«Ах, эта ночь! Когда ж она уйдет?
Она клеймом пятнает небосвод.

Не ночь — то черная судьба моя,
То гибель — перед ней бессильна я.

Как эта ночь мучительно длинна,
О, как она томительно мрачна!

Как будто жар души сменила льдом
И стала светопреставленья днем!

Осталась этой ночью я одна,
О, пусть бы днем сменилась она!

В саду моем уж свечи не горят,
Забор разрушен и разграблен сад.

Ах, утренней свернули шею птице —
Но утро где? Что с ним могло случиться?

Ты скажешь, у старухи сдох петух.
Забрал и муэдзина стражник вдруг,

А где ж ночная стража, что не бьет
В свой барабан — что утро настает?

О боже, мне светильник мой вручи,
Я от огня его горю в ночи!

Пусть даст он свет мне, пусть разгонит тень,
Ночь черную пусть превратит он в день».

И так она молилась до утра,
Пока рассвета не пришла пора.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН СОЕДИНЯЮТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ*

Когда рассвета царь уже взошел
С улыбкою веселой на престол,**

Приятней тысячи Новрузов, день!
Ликуя, прогонял ночную тень.

Гляди — судьба надела пояс счастья,
И в мире стихли голоса ненастья.

Лейли, теперь уже забывши страх,
Плыла, луне подобно, в небесах.

И хоть печалью грудь была полна,
Но горевала, не таясь, она.

Был путь ее свободен от охраны.
Ушел жилища сторож постоянный.

Пусть сердце в пламени, глаза — в слезах,
Исчез перед родителями страх.

Она гуляла улицей, садами,
Прекрасное лицо прикрыв руками.

Везде искала милого она,
Тоскою неизбывною полна,

Звездой горела среди всех дорог,
И амбру источал повсюду вздох.

* Принадлежность этой главы Низами сомнительна.
** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

День с радостной улыбкой занялся,
И горизонт к светилу поднялся.

Она испробовала все пути,
Чтоб друга ненаглядного найти.

По мужу плакать кончивши, погом
Для плача избрала отцовский дом.

Отбросивши стыдливость до конца,
Она сняла фату с любви лица.

Стыд был о камень, как бутыл, разбит,
Как роза, в воду сбросила свой щит.

Жемчужина, увидев, наконец,
Что уж не запирается ларец,

Не стала медлить в поисках лекарства,
Чтоб прекратить все муки и мытарства.

Она свой плач и стоны уняла,
В свои покои Зейда позвала.

«Пора пришла закончить ожиданье,
Уж время наступило для свиданья.

Вставай, ведь мир прекрасен так, вставай,
Скорее сахар с розою смешай!

К лужайке кипарис ты примани,
Жасмин с тюльпаном ты соедини.

Пусть мускусом меня одарит лань,
Ступай, ее скорее зааркань!

Чтоб из колючек я соткала шелк,
И амбру создала из праха ног.

Хочу, чтоб рядом он вздыхал со мной —
По вздохам он один товарищ мой.

Пока меня не тронет смерть десницей,
Пусть на меня он вдоволь наглядится

Чтоб до того, как смерть придет моя,
Насытила свое желанье я».

Затем она парчу и шелк взяла,
Чудесную одежду принесла,

Вручила Зейду, передав ему,
Чтоб все он отдал другу своему.

От радостных ее, приятных слов
Зейд поднялся душой до облаков.

В чертог бездверный вестник поспешил,
Бескрылому Хумаю весть вручил.²

Ему сказал он много дивных слов
И множество отдал ему даров.

От чудного известия такого
Меджнун вскочил и сел, и встал он снова.

Как колесо небесное, семь раз
Он повернулся, радостно кружась.

И было семикратное круженье
Чудесней, чем семи небес вращенье.

Потом свершил молитвенный поклон
Так, что земли лицом коснулся он.

Облобызав одежду с умилением,
Он на себя надел ее с почтеньем,

В источнике любви омылся он,
Разлукою уже не угнетен.

И, как луна, лицо его сияло,
Дыханье мускусом благоухало.

Собрался в путь, в пути не отдыхая,
Свои газели сладкие читая.

А звери грозным войском боевым
И спереди и сзади шли за ним.

Где сядет — и они сидят при нем,
Где встанет — вокруг него стоят кольцом.

Вот прибыл он к возлюбленной своей,
Вокруг него — дружина из зверей.

И было войско мощное таким,
Что все мечи бросали перед ним!

Зейд тотчас же Зубейде рассказал,³
Что клад халифа златом засверкал.⁴

Зейнаб Лейли сказала, торопясь:
«Стоит Меджнун у двери в этот час.

Поклон тебе он издадека шлет
И, если ты позволишь, он войдет».

Той радостью была потрясена
Лейли. Себя не помнила она.

Как столб шатра, прямой была сначала,
Но, как канат шатра, без сил упала.

В волнение выбежала из дверей,
Не опасаясь страшных тех зверей

К ногам самшита травкой нежной, юной —
Припала так она к ногам Меджнуна.

Меджнун был этим счастьем ослеплен,
Как душу пред собой увидел он.

Издав тогда пронзительный он крик
И навзничь пал без сил он в тот же миг.

Отдавши жизнь, она была живой,
А он был мертвым, не простясь с душой.

Без чувств лежали двое на земле,
Не слыша и не видя, как во мгле.

А хищники стояли, как дозор,
Готовые дать чужакам отпор.

Кольцом вокруг бесчувственных влюбленных
Как гор гряда, до неба взгроможденных.

Так много их стояло на пути,
Что мимо них никто не мог пройти.

Из тех, кто подойти хотел вначале
Двух-трех немедля звери растерзали.

А остальные, в бегство обратясь,
В местах укромных скрылись, притаивсь.

Влюбленные лежали так вдвоем
Вплоть до полудня на распутье том,

Но Зейд пришел и двух лишенных сил
Он розовой водою окропил.

Когда опять вернулось к ним сознание,
Они нарушить не могли молчанье.

Лейли, хотя и смущена была,
К смиренному скитальцу подошла.

Взяв за руки его, потупив взор,
Она ввела его к себе в шатер.

Там радостно уселась с ним она,
Любезности пленительной полна.

Зейд, что был самым близким и родным,
Не допускал Аси и Амров к ним.⁵

Задвижку сидел он у дверей
В сопровожденье полчища зверей,

И крепостью зверей со всех сторон
Был этот храм священный окружен.

И даже муха пролетевши там,
Тотчас же попадала в пасть зверям.

А люди все, испытывая страх,
В ту сторону боялись сделать шаг.

Согласие влюбленных и зверей
Безмерно удивляло всех людей.

«Вот это, — говорили все, — любовь.
Ему не похоть ваволировала кровь!»

«Такой любви прекрасной, животворной
И хищники жестокие покорны.

Звериного в нем даже нет следа
И зверь его не тронет никогда.

В себе он зверю голову срубил
И этим псех зверей он покорил.

Хотя они лишь только прах земной,
Любовь их расцветает чистотой.

Сегодня стоны мы слышали их
И видели воочью их двоих.

При виде чаши, не испив вина,
Он обезумел, а она пьяна.

Они друг друга даже не коснулись
И в обморок упали, не очнулись

В такой любви нет пошлости примет,
Такой любви пусть учится весь свет!»

И на земле немало горемык
Судачили об этом в этот миг.

Жемчужина, сжигавшая сердца,
Была вдвоем с хозяином ларца.

Для дорогого гостя хлопотала,
Гостинцами своими угощала.

Рук обручем, кудрей своих кольцом
Ему обвила шею, как платком.

Ковром волос окутала его —
Молчащего дейлемца своего.⁶

Стал полководцем сердца милой он
И перевязью рук был награжден.

Она сидела с ним рука к руке —
Как бы две розы на одном сучке.

Был взорами ее как связан он,
Был без вина он ею опьянен.

«Лам» и «алиф» теперь переплелись,
В едином начертании слились.

И две живые арки, слившись вдруг,
Образовали целый полный круг.

Что странного, что два крыла у птицы?
Две чаши у весов — чему дивиться?

В подсвечнике не две ль свечи горело?
Одна душа — единым стало тело.

Две нити их в один моток сплелись,
Одной водой две фляги наполнись.

Одна лишь дверь, хоть петли — целых две,
И пара глаз в одной лишь голове.

Два полюса близки друг к другу стали,
Два свежих утра вместе засперкали.

Сплелись они в объятии тугом
И сутки пролежали так вдвоем.

Без чувств они пробыли день и ночь,
Корысти птица улетела прочь.

Когда вернулись чувства к ним опять,
Унесся сокол, шах стал догонять.

Султанша уж покинула шатер,
С отрядом выступил султан в дозор.

Покинул царь роскошный свой дворец,
Оставил свой престол и свой венец.

И не осталось никого вокруг,
И рядом был его любимый друг.

Не смог Меджнун от радости такой
Промолвить даже слово дорогой.

К эрачкам своим подругу он призвал,
А сам кольцом дверным для милой стал.

Был в сердце у него любимой дом,
И он хотел привратником быть в нем.

Кипя, сердца влюбленных клокотали,
Но их уста безмолвные молчали.

А из Ирема ветер сладкий, нежный,
Огонь влюбленных приглушил мятежный.

Пришла любовь, зажгла от сглаза руту
И языки сковала в ту ж минуту.

Картины, созданные в небесах,
Застыли, как картины на стенах.⁷

Хоть сердце слов полно, язык молчит,
Кувшин, вином наполненный, закрыт.

Любви их голос на весь мир звучал,
А страх перед укорами молчал.

Их языки, пока в разлуке тлели,
Как язычок свечи едва горели.

Когда же, наконец, соединились,
Они, как утро, языка лишились.

Болтливый опозорен в мненье света,
Молчание есть мудрости примета.

Была казна без золота пуста,
И дверь ее была не заперта.

Но, золото принеши, в должный срок,
Тотчас на дверь навесили замок.

Лейли, в Меджнуна нежный взгляд вперяя.
Сказала, речью в душу проникая:

«Скажи, твоих где десять языков,
О лилия, что ты лишился слов?»

Всегда красноречивый соловей
Без розы целый год молчит своей.

Но лишь увидит розы лик чудесный,
Окрестность оглашает дивной песней.

Ты — соловей у времени в саду,
А я — как роза, что с тобой в ладу.

Доколе день свиданья не настал,
До неба ты свой голос возвышал.

Сегодня же мы встретились с тобой —
Так что ж молчит, скажи мне, голос твой?»

Огнем Меджнуна сердце занялось,
И он ответил, не жалея слез:

«Как мед сладка мысль о губах твоих,
От них замок и на устах моих.

Представь — во рту моем нет языка,
И стал язык мой тоньше волоска —

Вот так он истерзался от тоски,
И стали волосы, как языки.

Коль на земле стал волос языком,
Язык пусть лучше станет волоском.

Язык мой превратился в волосок,
Чтоб тонкие слова сказать он мог.

Когда душою твой я целиком,
Зачем еще болтать мне языком?

Коль у меня бальзам есть несказанный,
То наносить язык не должен раны.

Кто говорит, тот в поисках всегда.
Коль он нашел, что говорить тогда!

Ты найдена в дороге жизни мной —
А я потерял в яме был тобой.

Коль есть ты, мне не надо бытия,
Моя рука — твоя, а не моя.

Кто я такой и как меня зовут?
Я только тень твоя, пусть так сочтут.

Я знаю: я теперь одно — никто.
А так как я никто, то я — ничто.

Ты — все, а без тебя меня и нет,
Что есть во мне — то твой лишь только след.

Пока, как сокол в небе, я летал,
Следов я куропатки не видал.

Теперь мои уж крылья перебиты,
У куропатки — широко раскрыты.

Покуда мой комар не изнемог,
Так плавно твой павлин ступать не мог.

Пес царский на охоту убегает,
И олененок вдруг царя бодает.

Когда ты досягаемого стала,
Меня сама доступность утешала.

Но вот, едва любимой я достиг,
Моя исчезла воля в тот же миг.

Ты в руки мне даешься, идол мой,
Когда я уж не властен над собой.

Ты в голове моей живешь одна,
Душа моя тебе лишь отдана.

Коль без тебя быть голове моей —
Ее совсем лишился б я скорей!

Тебе я отдал голову свою,
Ты можешь душу требовать мою.

Пока тобой жива душа моя,
Твой раб, тебе вручаю душу я.

С тобой мою не разлучу я душу,
Единства этого я не нарушу.

Ты — как вода для рыбы, для меня,
Хотя и жжешь меня сильней огня.

Ты — и мои глаза, и глаз ты свет,
Как можно видеть, если глаз уж нет?

Как я могу с тобою разлучиться,
Не дай, о боже, этому случиться!

И «я» и «ты» здесь потерялся след,
И двойственности в нашей вере нет.

Два лоскута от платья мы с тобой,
Две половинки мы души одной.

Меня ведь нет и все во мне — твое,
В тебе — мой образ, бытие мое.

Коль я есмь ты, два образа нужны ли,
Что спорить, коль в одно двоих мы слили?

Пусть нам два образа судьба дала,
Мы «лам» с «алифом», стали просто «ла».⁸

Здесь я, а там — кумир прекрасный мой.
Здесь ты, я рядом — прах перед тобой.

Нет, нет, ошибся я — один наш дом,
И двойственности нет приметы в нем.

С тобой звучим мы песнею одной,
Высокою и низкою струной.

Для звучной песни чангу ведь нужна
Высокая и низкая струна.

Одни печали нас двоих терзают,
Нас только оболочки отличают.

Один с тобой избрать нам нужно храм
И быть едиными с тобою там.

Меч обоюдоостр — но как возможно,
Чтоб не одни его хранили ножны?

Пусть два ядра у миндаля — одна,
Ему, однако, скорлупа дана!

И два желтка утиного яйца —
От одного произошли отца.

Две однородных буквы коль столкнутся,
Они друг с другом тотчас же сольются.

С тобою однородны мы вполне,
Одно гнездо дано тебе и мне.

Пиши ты вместе наши имена,
Две капли примет чаша пусть одна.

Не в две — стучись в одну лишь только дверь,
Единство только признавай теперь».

Когда Меджнун рассыпал слез нисар,
Рубины слов, горящие, как жар,

Лейли Меджнуна взором озарил —
Алмазные подвески подарила.

Уста ее за жемчуг, наконец,
Водою жизни налили ларец.⁹

Ее казались кудри галией,¹⁰
И склянкой галии был рот ее.

Луна из склянки галию лила,
А роза сахар из нее брала.

И сахара харвар¹¹, и амбры ман.¹²
В подарок ненаглядному был дан.

Сказал бы ты, что с Мисра то налог,¹³
С Хабеша дань, уплаченная в срок.

У тех, кто век в молчании живет,
Благоухает, как у розы, рот.

Устами создавал он сто речей,
Она же подбородком — сто мячей.¹⁴

Мячи и подбородок — мыслью я —
Достойны только могут быть меня.¹⁵

Все в мире заслужили жребий свой.
Тот сердце гложет, сахар ест другой.

Кто меланхолик, тот с луной не ладит,
Разлившись, желчь от сахара отвадит.¹⁶

Кто любит только розы аромат,
Тот запахам другим не будет рад.

Меджигун был созерцаньем опьянен,
И на себе стал рвать одежду он.

Блажества вынести Меджигун не мог,
И он в беспамятстве свалился с ног.

Он столько горя видел на пути,
Что счастья был не в силах он снести.

Уже до кости нож в него воизился,
С душою он своей уже простился.

И, застонав, пошел в пустыню вновь,
Спасая от меча и жизнь, и кровь.

Как жернов, он кружился тут и там,
И Зейд, как лев, шел по его следам.

Томясь тоскою, отдыха не знал,
Среди зверей вздыхал он и рыдал.

Его дела пошли путем другим —
Был всюду образ милой перед ним.

И сам себя он в беге забывал,
В мечтах любимой кудри обнимал.

Вообразив за милую себя,
Себя счел ею, лишь ее любя.

Меджигуна личность стер с лица земли,
Остался в нем последний вздох — Лейли.

На ту весну нарядную глядел
И страстью он стократно горел.

В себе он ощущал восторг и радость,
В касыдах воспевал свиданья сладость.

Он говорил о преданной любви,
Все мысли он влагал в стихи свои.

Зейд все стихи, что были, как бальзам,
Сережками подвешивал к ушам.

Он восхвалял любовь за чистоту:
«Ты, что отверг земную суету!»

Ты чистой поклоняешься любви,
Согласны с другом чувства все твои.

Любовь без чистоты быть не должна —
Тогда дыханье ветра лишь она.

Любовь зеркалом света ты зови,
А похоти нет дела до любви.

Любовь, что с похотью соединена,
И не вечна, и людям не пужна.

С любовью вместе похоть не живет,
Где похоть явится — любовь уйдет.

Кумир влюбленных — похоть, так и знай.
Ты не таков, и им не подражай!

Твоя любовь лишь подлинна одна,
Другая — нечиста, запрещена.¹⁷

Любовь коль с чистотой соединится,
Ее величье удесятерится.

Когда любовь чиста и совершенна,
То имя доброе ее бесценно».

Но нету доброй славы меж людьми,
Один лишь ты богат ей, Низами.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ОСЕНИ И КОНЧИНА ЛЕЙЛИ

Едва лишь наступает листопад,
С деревьев капли крови вниз летят.

Ведь в каждой ветке кровь заключена,
Вот и сочится порами она.

С водою фляга стала холодней,
А цветника лицо — бледней, желтей.

Смертельная болезнь живет в ветвях,
Лист ищет золото — находит прах.

Нарцисс покляжу погрузить спешит,
Уже с престола падает самшит.

Лицо жасмина потеряло цвет,
В руках у алой розы — книга бед.

Как змеи у Заххака на плечах,
Взметнул над лугом кудри дольный прах

Коль дует ветер, бурен и неистов,
Кого же удивит паденье листьев?

Когда от бури в страхе убегают,
Спеша, пожитки все свои бросают.

Сады устали, словно ослабели,
А гроздья винограда опьянели.

Индус-садовник, словно негрится
Развесил гроздья, свой наполнив сад.¹

И головы пустые гроздьев всех
Уже повисли горестно со стрех.²

Вот яблоко, как подбородок круглый,—
Оно гранат высмеивает смуглый.

Из печени своей граната плод
На раны сердца, треснув, слезы льет.

Себе разорвала фисташка рот,
Уннаби ей улыбку злую шлет.³

На этом поле битвы гулистан,
Конечно, получил немало ран.

Лейли с престола красоты своей
Упала в яму горя и скорбей.

Был глазом сад весенний поражен,
Дул ветер на свечу со всех сторон.

И голова повязку золотую
Теперь сменила на совсем иную.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

Был круга и ароматен померанец,
А у цитрона желтым был румянец.
Крестьянин мугского вина напился,
Опустошил кувшин и удалился.
Трава терла цвет зеленый свой
И становилась желтой, как левкой.

Бессильно стройный стан ее поник,
Как будто ветром сложенный тростник.

И стала полумесяцем луна,
А кипарис стал тонок, как струна.

Страсть сердца уж до головы дошла,
Горячка мозга сердце обожгла.

Жар осушил жестоко капли рос,
А лепестки тюльпана вихрь унес.*

Озноб бессильным вскоре сделал тело.
А лихорадка сахар вовсе съела.⁴

К постели кипарис ее склонился,
Фазан же с кипариса удалился.

Она упала на землю зерном,
Лицо закрыла шелковым платком.

И матери своей она теперь
Желаний тайных всех открыла дверь:

«О мама, газеленок с молоком
Отраву выпил. Как его спасем?»

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:

С мгновенья, как пути их разошлись,
Стал, словно травка, чахнуть кипарис.
Она любила прежде, истомясь,
Теперь сильнее любила во сто раз.
Увидев, как по ней тоскует он,
Каким он страшным горем обожжен,
Познав разлуки пагубную власть,
Она уже не сдерживала страсть.
И до того любовь ее дошла,
Что в плен ее болезнь совсем взяла.

К перекочевке уж готова я,
Я ослабела, не брани меня.

Я кровь глотаю — вот тоска какая,
Как можно жить, всегда себя терзая?

Пила я горе с кровью пополам,
И муки подступают уж к губам.

Теперь едва дышу я — все равно,
Коль тайне и раскрыться суждено.

Раз тайну больше не скрывает грудь —
Прощайте! Я же отправляюсь в путь.

Меня ты обними: желаю я,
Чтоб на тебе кровь не была моя!

Когда расстанусь с бытием моим.
Из-за разлуки с другом дорогим.

Из праха стоп его меня сурьмой
Окрась, чтоб был светлее облик мой.

Мои глаза индиго обведи,
За красотою линий проследи.

Омой мне темя ты гулябом слез.
Бальзам мне сделай ты из желтых роз.

А ветер вздохов горестных его —
То камфара для тела моего.

Окрась мой саван белый кровью алой —
Так праздник мой отметить мне пристало.

Невесту разукрась и под землей
Ее в покоях брачных успокой.

Любимый странник мой, узнав о том,
Что я навек покинула свой дом,

Придет меня, я знаю, проводить
И слезы горя надо мной пролить.

Как у меня он сидет в головах,
Ища свою луну, найдет лишь прах,

Заплачет надо мною тот скиталец,
Тоски своей не спрячет тот страдалец.

Мой друг бесценный, друг души моей,
Как память обо мне, его пригрей.

Прошу тебя, его ты обласкай
И косо на него ты не зриай.

Будь благосклонна к другу моему
И мой рассказ поведай ты ему.

Он был любимым преданным моим,
Как я, бывало, ласкова будь с ним.

Скажи ему: «Когда Лейли дворец
Покинула печальный, наконец»,

Любя тебя, вернулась снова в прах,
Лишь с именем любимым на устах.

Любви к тебе она была верна,
И жизнь за это отдала она.

Ты спрашиваешь, как она ушла?
Она с любовью в сердце умерла!

Пока жила, покорная судьбе,
Она жила тоскою по тебе!

И умирая, той тоской полна,
Ее с собою унесла она.

Сейчас, когда ей прах покровом служит,
Все о тебе она в могиле тужит.

Как тот, что на распутье ожидает,
Она в дорогу ныне взгляд вперяет.

Все ждет, когда же друг за ней придет,
И смотрит, обернувшись, друга ждет.

Ты от тоски ее освободи
И к ней скорей в объятия приди!»*

Так говорила, слезы проливая,
И в мир иной направилась, рыдая.

Раскрывши тайну, что в душе таилась,
К любимому пошла, с душой протилась.

Увидев, что произошло с невестой,
Мать не могла подняться даже с места.

И покрывало с головы сняла,
Седые косы ветру предала.

* Далее а некоторых рукописях следуют еще четыре бейта:

И передай ему такой совет:
«Душа моя, моих причина бед!
Огненные осторожность соблюдай.
И лишь на милость бога уповай.
Ты заблудился, потерял себя,
Того, кто схож с тобою, полюбя.
Хоть ты и совершенен был умом,
Меджнуном мир тебя прозвал притом».

В тоске по лику и по волосам
Себя жестоко била по щекам,

Излила все, что знала, причитанья
И волосы все вырвала в рыданье.

Старуха плакала над молодой,
Кровь слез проливши над живой водой.

То ноги обливала слез рекою,
А то касалась лба она щекою.

И столько слез кровавых пролила,
Что роднику цвет крови придала.

Она рыдала так в тоске своей,
Что небеса заплакали над ней.

На розовый агат поблекших щек
Она лила кровавых слез поток.

И ожерелье дивных звезд она
Надела на луну, тоски полна.⁵

Все сделала, как дочь ее просила,
Гулибом, амброй розу умастила.

И предала земле ее без страха —
Ведь только в прахе место есть для праха.

Так дева замка в замке оказалась,
И горе без хранителя осталось.*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще тридцать семь бейтов:

Так рассчиталась с жизнью и она
И счет свой выплатила песь сподна.
Кто в мире покушал и не платил,
И, выиграв, платить не должен был?

Хоть рынок мира очень оживался,
От дуновения ветра чахнет он.
Мир — дива, хоть ангельскую держит речь,
За паухой своей он прячет меч.
Коль даже ангел в этот мир придет,
Его злой дух с дороги уведет.
Смотри, тебя старуха та обманет.
Ты будешь дряхл, твой стан согбенным станет.
Пока престол твой ямою не стал,
Свои пожитки лучше б ты убрал,
Коль сам не отвернешься, небосвод
К тебе с презреньем спину повернет.
Такой травинки мир наш не взрастит,
Чтоб град ее жестокий не побил.
Вкруг острова здесь океан без дна,
Земля мрачна здесь, а вода мутна.
И ты корабль стреми на берег свой.
Коль хочешь город повидать родной.
Там, где морское чудище живет,
Там странник и костей не соберет.
А небосвод — жесток и страшен он,
Он кровью благородных обгажен.
Он безо рта, но кровь привык он пить.
Бездушный — любит души он губить.
Всех мертвецов песком он посыпает,
От всех умерших прах лишь оставляет.
Рисунок ткани тот станок от века
Все делает по мерке человека.
Коль умный муж в непрочном доме сем
Подумает поглубже обо всем,
Взамен шипа увидит розу он,
А яма, как посмотрит зорче, — трон.
А если будет полон он тоской,
Со злобой взглянет он на жребий свой,
От гнева, что клокочет злобно в нем,
Считать он все благое будет злом.
Но в ком гордыни нет, кто радость, горе,
Равно приемлет с судьбами не споря,
Тот хочет одного: из этой ямы
В чертоги райские подняться прямо,
Чтоб от цепей достичь освобожденья.
Так иль иначе, но достичь спасенья.
Но ночь прошла. Рассказ мы сократим,
Один дюйма не делай, два — одним.

ПЛАЧ МЕДЖНУНА НАД МОГИЛОЙ
ЛЕЙЛИ

Тот, кто тугру сей повести писал,¹
В конце слова такие начертал:

Когда услышал Кейс в тоске ужасной²
О горестном конце Лейли прекрасной,

Заплакал горько он, рыдал во мгле,
И кто, скажи, не плакал на земле?*

Где Кай-Хосров, где Кай-Кубад, где Джам?
Они ушли, придет черед и нам.
Ты хитростью из ямы не уйдешь,
Дверь не открыть, коль спорить ты начнешь.
Старались здесь старик и молодой —
Но не поддался узел им тугой.
Кто гонится за ветром, не поймет,
На что способен этот небосвод.
Коль зорко глянешь с горней высоты,
Увидишь, сколько в мире сем тьмы.
Когда ж на мир глядеть ты зорче будешь,
О том, что есть он, ты совсем забудешь.
Беспомощны перед лицом природы,
Как мы раскроем тайны небосвода?
Вода времен, что так черна, мрачна, —
Бог несть, как переменчива она! —
Убила ту невесту нежной жаждой.
Не давши ей напиток хоть однажды.
Когда Лейли под землю опустилась,
Жемчужина в дарце железном скрылась.
Арабы, от разлуки горькой е ней,
Кручинились, и с каждым днем сильней.
Ее могила словно райский сад
Была родным и близким, говорят.
Она святыней стала для людей
Сиянием и чистотой своей.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще тридцать семь бейтов:
Он в черные одежды облачился,
Как тот, что милости искать решился.

И пред могилой этою святой
Упал, как будто тень перед свечой.
Пополз он, как ползет змея, иль так,
Как по колючкам в горести бедняк.
И столько плакал, столько он скорбел,
Что небосвод от горни почернел.
Вдруг от святой могилы оторвался
И вновь назад, в пустыню он помчался.
Он мчался, как стрела в мишень летит
Иль как охотник вслед за дичью мчит.
И он нашел пропавшего в ночи.
Скитальца, что остался без свечи.
Пред ним он сел с рыданием безутешным
Жалея его с сочувствием сердечным.
Бил в грудь себя в печали горькой, злой
И бился в горе оземь головой.
Увидя состояние его
И горе и страдание его,
Меджунун спросил: «О, что с тобою брат,
Огнем ты дышишь, так печален взгляд?
Ты мне поведай, чем ты огорчен
И в черное зачем ты облачен?»
Зейд молвил: «Стал печален наш удел
И изменилась мера наших дел.
Водою черной залита вся твердь.
Пришла из-за железной двери смерть.
Куст розы без листа остался. Град
Безжалостно нобил наш нешний сад.
Упала ясная луна с небес.
Наш кипарис упал, покой исчез.
Лейли с клеймом любви к тебе жила,
И так, любя тебя, и умерла!»
Меджунун упал без чувств, как будто меч
Отточенный его коснулся плеч
Он был как будто молнией сражен,
Упал, как громом пораженный он.
Поверженный, он на земле лежал,
Затем вскочил, кружиться в горе стал:
«О, ты несчастная судьба моя!
О, как обижен, беззащитен, я!
Кто бьет в былинку молнией такой?
Кто злобно давит муравья ногой?
Одной муравшке адский тот огонь!
Она сгорит от искры — только тропь!

К могиле подошел Меджнун, тоскуя,
Как грозное облако, бушуй.

У той могилы, где бурлила кровь.
Не спрашивай, как горевал он вновь.

Рыданиями он всем внушал испуг,
И разбегались люди все вокруг.

Он на плите могильной извивался,
Змею у сокровища казался.

Тюльпаны слез лед в горе безответном
И стал могильный дерн тюльпанов цветным.

Как можно чашу слез переполнять?
Такой финал нельзя устам давать!
Свечу держу я слабою рукой —
Меня погубит сразу ветер злой.
Меня разишь безжалостно мечом,
А бьешься не с драконом — с козларом.
Так о жестокой он вопил судьбине,
Как будто зверь, он бегал по пустыне.
В изорванной одежде, изможден...
Смотрели хищники со всех сторон.
Рыдал он безутешно, песь в слезах,
И слезы были у зверей в глазах.
Зейд бегал за Меджнун, словно тень,
Просил послать спасительную сень.
Так долго по пустыням и горам
Блуждал он, волю дав своим слезам.
И наконец, он, выбившись из сил,
Могилу милой посетить решил.
Спросил у Зейда, где же прах священный
И вот, припал к могиле драгоценной.
От горя он как будто опьянел
И проклинал печальный свой удел.
Печали и не описать такой,
Тоски подобной не сыскать другой.
И волосы он с корнем вырывал,
И голову о камни разбивал.
С разбитым сердцем, сгорбленный поник,
Как в судный день, его был страшен крик.»

Он, как свеча, сжигал себя огнем
И говорил горящим языком.*

Он над могилой голову склонял
И, горько плача, друга призывал:

Тебя, о роза, осень унесла!
Из мира, мир не видел, ты ушла!**

Ах, каково тебе в земле сырой?
Какносишь ты могильный мрак ночной?

Как родинка твоя во мраке ночи?
Что видят там твои газельи очи?

* Далее в некоторых рукописях следуют еще одиннадцать бейтов:

«Ах, как спасусь от злого горя я —
Ведь как свеча, горит душа моя!
В венце дейлемском у меня была
Любимая, что счастье мне дала.
А этот старый царь с дейлемским нравом
Взял силой у меня ее, не правом.
Моя невеста крепостью владела,
Но служба подошла моя к пределу.
А ветер вырвал розу из руки
И по ветру развеял лепестки.
Я на лужайке выбрал кипарис,
Но смерть его срубил, бросив вниз.
И дерево мое цвело весной,
Но скоро рок его похитил злой.
Владела фиалок свежих я пучком,
Не в сердце ли они росли моем?
И все ж насильник их похитил злой,
Я их лелеял, а сорвал другой.
Избрал рейханоликий я кумир,
Взял на лик его, забывши мир.
Но вор явился, злобой обуян,
Сорвал и прочь отбросил мой рейхан».

** Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Тебя, о сад мой, осень разорила!
Плоды ты принесла, но не вкусила!

Агатам сочным каково твоим,
И каково твоим кудрям витым?

Твой образ пишут краскою какой?
В каком подсвечнике стоишь свечой?

Кого своей ты красотой пленяешь,
В чьем сердце ты теперь благоухаешь?

Твой кипарис на берегу каком,
И пир устроен на лугу каком?

Ты от шипов не чувствуешь ли боли?
В пещере этой ты живешь легко ли?

Пещера для змеи отведена,
Но как в пещере ты живешь, луна?

В пещере ты — и вот, горюю я,
Пещера — то обитель не твоя!

Ты стала кладом, в землю ты ушла,
Зачем тогда б земля тебя взяла?

В пещере, что замкнулась, клад тая,
Всегда лежит над кладом тем змея,

И у могилы, потеряв покой,
Я, как змея, клад охраняю свой.

Как прах, была ты взвихрена всегда,
Сейчас — на дне колодца ты вода.

Ты, как луна, теперь совсем одна —
Что странного, что без подруг луна?

Хотя ты скрыта от моих очей,
Но ты скрываешься в душе моей.

Хотя исчез твой образ без следа,
Мысль о тебе пребудет навсегда».*

ЭЛЕГИЯ МЕДЖНУНА НАД МОГИЛОЙ ЛЕЙЛИ**

Друзья, на этот мир больной взгляните!
На муки, бьющие струей, взгляните!

* Далее в некоторых рукописях следуют еще тринадцать бейтов:

Храню я в сердце память о тебе,
Навеки ты живешь в моей судьбе.
Страдания по тебе живут во мне,
Хоть ты теперь покоишься во сне.
Ты ускакала со своим конем,
А я отстал лишь потому, что хром.
Покинувши руины — этот мир,
Решила ты уйти в Ирем на пир.
И я, как от оков, освобожусь,
С тобой чрез день-другой соединюсь.
Вкруг колыбели совершивши круг,
Остался клятве верен я, мой друг!
Пусть кровь моя на саван не падет,
Пока нас прах с тобою не сведет.
И вечно ты живи теперь в раю,
Дом бога душу примет пусть твою!
И сладостной души твоей свеча
Пусть вечно пламенеет, горяча.
Потом он молвил: «Дай мне позволение
Для тех, кто слышит о моем мученье
Прочесть два-три стиха, тобой внушенных.
Твоей кончине, светоч, посвященных.
Ведь все они лишь только ждут того,
И жду я разрешения твоего». —
Затем он начал плач печальный свой.
Стенания души своей больной.

** Принадлежность этой главы Низами сомнительна.

Ушел кумир, унес с собою сердце,
На тех, кто разлучен судьбой, взгляните!

Вы на того, кто полон был любви,
Лишенного своей родной взгляните!

На ту, чьи очи ярче двух Фаркадов,¹
В могиле тесной и сырой взгляните!

И на павлина, что достоин рая,
В гнезде ужей вы под землей взгляните.

На ту, что сердце друга утешала,
Нашедшую в земле покой, взгляните.

На украшение сердец влюбленных,
Что унесла сердца с собой, взгляните!

И на царницу замка красоты
Вы в замке горести лихой взгляните!

На царственный немеркнувший алмаз
В породе грязной и гнилой взгляните!

На свежий лепесток цветущей розы,
Замученный невзгодой злой, взгляните!

На ясную луну и кипарис,
В пыли безжалостной, седой, взгляните!

На злобный коловратный небосвод,
Расстроенный такой бедой, — взгляните!

Чтоб души уничтожить, небосвод
Какою занялся игрой — взгляните!

Чтобы расстроить наши все дела,
Какой он начал ныне бой — взгляните!

На разлученное с лицом ее
Мое лицо в крови сплошной — взгляните!

На щеки, ставшие тюльпанным садом,
Без щек тюльпанных дорогой — взгляните!

Вы на влюбленного в ее тюльпаны,
Объятого теперь тоской, взгляните!

На хищников пустыни, что рыдают
О смерти дорогой со мной, взгляните!

На ночи, что совсем лишились дней
Без лика этой дорогой — взгляните!

На грудь, что днем и ночью с ней в разлуке,
Кручиной сожжена лихой, — взгляните!

На душу, что по милой исстрадалась,
Вы с жалостью и добротой взгляните!

На слезы, что могилу омывают
Горячей алою рекой — взгляните!

Любимая моя ушла под землю,
Теперь я только прах земной — взгляните!

Смерть унесла родную до меня,
Хоть я живу, но неживой — взгляните!

К чему стремился я, взяла она —
На жребий столь плачевный мой — взгляните!

В моих руках держал я нить любви,
Теперь на узел тот тугой — взгляните!

Луну дракон жестокий проглотил,
На горе розы молодой — взгляните!

Мир тысячи таких, как мы, пожрал,
На мир прожорливый и злой — взгляните!

Весь мира стыд вы славою считайте,
На славу, как на стыд большой, — взгляните!

До смерти мне осталось лишь мгновение,
На стойкость перед смертью злой — взгляните!

Как душу спас и от родной — известно,
Как душу отдаю родной — взгляните!

Вы видели ее и смерть ее,
На это с трезвою душой — взгляните!

Дела свои и божьи совершайте,
Тогда на блеск их огневой — взгляните!

По смерти милой на мою кончину
По божьей милости благой — взгляните!

Она ушла, достигла благодати
Высокой, истинно святой — взгляните!

За то, что опоздал пойти за ней,
С усмешкой на меня немой — взгляните!

Но коль Аллах захочет, с ней я буду
И вместе на нее со мной — взгляните!»

Он так сказал и закружился быстро,
От хоровода удалился быстро.

Пошел он в край возлюбленной своей
В сопровождении своих зверей.

Он шел, плясал, и, не скрывая муки,
Слагал стихи о горе, о разлуке.

И все, что люди знали о любви,
Вложил он в дивные стихи свои.

Слезами он окрашивал пески,
О камень бился головой с тоски.

Он все шипы им пройденных дорог
Огнем своих стенаний горьких сжег.

И камни всех исхоженных путей
Окрасил кровью алою своей.

От слез своих он вовсе ослабел,
Но посетить любимую хотел.

Вот, как поток, с горы спустился он,
Пошел к могиле, горем угнетен.

Прижался головою к изголовью,
Могилу милой лобызал с любовью.

Перед могилой дорогой своей
Рыдал он, с каждым мигом все сильней.

Он плакал, полный неизбывных мук,
Стояли звери хищные вокруг.

Он озеро создал из слез печали,
А звери крепость вокруг него создали.

Они смотрели только на него,
К нему не подпускали никого.

От страха перед множеством зверей
Был путь к нему закрыт для всех людей.

И не могли ни муравей, ни птица
Приблизиться к священной той гробнице.

Вот так лист жизни он своей чернил
И ради страсти жизнь свою губил.

Он жил с собаками того села
Да так, что краше даже смерть была.

То он могиле милой поклонялся,
А то он за онаграми гонялся.

И так он жил, подобно муравью,
В пустыне жизнь растрчивал свою.

Когда ж совсем бессильным стал и он,
Отъезда книгу прочитал и он.

САЛАМ БАГДАДСКИЙ ВО ВТОРОЙ РАЗ ВСТРЕЧАЕТСЯ С МЕДЖНУНОМ*

Бытописатель той игры любовной
Арабский текст пересказал дословно:

Решил проведать еще раз Салам
Страдальца, что был отдан в плен скорбям.

Искал он целый месяц без конца
Пропавшего без вести беглеца.

Уж он устал от долгого пути,
А и следов его не мог найти.

И вот его увидел меж камнями,
В долине, с изъязвленными ногами.

* Принадлежность этой главы Низами является сомнительной.

И крылья у него уж перебиты,
И от судьбы жестокой нет защиты.

На теле раны у него зияли
И взгляду раны сердца открывали.

Спросил Меджнун, измученный тоской:
«Скажи, кто ты, стоящий предо мной?»

Ответил тот: «Печальный я Салам,
Пришел, чтобы припасть к твоим ногам».

Едва узнав его, Меджнун вскочил,
Его в свои объятия заключил.

Прогнал с его дороги он зверей
И тень от света удалил скорей.

«Зачем пришел опять? — воскликнул он. —
Ты и тогда был мною огорчен.

Изнежен ты, горю от горя я,
Тебе ведь дружба не нужна моя.

Со мной поладить ты не мог тогда —
Какая ж у тебя теперь нужда?

Но раз уж ты пришел ко мне опять,
Тебя мне неудобно прогонять.

Все сделаю — нужду свою скажи,
Свою мне просьбу ясно изложи».

Обрадовался добрым тем словам,
Меджнуна поблагодарил Салам:

«И раньше ты был очень добр со мной,
За что был благодарен я душой.

И раньше, преданность мою ценя,
Ты милостью одаривал меня.

Ты целый клад мне щедро подарил,
Сокровищем меня ты наделил,

Жемчужины касyd горстями ты
Дарил мне от избытка доброты.

И вновь в саду я захотел плодов,
Хочу опять вкусить твоих стихов.

Дашь — буду благодарен я судьбе.
Откажешь — я пойду домой к себе.

Но вижу я — к даренью дивных слов
Сейчас ты почему-то не готов.

Ах, сколько мук ты, видно, испытал,
Совсем иным, чем прежде был, ты стал.

Сломила крылья, как я вижу, радость,
И потеряла жизнь былую сладость.

Ты о себе мне Расскажи скорей,
Поведай о возлюбленной твоей».

В груди Меджиуна словно вихрь взвился,
Он горькими слезами залился.

Рыдал он, вспоминая, как кумир
Ушел под землю и покинул мир.

Он из души исторг холодный вздох:
«Такое горе кто бы вынести мог?»

О жизни ты загубленной спросил,
Ты о моей возлюбленной спросил?

Прах поглотил любимую мою,
Но это ложь, не верь ей, я молю!

Та гурня свободна от тревог,
И райский избрала она чертог.

Она мертва, но все горит свечой,
Я жив, но мертв я, угнетен тоской».

Немало он сказал жемчужных слов,
Заполнил много дивных он листов,

Потом схватил он за руку Салама,
Повел его к святой могиле прямо:

«Вот здесь лежит кумир мой осиянный,
Души погибель вот, мой друг желанный.

На поле, где со смертью бьется жизнь,
Она меня гоняет неустанно.

В училище любви и игр любовных
Она мой друг любимый, долгожданный.

На поприсе красноречивых слов
Она мой покровитель благоданный.

Красавица с медовыми устами,
Моих стихов читатель постоянный.

Покинув дом, в развалины ушла,
И дом мой разорила невозбранно.

Свиданию разлуку предпочла,
Та пери с красотою несказанной.

О луноликой ты меня спросил —
Вот здесь она, луною осиянна,

Она лицо укрыла среди роз —
Она очарование гюлистана.

Пожитки взяв, она ушла совсем —
Вот моего грабитель каравана.

Спросил ты о любимой — вот она,
Одна среди людского океана.

Ее ты видел, слышал ты о ней —
Что мне еще сказать о тонкостанной?

О тайнах ты не спрашивай ее —
Вот то, что говорю я без обмана.

Меня спросил о ней ты — вот она —
Бальзам моей души и сердца рана».

Салам, его в беде увидев злой,
Утратившего друга и покой,

Несчастьем друга так был удручен,
Что увлажнил свои глаза и он,

Лил алые он слезы из очей,
С ресницы каждой лился слез ручей.

Затем сказал он другу своему,
В несчастии сочувствуя ему:

«Из жизни роза рая удалилась —
Ладья моей души в волнах разбилась.

Твоя беда сна и меня лишила,
Та молния покой мой сокрушила.

Горит зарница на лице твоём,
Но сердце сожжено мое огнем».

Старался он его утишить боль,
Чтоб их прижечь, на раны сыпал соль.

И так два иль три месяца подряд
Он соблюдал с Меджнуном мир и лад

И все, что слышал от него тогда,
Что сказано им было за года,

Касыды, притчи — все, что услышал,
Он на листах прилежно записал.

Когда ж окончил труд нелегкий свой,
Он возвратиться пожелал домой.

Все, что ему запомнить удалось,
Багдаду в дар бесценный он привез.

КОНЧИНА МЕДЖНУНА У МОГИЛЫ ЛЕЙЛИ

Сказаний знаменитейший певец
Такой дал этой повести конец:

Меджнун, сожженный горестей огнем,
Был, как гумно, наполнен слез зерном.

Он мельницей небес размолот был,
И в чрево к ней, размолотый, поплыл.

Он был теперь тоскливее, грустней,
Весь исхудал и стал еще слабей.

Душа его чуть тледа на устах,
День ночью стал, и он совсем зачах.

И он, рыдая и томясь во мгле,
Пошел к невесте, преданной земле.

Он был затянута петлею тугой,
И в омуте кружился он с ладьей.

Как муравей больной, катался он,
Змеєю раненой валялся он.

Едва прочел два-три стиха, рыдая,
Безудержные слезы проливая.

И к небу руки он простер, застыв,
Раскрывши пальцы и глаза закрыв:

«О сотворенного всего творец,
Во имя избранных тобой сердец,

Меня от мук моих освободи,
К моей любимой дивной проводи!

От трудной жизни дай свободу мне,
Покой мне дай в блаженной тишине!»

И головой к земле склонился он,
Могилу обнял, испустивши стон.

Обнявшись с той могилой дорогой,
«Любимая!» — сказал, простясь с душой.

Итак, ему пришлось навек уснуть —
И кто из нас минует этот путь?

Дорога всех в небытие ведет,
И каждый до конца тот путь пройдет.*

О ты, хромой, как мельничный ишак,
Знай: время — твоего покоя враг!

Уйди от этой мельницы скорей,
Она от века не щадит людей!

И в доме средь потока не сиди,
Поток настигнет — встань и уходи!

Пока не смысл твой мост водоворот —
Верблюда через мост гони вперед!***

** Далее в некоторых рукописях следует еще тридцать один бейт:

Проходит жизнь свою чередой,
Что начато — конец находит соей.
Любую рану в жизни сей мгновенной
Нам жизнь посыплет солью непременно,
Любую лзву горе разожжет
И расцарапает ногтями гнет.

** Далее в некоторых рукописях следует еще тридцать один бейт:

Полна лишь ветром мира пуповина,
Ничто — вселенной нашей сердцевины.
Не смело ль уповать на это зданье,
В котором только ветер — основанье?
Спеши, покой от нас успел уйти,
Быстрей иди, ведь караван в пути.
Смотри: тот злобный семиглавый змей
Кольцом обвился вкруг груди твоей.
Ты присмотришься — от головы до пят
Кольцом дракона страшным ты зажат.
Но не теряй среди несчастий веры
И яхонт проглоти ты от хоалеры.
Мир, эта ведьма, так жадна и зла,
Что змеем зваться бы вполне могла.
Оставь ты мир — ведь это татей дом,
Игрок, что всех обманет за столом.

Старайся лишь не промахнуться мимо,
 Не то беда придет неотвратимо.
 С господского коня скорей сойди,
 Беспомощно на землю упади,
 Дабы лев смерти, не точа когтей,
 Над слабостью мог сжалиться твоей.
 Оставь высокомерие свое,
 Коль пища не твоя — оставь ее.
 Ты говоришь: «Любить не буду прах».
 Но только правды нет в твоих словах.
 Замок повешен на груди твоей —
 И, верно, золото хранится в ней.
 Чтوب это золото скорей добыть,
 Ты тот замок скорее хочешь сбить.
 Он кажется хумаем, но верней
 Когда ты взглянешь, пред тобою змей.
 Коль умный попадет в темницу, он
 Дорогу из темницы ищет вон.
 Ты думаешь, могила здесь? Гляди —
 Тогда увидишь солнце вперед!
 В темницу мира брошен ты — ну что ж!
 Знаток путей, отсюда путь найдешь!
 В том деле можешь ты до дна дойти,
 От груза избавление найти.
 Ведь сила сердца, зоркость наших глаз
 Не ради шуток созданы для нас.
 Ты думаешь — светильник тусклый ты?
 Ты — украшение горней высоты!
 Над небом царство — вот твое владенье,
 Все сущее в твоём распоряженье.
 Ты — Сельджукид. Мир пред тобой склонен,¹
 Наследник ты прошедших всех времён.
 Твой стан как небосвод высокий, знай,
 Достоинство свое оберегай.
 Уйди от праха, пыли на земле,
 Оставь природу с искрами во мгле.
 Скорей от самоменья откажись
 И тем себя ты до небес возвысь.
 Горюю стойкой будь перед потоком,
 Стеною под ударом стой жестоким.
 Споткнешься ты о камень — подними
 И с поцелуем, как рубин, возьми.
 Тот укус, что кипит в груди твоей.
 Тот укус, что кипит в груди твоей.
 Зажмуриши глаза, до дна ты пей.

ПЛЕМЯ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О ЕГО КОНЧИНЕ

Меджнун, лишь с этим миром распростился,
 И от упреков всех освободился.

Он рядом с милой лег своей навеки,
 И в вечном сне свои смежил он веки.

Когда уставший от тщеты земной
 Уснул, и вечным стал его покой,

Он пролежал, как говорил народ,
 То ль месяц, а не то и целый год.

И звери что ходили вслед за ним,
 Закрыли путь к нему кольцом своим.

Он в паланкине спал, как будто шах,
 И звери-стража всем внушали страх.

Они здесь станом все располагались
 Как будто на житье обосновались.

И страх пред этим скопищем зверей
 Отпугивал оттуда всех людей.

С любовью всю дорогу ту пройдешь,
 Любовью душу от нее спасеши.
 Кто утром много пьет — тот пьян всегда,
 Умеренный — приятен, как вода.
 В себе найди воды проточной сладость,
 Где б ни был ты, всем доставляй ты радости.
 Когда стоячую ты воду пьешь —
 Прохлады ручейка в ней не найдешь.
 Не вечна, бrenна вся земная жизнь.
 Тому, что бrenно, ты не поклонись.

Кто видел вдалеке перед собой
Зверей, гудящих, как пчелиный рой,
Подумать мог: страдалец странный тот
Среди зверей, как прежде, здесь живет.

А стражи те, усердием горя,
Все охраняют своего царя.

Не зная, что царю пришел конец,
И вихрь унес и пояс, и венец.

Что кровь по жилам не течет его,
И таенной перстью стало существо.

По прихоти крутящихся времен
Он сгнил и пылью тонкою стал он.

От тела, что пленяло красотой,
Теперь остался лишь костяк пустой.

Но все ж от страха пред волками там
Никто не мог приблизиться к костям.

Пока в том месте звери находились,
Все люди той могилы сторонились.

Часта такая дружба у людей,
Но странно ее встретить у зверей.

Так целый год прошел, а может, боле,
И разбрелись все звери поневоле.*

У клада талисман — то круг времен,
Кто был замком у клада, им сражен.

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Одни забыли шаха своего
Другие умерли, любя его.

И люди, что там мимо проходили,
К святылищу дорогу проложили.

Лишь тело там увидели одно,
Остались кости, плоти нет давно.

По признакам, знакомым им, они
Решили, что Меджнун здесь кончил дни.

Об этом слух прошел среди племен,
Арабам тоже стал известен он.

И в племени его друзья, родные
Все собрались, от горести больные.

Останки те увидев, вне себя
Одежду рвали на себе, скорбя.

И белою ракушкою лежал
Тот череп, что всем перлы рассыпал.

Ракушку, как жемчужину, омыли
И амброй из ракушки умастили.¹

Но самый прах его благоухал,
Дыхание любви распространял.

Они рыдали, плакали по нем
И оросили слез его дождем.

Слезой омыв, они потом, в слезах,
Вернули снова праху должный прах.

Могилу вырыв рядом, погребли
Они Меджнуна рядышком с Лейли.*

* Далее в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Так шаха в вишней погреб проводили
И пьяным виночерпию вручили.

Чтоб нежно спали так до дня Суда,
Свободны от укоров навсегда.

И здесь они одним огнем горели
И там в одной уснули колыбели.

Один из тех, кто сущность их постиг,
Разбил вокруг могилы их цветник.

Цветник тот, лучше всех садов зеленых,
Был местом поклоненья для влюбленных.

Здесь исцелялись от скорбей страдальцы,
Лечились от недугов все скитальцы.

Желанья исполнялись у людей,
Кто приходил в цветник с мольбой своей.*

ЗЕЙД ВИДИТ ВО СНЕ ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУНА В РАЮ**

Зейд, чистый муж, любви хранитель славный —
Бог осенил его рукой державной —

* Далее в некоторых рукописях следуют еще три бейта:

О господи, когда двух чистых тех
Смерть унесла, но их не тронул грех,
Ты с милостью с небес на них воззри,
Своим благословеньем одари.
И нам не вечно тоже в мире жить,
Ты знаешь сам, как с нами поступить.

** Принадлежность этой главы Низами сомнительна.

От места вечного покоя их
Не отходил и на короткий миг.

И каждый бейт чудесный, что они
Слагали некогда, в былые дни,

Разыскивал с великим тщаньем он,
И собирал со всем стараньем он.

Не прятал он стихов ни от кого,
И слушатель любой хвалил его.

Известие о двух влюбленных тех
Через него тогда дошло до всех.

Однажды он задумался о них,
О двух светильниках души благих,

«Куда ж теперь, — он думал, — путь идет
Двух новобрачных, не вкусивших плод?»

Они под черным прахом кирпичи
Иль на престоле райском две свечи?»

Ночь бросила на мир густую тень,
И мускусом она закрыла день.

И ангел, прояснивший Зейда взгляд,
Явил во сне прекрасный райский сад.

Деревья там высоко поднимались,
Просторы те блаженными казались.

Прекрасный сад весь утопал в цветах,
Светильники горели в лепестках.

Навесов много было там прекрасных,
Лазоревых и, словно очи, ясных,

Прекрасных хризолитов голубей,
Повсюду ливших свет своих лучей.

Раскрыли розы чаши там свои,
Хмельные заливались соловьи.

Там руды звонкие играли песни
И пели горлицы еще чудесней.

Под солнцесветным розовым кустом
Там ложе красовалось над ручьем.

Над ложем покрывало из шелков,
Как будто райский неземной покров.

Два благородных ангела там сладость
Вкушали, незапятнанную радость.

Свет заливал их с головы до ног,
Ты с гурьями их сравнить бы мог.

В руках их чаши, а вокруг — весна,
Беседа их свободна и нежна.

То чаш края к устам они прижмут,
А то в лобзании уста солют.

То тихо разговором занимались,
То сну, когда хотели, предавались.

На службе некий старец был у них,
Пред ложем низко голову склонив,

Он каждый миг готовил им нисар,
И осыпал тех юных, полных чар.

Зейд, увидавший этот дивный сон,
Спросил у старца, грезой воскищен:

«Те кипарисы с чашами в руках
Как в райских именуются садах?»

В обитель, где так счастливы теперь,
Вошли они через какую дверь?»

Заговорил небесный старец с ним,
Ему промолвил языком немим:

«Влюбленные единственные эти —
Они друзья на том и этом свете.

Он в мире царь по честности своей,
Она по нежности — кумир людей.

Лейли не Ночью мы — Луной зовем,
Меджнуна — не Безумцем, а Царем.

В ларце любви два были чистых лала,
И верности печать их отличала.

В том мире не сбылися их желанья
И не осуществились упования.

А здесь они все скорби позабудут,
Не изменяясь, в вечности пребудут.

Кто в мире том не вкусит счастья плод,
Здесь голову высоко вознесет.

Кто был печальным, грустным в мире том,
Здесь больше уж не тужит ни о чем».

Когда, сияньем утра зажжено,
Зарделось ночи темное гумно,

Зейд пробудился от ночного сна,
И стала истина ему ясна:

Тот, кто в том мире место обретет,
От удовольствий всех земных уйдет.

Из праха этот мир, и бренность в нем,
Там — вечность мы и чистоту найдем.

Тот чистый мир, в себе таящий вечность,
Не лучше ль он, чем праха быстротечность?

Разумным будь, ошибок избегай
И за колючку розу не отдай.

Ища алмаз, уйдешь от рудника,
Останется пустой твоя рука.

В святилище любви, о друг, войди.
И от себя себя освободи.

В любви стрелой стремительного будь,
Чтоб мимо цели не прошел твой путь.

Стрела ведь прямоюй своей славна
И лук царей украсила она.

Любовь спасет от тяжких бед тебя,
Избавит от влюбленности в себя.

Любовь напиток горький поднесет,
Но жизнь твою она зато спасет.

Порой напитком, горьким, словно яд,
Любовь приносит тысячи усад.

Хотя напиток горький поднесен,
Коль чашник наш — любовь, не страшен он.

Хоть много мук судьба им принесла,
Любовь причиной этих мук была.

Но море слов исчерпано до дна,
Уже близка небытия страна!

Закончен сказ, себя ты не томи
И восхвали Аллаха, Низами!

Да будет сказ ключом от всех замков,
Пусть здравствует читатель этих слов!

Я начал сказ в отрадное мгновенье,
Да снидет благодать на завершенье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ С ИМЕНЕМ ШИРВАНШАХА

О царь, о шах, оплот ты мира славный,
Сто тысяч раз ты шах и царь державный!

Ты троны покоряешь, как Джамшид,
Твой свет, как солнце, над землей горит.

Тебе, о шах, покорен весь Шириан,
Абу-ль-Музаффар, доблестный хакан!

Нет, не Шириан — весь мир земной — он твой,
Шах Ахсатан, ты Кай-Хосров второй!

Ты — перстень, завершенье счастья царства,
Пусть без тебя не будет государство!*

* Далее в некоторых рукописях следуют еще пять бейтов:
Ты, кем всегда гордится род людской,
Два мира обустроены тобой,
Высокой благодатью быющий ключ,
Ты бесконечно чист, высок, могуч!

В тот день, когда ты, счастьем осиянный,
Касаясь неба головой венчанной,

Вкушать в своем досуге будешь сладость
И этот сказ тебе доставит радость,

Читая эту повесть, не одну
Найдешь в ней мысль и в складе новизну.

С охотой примет пусть ее душа.
Чтобы воскликнуть мог ты: «Хороша!»

Поскольку так великодушен ты,
Жду от тебя я этой доброты.

Хоть счастье, сердце, полное любви —
Суть добрые советники твои,

Но все ж и от советчика другого
Я выслушать тебя молю два слова:

Наш мир, как глянешь, — хитрый чародей,
Уже он столько пережил царей!

Стань бдительным, как тюрок, если сможешь,
Тогда могущество свое умножишь.²

Невинному пускай твой острый меч
За всякий грех главу не сносит с плеч.

Ты царства совершенный повелитель
И благодетельных щедрот даритель.
Ты — беспредельный океан, и в нем
Сто тысяч перлов-мыслей мы найдем.
Коль тысячи б Лукманов¹ появились,
Они б пред мудростью твоей склонились.

Пусть мир своим путем всегда спешит —
Ты в мире не окажешься забыт.

То царство, что тебя достойно, шах,
Оно, ты знай, всегда в твоих руках.

Ты беспредельно щедр, но никогда
От щедрости не будешь знать вреда.

Упорство, труд — они всегда нужны,
Когда ты хочешь пользы для страны.

В сокровище и в копиях толку нет,
Коль будет в них таяться царству вред.

Не думай допускать ты послабленья
В делах, необходимых для правленья.

Попросит враг прощенья у тебя —
Ты прогони его, покой любя.

Будь твердым, но терпенье не забудь,
И пей вино, но только трезвым будь.

Не забывай, хотя сильна десница,
За помощью ты к богу обратись.

Хоть дивных ты высот умом достиг,
Прислушайся и к мнению других.

С двуликим вместе не иди на бой,
Ищи чекашки четкой и простой.

Всегда держись подальше ты от тех,
Что нынче мягок, завтра — тверже всех.*

* Даже в некоторых рукописях следует еще один бейт:

Не стоит ничего — ты посмотри.
Тот, у кого два образца внутри.

Куда бы ты ногою не ступил,
Подумай, обеспечен ли твой тыл.

За девять можешь ты шагов дойти —
Не трать на это дело десяти.

И к тем, кто просит правого суда,
Людей правдивых посылай всегда.

Будь в слове крепок: страх внушать не над●
Тому, кто просит у тебя пощады.

Не приближай ты близко никого,
Не испытай как следует его.

И лучше человека ты проверь,
А до того всем клятвам ты не верь.

Не думай, что ничтожен враг ничтожный,
Смести, как шип, его с дороги можно.

К обидным ты не прибегай словам,
Чтобы обид не знать твоим ушам.

Кого ударил — с корнем вырывай,
Кого возвысил ты — не низлагай!

Копи одно богатство много лет —
Богатства лучше доброй славы нет.*

И слабого не убивай мечом,
Хотя б он кровным был твоим врагом,

* Далее в некоторых рукописях следуют еще восемь бейтов:

Хотя вино тебе разрешено,
Но лучше избегай ты пить вино.
И утром пей вино, но только так,
Чтоб от него хмелел твой худший враг,

Цель далека — ты верь своей судьбе,
Она приблизит цель твою к тебе.

Все эти сказки — только лишь предлог,
Чтобы с тобой поговорить я мог.

Ведь сердцу государя, без сомненья,
И не нужны такие поученья.

Лишь ты способен указать нам путь
И мысли мудрые вложить нам в грудь.

И будут здесь кольчугою твоей
Одни молитвы праведных мужей.

Как талисман, в дни счастья ты прими
И добрые желанья Низами!

Ты от того, кому подвластен свет,
О боже, удали малейший вред!

Пред ним любую дверь, господь, открой,
Везде подпорой будь ему благой!

Пусть бог его заступникам поможет,
Его врагов сомнет и уничтожит.

Сам не хмелей: ведь хмель с пути собьет
И к идолопоклонству приведет.
Когда дела уж слишком хороши,
От глаза руту ты зажечь спеши.
А если ночью ты развеселился,
Молитвы дуновеньем освежись,
Будь радостен ты на пиру с вином,
Отрадней будет на пиру таком!
Чтоб не было раздора меж гостей,
Ты на пиру отваги не жалеи.
Что сломано, спеша восстанови,
Неплохо в этом деле поспешить.

Пусть царство шаха, что не знает бед,
Прольет на эту повесть дивный свет!*

Я начал сказ в отрадное мгновенье,
Пусть снидет благодать на завершение.

* Далее в некоторых рукописях следуют еще двенадцать бейтов:

Фнах, что поднят царскою рукой,
Пусть будет полон лишь живой водою!
Прошу его хоть каплю мне поднести
За сказ, что написал ему я в честь.
Что ж до того, кто начал в добрый час
И счастливо закончил этот сказ,
О боже, ты по милости своей,
На все его дела свой свет пролей!
Пред ним ворота счастья ты открой!
Чтоб с горем он не znalся и бедой!
Величием своим оберегай,
Под сению праведности охраняй.
От всех напастей ты спаси его
И в двух мирах ты вознеси его.
О Низами, уже к концу пришла
Та повесть ныне, господу хвала!
Да будет сказ ключом от всех замков,
Пусть здравствует читатель этих слов!
«Асйли — Меджун» — пера неслеренный тст.
Что сто безумцев в чувство приведет,
Был в этот понедельник завершен
По милости владыки всех времен.
Когда с дня Хиджры прожил белый свет
Пятьсот и восемьдесят восемь лет.

КОММЕНТАРИИ

НАЧАЛО КНИГИ. ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСТИВОГО
И МИЛОСЕРДНОГО

¹ Семь невест — семь планет.

² Девять паланкинов — девять небес, т. е. семь небесных сфер (по числу планет), звездное небо и высшее небо.

³ По-арабски «куи файакуи» — выражение, взятое из 82-го стиха 36-й главы Корана: «Его приказ, когда он желает чего-нибудь; стоит только сказать ему: «Будь!» — и оно бывает» (Коран, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, М., 1969). Согласно мусульманской теологии, Аллах создал вселенную при помощи этого восклицания. Смысл бейта: «Ты создал все живое и мертвое».

⁴ Т. е. Аллах сотворил мир один, без чьей-либо помощи.

⁵ Т. е. Аллах создающий трудности («узлы») в судьбах людей, сам же их разрешает.

⁶ Если по воле Аллаха люди и становятся прахом, то это, по мысли Низами, ведет к изменением в лучшую сторону («блеску зеркал»).

⁷ Два знака — два согласных звука — каф (к) и нун (н), из которых состоит повелительная форма глагола «кана» (быть) — см. прим. 3.

⁸ Бисутун — древнее название Багастана (Обитель богов) — скалы у дороги из Хамадана в Керманшах (северо-западный Иран). На этой скале до наших дней сохранилась клинописная надпись, высеченная по приказу Ахеменида Дария I (V в. до н. э.), и рельефные изображения. Монах связала эти барельефы с легендой о Фархаде, будто бы раздробившем эту гору. Развалины ахеменидского дворца в этой местности сейчас известны под названием «Замок Ширин». Этимология слова «Бисутун» ко времени Низами была забыта и значение его пояснили как «лишенный колонн», что метафорически обозначает небо, небосвод.

⁹ Согласно мусульманской теософии, до сотворения мира Аллах начертал на «хранимой скрижали» (лоух-и махфуз) имена и назначения всего сущего и при этом не допустил ни одной ошибки. Надо здесь заметить, что

- в арабском письме громадную роль играют точки под и над буквами, от числа и правильного расположения которых зависит правильное прочтение слова.
- 10 В восточной поэзии развалины очень часто ассоциируются с кладами, зарытыми там в давние времена.
 - 11 Путники, шедшие за караваном, держались за торока, которыми привязывали груз к вьючному животному. Это выражение употреблялось обычно по отношению к рабам или саугам.
 - 12 Природа человека неблагоприятна («медь»). Но с помощью эликсира божественной сущности медь может превратиться в золото.
 - 13 В целом ряде рукописей слово «джахал» (невежество) исправлено на «джахд» (усердие). Мы принимали этот вариант.
 - 14 Закят — налог с имущества мусульман в пользу бедных, милостыня, подающие.
 - 15 В этом и предыдущем бейтах заключена следующая мысль: подобно тому, как тень под лучами превращается в свет, я под сенью твоей благодати освобожусь от темной, мрачной сущности своего «я» и прозрею.
 - 16 Т. е. бог вечен и вечно властен над жизнью и смертью.
 - 17 Буквально этот бейт можно перевести так:
Ты создал мою шагрень (грубую кожу) из земли,
А затем из этой же земли ты создал мне сафьян (сафьяновую скатерть для хлеба насущного).
Т. е. я дважды облагодетельствован тобой.
 - 18 Хабеш — Эфиопия; хабешец — синоним смуглости, черноты.
 - 19 Хотан — Синьцзян (Китайский Туркестан); хотанец — синоним белызни.
 - 20 В тексте здесь употреблено слово «рауза», что означает «сад» и «гробница святого»; т. е.: разреши мне перейти к славословию пророка Мухаммеда.

СЛАВОСЛОВИЕ ПРОРОКА — ДА БЛАГОСЛОВИТ ЕГО АЛЛАХ И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ!

- 1 Т. е. ты являешься сладостью скатерти пророков и первой солью ее. Именно ты — последний и самый мудрый из пророков и являешься солью их, т. е. первым из них.
- 2 Речь идет о так называемом «Лотосе крайнего предела», растущем на дельте неба, у престола Аллаха, куда закрыт путь даже ангелам.
- 3 Туттиа — целебная мазь для улучшения зрения.
- 4 Михраб — стрельчатая ниша в мечети, к которой обращены лицом правоверные во время молитвы.
- 5 Куня — уважительное наименование по имени старшего сына, обозначается с помощью слова «абу» (отец).
- 6 Т. е. никому не будет дарована печать победы, успехов до тех пор, пока он не примет веры Мухаммеда, не полюбит его. Здесь поэт обыгрывает

омонимичность слов «мехр» (любовь) и «мохр» (печать, перстень с печатью).

7 Семь шатров — семь небесных сфер.

8 Т. е. круговращение времен, оседлавшее семь коней — небесных сфер, под натиском твоего коня превратилось в обычную пешку на шахматной доске вселенной.

9 Здесь содержится намек на один из обязательных обрядов, совершаемых паломниками в мусульманском святилище Каабе (Ка'бе), который заключается в хождении, совершении обхода вокруг нее. Иными словами, звезды на небе кружатся вокруг твоего святилища, хотя и делают вид, что двигаются по небосводу.

10 Мусульмане молятся пять раз в день. Эти пять молитв поэт сравнивает с боем в литавры и ударами барабана, которые пять раз в день совершались перед воротами дворца могущественных султанов и царей.

11 Основу ислама составляют пять «столпов»: единобожие, молитвы, пост, налог в пользу бедных и паломничество в Каабу.

12 — 15 «Преданный» — по-арабски Садик (друг) — прозвище Абу-Бакра, одного из ближайших сподвижников пророка Мухаммеда, первого праведного халифа (632—634); «Прозорливый» — по-арабски Фарук (пропавший, прозорливый) — прозвище другого сподвижника Мухаммеда, второго халифа Умар-а-Хаттаба (634—644). Богобоязненный старик — прозвище третьего халифа, Усмана (644—656); Лев Аллаха — прозвище четвертого праведного халифа, двоюродного брата Мухаммеда и мужа его дочери — Али (656—661).

16 Четыре столпа Ислама: 1) Коран; 2) предания о Мухаммеде, его личные суждения и беседы; 3) решения общины мусульман; 4) решения по аналогии. Четыре арки — четыре халифа.

17 Т. е. подобно тому, как твои прекрасные брови составляют слитную пару, так и четыре основы Ислама и четыре халифа образовали единую монолитную пару (стали парой и Одним).

18 Букв. «С этими браслетами на руках ты совершил танец до того места, где находится прах Аллаха».

МИРАДЖ (ВОСХОЖДЕНИЕ НА НЕБО ПРОРОКА)

- 1 Семь сокровищниц — семь небесных сфер: четыре жемчуга — четыре стихии: огонь, воздух, вода и земля.
- 2 Магь (звезда) — Млечный Путь.
- 3 Джабраил — архангел Гавриил, вестник Аллаха к Мухаммеду; через него был ниспослан Коран.
- 4 Утарид — планета Меркурий, который является небесным писцом и ведет записи на своих скрижалях.

- ⁵ Зухра — планета Венера. Существовал обычай посыпать драгоценностями дорогу перед высокопоставленными гостями в знак уважения. Т. е. Венера ждала с подносом драгоценностей (окружающих ее звезд), чтобы посыпать ими твой путь.
- ⁶ Маррих — планета Марс.
- ⁷ Муштари — планета Юпитер.
- ⁸ Кейван — планета Сатурн.
- ⁹ Ночь Кадр — ночь, когда пророку Мухаммеду была ниспослана Коран. Кадр означает «могущество» и «цена».
- ¹⁰ Бурак — имя коня Мухаммеда.
- ¹¹ Выражение «Не коснися» (букв. не отклони своего зрения), взято из 17-го стиха 53-й главы («Звезда») Корана: «...Не уклонилось его зрение и не зашло далеко: он действительно видел из знамений своего Господа величайшее» (Коран, с. 420).
- ¹² Девять стягов и девять колец — девять небесных сфер.
- ¹³ Микаил — архангел Михаил.
- ¹⁴ Исрафил — архангел, который звуком трубы возвестит о начале Страшного суда. От звука его трубы расколется земля, рассыплются в прах горы и мертвые восстанут из могил.
- ¹⁵ Рафраф — архангел Рафаил.
- ¹⁶ «Рынок сторон» метафорически обозначает «вселенная», «мир». Т. е. ты перешел за пределы физического мира.
- ¹⁷ Скатерть — земная поверхность; т. е. освободил землю от тяжести преступлений тиранов и скинул завесу с их злодеяний.
- ¹⁸ Двое враждующих — день и ночь; четыре ноги — четыре стихии, постоянно спорящие между собой. Т. е. наведи в мире такой порядок, чтобы даже ночь и день и четыре стихии не враждовали между собой.
- ¹⁹ Аят — стих Корана.

ВЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СОТВОРЕННОСТИ СУЩЕГО

- ¹ Рейхан — базилик.
- ² Во время новгородного праздника (Новруза) цари устраивали всеобщий прием и прощали долги, недоимки крестьянам и горожанам.
- ³ Смысл этого и предыдущих бейтов таков: Я приготовляю пищу из веских доказательств сотворенности сущего и часть этой пищи, приготовленной из моей печени (т. е. из лучшего, что у меня есть), пусть достанется моему сыну Мухаммеду.

НАЧАЛО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

- ¹ Т. е. если твоя мысль захочет проникнуть за пределы физического мира, в божественную сферу, она потерпит неудачу.

- ² Тирьяк — опиум, который считался в те времена противоядием.
- ³ Муса — библейский Моисей, один из шести великих пророков, признаваемых исламом. Карун — библейский Корей, легендарный богач, который был проклят Моисеем за скупость и поглощен землей вместе со своими богатствами.
- ⁴ Имеется в виду железное кольцо на воротах (дверях), которым стучали по железному кругу, чтобы оповестить хозяина дома о приходе.
- ⁵ Здесь и в предыдущих бейтах поэт обыгрывает полисемантичность слова «парда», которое обозначает: 1) лад. 2) завесу, 3) песню, 4) тайну, 5) лады на грифе струнных инструментов, мотив, тон и т. д.
- ⁶ Барбад — легендарный музыкант и композитор VII века, служивший у сасанидского царя Хосрова (690—728).
- ⁷ Т. е. небесные сферы вложены друг в друга.
- ⁸ Под «океаном» поэт подразумевает эфир мироздания.
- ⁹ Под семью волнами имеются в виду семь небесных сфер.
- ¹⁰ Смысл этого и предыдущих бейтов сводится к тому, что выше небесных сводов нет физического мира. Поэтому человеческий разум не должен стараться проникнуть за эти пределы.
- ¹¹ Смысл этого и предыдущих бейтов: хотя земля дает зерну силу родить, но облик колоса, рождающегося из зерна, заложен в нем богом.
- ¹² Под «силом бренности» имеется в виду мир, земная жизнь.

ПРИЧИНА СОЧИНЕНИЯ КНИГИ

- ¹ Кай-Кубад — легендарный шах древнего Ирана, прославившийся своим могуществом и пышными пирами.
- ² Имеется в виду ширваншах Ахатан, сын Манучихра (1160—1196).
- ³ Шаб-чират — светившийся ночью волшебный камень.
- ⁴ Т. е. разукрась эту поэму изысканными выражениями, свойственными арабской и персидской поэзии.
- ⁵ Ширваншахи возводили свой род к раннесредневековой иранской династии Сасанидов. Они кичились своим «высоким происхождением» и ненавидели подлинных правителей Азербайджана — атабеков, постоянно враждовавших с ними. Ширваншахи считали тюрок (в те времена азербайджанцев называли тюрками) грубыми, неотесанными, малокультурными. Об этом см. подробно в предисловии.
- ⁶ В эпоху Низами рабы, особенно царские, носили в ушах специальные кольца.
- ⁷ Под «халифом» здесь подразумевается поэзия.
- ⁸ Жемчуг и тюльпан — сын поэта Мухаммед. Первая страсть и последний напиток — горько любимая, безвременно скончавшаяся жена поэта — Афак.
- ⁹ Т. е. твоя песня (стих) — это твоё детище, а следовательно, это мой брат.

- 10 Поэма написана в количественном метре, в размере одной из разновидностей хазаджа. В оригинале присутствует игра слов. «Бахр» означает стихотворный размер, и море.
- 11 Сумма числовых значений букв «с», «ф» и «д» составляет 584. Т. е. по европейскому летоисчислению поэма завершена в сентябре 1188 г.

ВО СЛАВУ ШИРВАНШАХА АХСАТАНА, СЫНА МАНУЧИХРА

- 1 Белые и черные — дни и ночи, т. е. время, эпоха.
- 2 Джаал ад-Дин ва-д-Даула — букв. «Величие веры и государства», прозвище Ахсатана.
- 3 Абу-л Музаффар — «Отец Музаффара», куня Ахсатана. Куня — см. выше.
- 4 Т. е. султан, который трудится, а не проводит свои дни в царских палатах.
- 5 Бахрам — планета Марс.
- 6 Мхраб — см. выше. Под «семью мужами» подразумеваются или семь отроков — «друзей пещеры» (Коран, гл. XVIII), или же семь мусульманских святых, избранных из числа 356 (Кутб, Гуре, Ихбар, Оутад, Абдал и т. д.).
- 7 Двенадцать башен — двенадцать знаков зодиака.
- 8 Шесть пальцев — шесть измерений пространства (север, юг, восток, запад, верх, низ).
- 9 — 10 Один глаз — солнце, четыре руки — четыре стихии, крючок — небосвод. Т. е. солнце, все знаки зодиака, стихии и т. д., чтобы покорно служить шаху, висят на небесном крючке, как кольцо на дверях.
- 11 Т. е. когда он садится на своего облакоподобного коня, то поднимает такую бурю, что вода поднимается выше огня.
- 12 Кейсар (Кесарь) — византийский император. Фагфур — китайский император. Во времена Низами Византия и Китай были двумя самыми могущественными империями мира.
- 13 «Чихание» здесь употреблено в смысле «ничтожная, мизерная частица». Сравнение солнца с чиханием — обычный прием в поэзии XII в.
- 14 Ариш — легендарный лучник, герой «Шах-наме» Фирдоуси. Стрела, пущенная им, телом тысячи фарсангов (один фарсанг равен 6—7 км).
- 15 Ады — легендарное арабское племя, воины которого были вооружены длинными копьями.
- 16 Парвиз — иранский император из династии Сасанидов; Хосров Парвиз (590—628) — герой второй поэмы Низами «Хосров и Ширин».
- 17 Т. е. в гиссе он сокрушает львов, подобно тому, как Солнце захватывает созвездие Льва.
- 18 В арабской графике имя Ахсатана состоит из шести знаков-букв. Под «шестью сторонами» подразумеваются север, юг, запад, восток, верх, низ, т. е. весь физический мир.

- 19 Нарды — распространенная на востоке настольная игра. Игроки бросают кубики (зары), на которых изображены числа от одного до шести, и согласно выпавшим цифрам передвигают фишки. Наиболее удачным броском считаются две шестерки.
- 20 Поэт сравнивает ширваншаха с солнцем, а его врагов — с тенями.
- 21 Афрасияб — легендарный полководец, патриарх и вождь тюрков, война которых с персами во главе с Кай-Хосровом описана в «Шах-наме» Фирдоуси.
- 22 Рустам — легендарный богатырь, главный герой «Шах-наме» Фирдоуси.
- 23 Джамшид (Джам) — мифический царь древнего Ирана, в царствование которого на земле было полное счастье, не было ни болезней, ни смерти, ни вражды. Джамшид возгордился, и бог в наказание отдал его во власть тирана Заххака, который зверски казнил его — распинал пилою пополам. Джамшид считался обладателем чудесной чаши, с помощью которой он мог видеть все, что происходит в любой точке земли.
- 24 Махмуд (999—1030) — самый могущественный представитель династии Газневидов, создавших в начале XI в. великую империю. Махмуд совершил несколько походов в Индию и вывез оттуда большое число боевых слонов.
- 25 Поэт обыгрывает слова «пил» — слон и «пила» — большая чаша для вина, чара.
- 26 Новруз — первый день весны, Новый год древнего иранского солнечного календаря, национальный праздник, приходящийся на 22 марта.
- 27 Увайс (VI—VII вв.) — один из страстных поклонников пророка Мухаммеда, с которым ему так и не удалось встретиться.
- 28 Поэт сравнивает внешность ширваншаха Ахсатана с внешностью пророка Мухаммеда, который якобы отличался необычайно красивой наружностью.

ЧЕЛОБИТНАЯ

- 1 Хутба — молитва за правящего государя и за всю общину правоверных. Хутба читалась по пятницам в мечетях после обычной молитвы.
- 2 Здесь и в последующем бейте поэт обыгрывает полную омонимию слов «каш» (солома) и кашкашан (Млечный Путь). Сунбул — колос ячменя, пшеницы, Сунбула — созвездие Девы.
- 3 Каф, Кафские горы — легендарные горы мифологической географии времен Низами, якобы окаймлявшие Землю. От Кафа до Кафа — по всей земле.
- 4 Последнее утро — утро в день воскрешения мертвых.

О ПОРУЧЕНИИ СВОЕГО СЫНА СЫНУ ШИРВАНШАХА

- 1 Речь идет о сыне Низами, Мухаммеде.
- 2 Под «алмазами» в первой строке бейта поэт имеет в виду красноречивые слова своего сына Мухаммеда, а во второй строке под рудником подразумевает ширваншаха Ахсатана.
- 3 Юсуф — Иосиф Прекрасный, символ красоты.
- 4 Четыре жемчуга — четыре стихии. Т. е. он легко выигрывает у венценосцев этот мир.
- 5 Во время молитвы лицо молящегося должно быть обращено к михрабу (см. выше). На этом построено много образов поэзии времен Низами. Здесь поэт утверждает, что все властители во время молитвы лицом обращаются в сторону царевича.
- 6 Поэт подчеркивает, что отец и мать царевича происходят из двух царских родов. Действительно, мать Ахсатана Тамар была дочерью знаменитого грузинского царя Давида IV (1089—1125).
- 7 Низами называет себя отцом своей поэмы; следовательно, его сын Мухаммед приходится ей братом. Словом «содержание» переведен арабско-персидский термин «марсум», который означал определенную сумму денег, выплачивавшуюся из казны. Марсум назначался самим царем (султаном).
- 8 С кипарисом поэт сравнивает стройный стан царевича, а садом называет ширваншаха.
- 9 Хызр — таинственное существо, не божественное, но обладающее бессмертием. По преданию, Хызр нашел путь к источнику живой воды в подземном царстве и испил ее. Он способен чудесно перемещаться в пространстве и приходить на помощь путникам, погибающим в пустыне.

ЖАЛОБА НА ЗАВИСТНИКОВ И ЗЛОПЫХАТЕЛЕЙ

- 1 Семиглавая книга — Коран. Чтецы Корана в свое время разделяли его на семь частей и, читая в день одну часть, в течение недели завершали всю книгу. Кроме того, Коран делится на семь частей и по тематике (ваад, вайд, вааз, кисас, амр, нахй и ад'на).
- 2 Масих (Месих, Месиха) — перевод древнегреческого слова «Масиха» (Мессия) — имя Христа, что означает «помазанник (божий)». Это имя является как бы прозвищем Исы — Иисуса Христа, одного из шести великих пророков, признаваемых Исламом (Адам, Авраам, Ной, Моисей, Иисус, Мухаммед). Мусульманский, коранический Иса — не богочеловек, передавший людям божественное откровение, а лишь пророк. По поверью, дышавшее Исы обладало чудесной способностью воскрешать мертвых.
- 3 Тенеподобные — завистники.
- 4 Желтоухие — хулителю и злопыхатели.

- 5 Море очищает свои берега само, с помощью волн (во время штормов, гнева), а поэт очищает свое окружение спокойно, с улыбкой из уст.
- 6 В те времена стучали по корпусу светильника, чтобы сгоревшая часть фитиля упала и светильник горел ярче. Далее поэт сравнивает пламя свечи со смехом (улыбкой), т. е. она (свеча), улыбаясь и сгорая, гаснет.
- 7 Недуг четвергом — эпилепсия. Считалось, что у страдающих этим недугом приступ болезни наступает по четвергам. Поэт сравнивает своих завистников с эпилептиками.
- 8 Чтоб оградить себя от дурного глаза, в мусульманских странах до сих пор сжигают руту, дым которой якобы защищает от глаза.
- 9 Исфандияр — один из легендарных героев «Шах-наме».
- 10 Смысл этого и двух предыдущих бейтов таков. Сумма числовых значений букв имени «Низами» составляет 1001. У Аллаха же 1001 обычных имен-эпитетов. Сумма числовых значений имени «Илайс» составляет 102. Если вычесть из них «алиф» (а=1) и «бе» (б=2), останется 99. У Аллаха же 99 красивых имен (асма-и гасна). Совпадение суммы числовых значений букв имени Низами с количеством имен Аллаха и есть та «рута», о которой говорилось выше (см. прим. 8).
- 11 Речь идет об Искендере — Александре Македонском, который является героем многих иранских преданий.
- 12 Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный, сын Якуба — Иакова. Отец любил его больше остальных детей, и они из зависти решили избавиться от него. Они увезли Иосифа в пустыню и бросили в глубокий колодезь, откуда его потом спасли египетские купцы. Легенду о Юсуфе-Иосифе Коран излагает весьма подробно, причисляя его к пророкам, жившим до Мухаммеда.
- 13 Иса — Иисус Христос, которого жестоко преследовали его соотечественники.
- 14 Ахмед — другая форма имени пророка Мухаммеда. Абу-Лахаб (буквально «Отец геенны») — прозвище, которым награждал пророк Мухаммед своего дядю за то, что тот преследовал его в начале его пророческой миссии.

ПРОСЬБА О ПРОЩЕНИИ ЗА СВОИ ЖАЛОБЫ

- 1 Под «псом» поэт подразумевает завистника.
- 2 Свои стихи сравнивает с товаром, а ценителей поэзии с купцами, хорошо знающими, какал страна каким товаром славится.
- 3 Поэт сравнивает себя с розой, жизнь которой очень коротка, ибо, как только она распускается, ее срывают. Завистников же он сравнивает с теми, кто срывает розы.

НАЗИДАНИЕ СВОЕМУ СЫНУ, МУХАММЕДУ НИЗАМИ

- ¹ Афоризм, приписываемый пророку Мухаммеду. Ему следовали все придворные поэты эпохи Низами.
- ² Под «кривыми линиями» подразумевается человеческая фигура, которая отличается несовершенством. Двуступище построено на известном афоризме, приписываемом пророку Мухаммеду: «Кто познал себя, тот познал и своего Господа».
- ³ Факих — мусульманский законовед-богослов.
- ⁴ Т. е. воскрешая мертвых, подобно тому, как воскрешал Иса-Иисус своим дыханием.

ПОМИНАНИЕ ДЯДИ ХАДЖЕ УМАРА

- ¹ В оригинале обыгрывается омонимия слова «хамшира» (сестра) и «шира» (сок). Под райским напитком имеется в виду вода райской реки Каусар (Ковсар).

О ПРЕДАНИИ СВОГО БЫТИЯ ЗАБВЕНИЮ

- ¹ Шербет здесь означает противоядие.
- ² Согласно рекомендациям тогдашней медицины, чтобы остановить кровотечение, к ране прикладывали паутину.

О ЗАБВЕНИИ ТЩЕСЛАВИЯ

- ¹ Сель — горный поток, несущий грязь и камни.
- ² Имеются в виду четыре стихии: вода, огонь, воздух (ветер) и земля (прах).
- ³ Чанг — струнный музыкальный инструмент наподобие лиры или арфы.

О ЗАБВЕНИИ ПРОШЕДШЕЙ ЖИЗНИ

- ¹ Имеется в виду Коран (см. выше).

ПРИТЧА

- ¹ Кааба (Ка'ба) — храм в Мекке, точнее черный камень (метеорит), находящийся в главной мечети мусульман в Мекке. Кааба является величайшей святыней ислама, мусульмане совершают паломничество к ней и в сторону Каабы обращаются во время молитвы.

- ² Под «деревней нашей» поэт имеет в виду этот мир, где, чтобы преуспеть, надо быть дерзким (бешеным).
- ³ Т. е. вино, которое растворяет хонтоносный камень (минерал), обнажит хонт, заключенный в нем.

О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ТЕРПЕТЬ ГНЕТ

- ¹ Т. е. если ты будешь угождать всем, будешь шелковым со всеми, то подобно лягушке, станешь питаться грязным илом.

О ТОМ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ОТНИМАТЬ У ЛЮДЕЙ ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

- ¹ Т. е. змею, которая отклонится от своей дороги, растопчут, и она будет извиваться от боли.
- ² Захид — праведник, богомолец.

О РАДОСТИ ДОВОЛЬСТВА МАЛЫМ

- ¹ Мугское вино—вино, изготавливавшееся мугами-огнепоклонниками, чья религия разрешала пить вино.

О РАДОСТИ СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ

- ¹ Под «кошмой» имеется в виду земной круг, дороги жизни.
- ² Под «печенью» здесь и далее подразумевается сердце.

О СКОМНОСТИ, КОТОРАЯ ПРИВОДИТ К ВЕЛИЧИЮ

- ¹ Лепесток по-персидски «сифар», что означает также «щит». Отсюда упоминание щита в следующем бейте.
- ² Имеется в виду груз добрых дел, богоугодных деяний.
- ³ В оригинале буквально сказано:
Ведь ты видишь, когда луна бывает ущербной,
Она избалывается от резанья хвоста.
Это следует понимать так: когда луна полная, ей каждый день режут хвост (т. е. она идет на убыль), а когда она неполная, ничто не угрожает ей.

О СОЧИНЕНИИ СЛОВ В УЕДИНЕНИИ

- ¹ Юный (девственный) жемчуг — жемчуг чистой воды. По поверью, жемчуг образуется следующим образом: чистые дождевые капли проникают сквозь толщу воды на дно океана, попадают в раковины и через некоторое время превращаются там в жемчуга.

НАЧАЛО ПОВЕСТИ

- ¹ Карун — (по Библии и Корану) — сказочный богач (см. выше).
- ² Аджам — все неарабские страны, находившиеся в средние века под властью халифата. В средневековых источниках этим словом чаще всего обозначали Иран.
- ³ Наследник пророка по-арабски «халиф». Халифы считались наследниками Мухаммеда.
- ⁴ Дирхем (от греческой драхмы) — мера веса и монета, содержавшая 3,148 г. серебра.
- ⁵ С месяцем сравнивается жасмин (цветок белого цвета); он же сравнивается с дирхемами — серебряными монетами. Под месяцем подразумевается красивый, здоровый сын.
- ⁶ Жемчуг — сын.
- ⁷ Чтобы уберечь детей от дурного глаза, лицо их обводили линиями индиго.
- ⁸ Тюльпан в чаше своей содержит белую влагу, а лепестки белого жасмина растут вокруг пестика молочного цвета.
- ⁹ Кейс по-арабски означает «мерило».
- ¹⁰ Жемчуг страсти — сущность, самая суть любви.
- ¹¹ Тюльпаны — губы; фиалки — пушок на губе.
- ¹² Касыда — длинное стихотворение лирического характера. Шахбейт — самое сильное двуступище в стихотворении («царское двуступище»).
- ¹³ «Лейли» — по-арабски означает ночь.
- ¹⁴ В оригинале использована игра слов. Буквально бейт звучит так: Этот вручил свою душу ее красе, Он унес (похитил) ее сердце, но не унес (невредимой) свою душу.

О ТОМ, КАК ЛЕЙЛИ И КЕЙС ПОЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА

- ¹ Здесь речь идет о солнце, которое сравнивается с Юсуфом (Иосифом Прекрасным).
- ² Это и следующие четыре двуступища построены на сложной игре слов «цитрон» и «померанец».
- ³ В двуступище содержится намек на известный эпизод из легенды об Иосифе Прекрасном (Юсуфе). Когда Иосиф служил у египетского вельможи Пенгефрия, его жена Зулайха безумно влюбилась в Иосифа, и вскоре об этом начали судачить в городе. Тогда Зулайха пригласила к себе жен всех вельмож и сановников, разложила перед ними померанцы и яблоки и неожиданно ввела Иосифа. Пораженные его красотой женщины вместо померанцев начали резать свои пальцы.
- ⁴ Т. е. Лейли и Кейс вместе представляли такое прекрасное зрелище, что друзья, любуясь ими, забывали о своих печалих.
- ⁵ Мускус, извлекаемый из пушка кабарги, хранили в шелковом мешочке, который туго завязывался. Т. е. подобно тому, как запах мускуса слышен,

как бы туго ни завязывали мешочки, так и любовь Кейса и Лейли давала о себе знать, как бы они ее ни скрывали.

- ⁶ Газель — Меджнун, зелень — Лейли.

О СВОЙСТВАХ ЛЮБВИ МЕДЖНУНА

- ¹ Кандальник, сидящий на цепи, — сумасшедший. В описываемые времена сумасшедших сажали на цепь.
- ² Т. е. Меджнун, вобравший в себя все горести и вздохи безответно влюбленных. Канун — струнный музыкальный инструмент. В IX в. в Багдаде при дворе халифов не смолкали музыка и песни. Тогда же канун стал символом несмолкающих любовных и лирических песен.
- ³ Див — дьявол, злой дух, сказочное чудовище.
- ⁴ Харут и Марут — имена двух ангелов, которые, согласно мусульманской легенде, презирали род человеческий, погрязший в грехах. Для испытания Харут и Марут были посланы на землю в человеческого облике. На земле они влюбились в красавицу Зухру и под влиянием охватившей их страсти совершили ряд тяжких преступлений. В наказание за это они были низвергнуты в колодезь в Вавилоне, где будут пребывать до Страшного суда. Из глубины этого колодезя они обучают желающих магии.
- ⁵ Т. е. по могуществу в любви он был равен легендарному царю древнего Ирана Кай-Хосрову.
- ⁶ Т. е. солнце обвело свое лицо синим кругом, чтобы спастись от взгляда — затмения.

МЕДЖНУН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВСТРЕЧУ С ЛЕЙЛИ

- ¹ Калабанд — вышитое покрывало, закрывающее голову и лицо.
- ² Рубаб — смычковый музыкальный инструмент.
- ³ У суфиев был обычай «служения», когда во время их сборов музыканты играли нежные, лирические мелодии, а суфии пускались в пляс и в экстазе дарили музыкантам свое рубище, считавшееся у них самой священной и дорогой вещью.
- ⁴ Под «шелком» имеются в виду нежные чувства. — Меджнун же сжигал рубу, что якобы предохраняло от дурного глаза.

ПЛАЧ МЕДЖНУНА ОТ ЛЮБВИ К ЛЕЙЛИ

- ¹ Валик и Азра — главные герои одноименной поэмы знаменитого персидского поэта Унсури (ум. в 1040 г.).
- ² Джейхун — старое название реки Аму-Дарья.
- ³ Йеменская звезда — Канопус (Сухейл), символ красоты у арабов.
- ⁴ Индус — в старинной иранской поэзии символ чернокожего раба, тайного похитителя.

- ⁵ Известное кораническое выражение.
- ⁶ По поверью, у эпилептиков (безумцев) во время новолуния наступает приступ болезни.
- ⁷ Буква «лам» (ل) пишется в виде дуги, а две буквы «йай» (ي) пишутся в виде изгибов.
- ⁸ Слово «Лейли» в арабском письме состоит из четырех букв (лам, йай, лам, йай).

ОТЕЦ УВОЗИТ МЕДЖУНА В КААБУ

- ¹ Хадж — паломничество, которое мусульмане совершают в определенное время года к храму Каабы в Мекке.
- ² Речь идет о кольце на воротах храма Каабы, одно прикосновение к которому, согласно поверью, избавляет человека от бед. Во времена поэта рабы носили специальные кольца в ушах в знак верности хозяевам.
- ³ Под «сокровищем» имеется в виду та часть Мекки, где находится главная святыня мусульман — Кааба.
- ⁴ Согласно мусульманскому законодательству, есть действия дозволенные (халаал) и недозволенные (харадж). Смысл двустишия: если Лейли прольет кровь Меджуна, он сочтет это дозволенным поступком, не подлежащим наказанию.

ОТЕЦ МЕДЖУНА УЗНАЕТ О НАМЕРЕНИИ ПЛЕМЕНИ ЛЕЙЛИ

- ¹ Шихна — начальник городской стражи (вождь племени).
- ² Буквально этот бейт гласит следующее:
Он был одинок, как скатерть его двустиший,
Смысл которых был обширен, а рифма узка (т. е. форма лаконична).
- ³ Т. е. он был согнут горем, как лук, и прям в своей любви, как стрела.

ОТЕЦ НАСТАВЛЯЕТ МЕДЖУНА

- ¹ Т. е. после такого светопреставления, шума поднятого вокруг тебя, ты должен был бы образумиться, прийти в себя, воскреснуть (как мертвые в день светопреставления).
- ² Руд — струнный музыкальный инструмент.

РАССКАЗ

- ¹ Под смехом куропатки имеется в виду ее кохотание.
- ² Гази — борец за веру, воин священной войны.
- ³ Речь идет о тазе палача, в который стекает кровь казненного.

О СОСТОЯНИИ ЛЕЙЛИ

- ¹ Под «семью халифами» имеются в виду семь планет.
- ² В оригинале: «Победительница в игре, связанной со страхом и надеждой», т. е. в любовной игре. Во многих восточных играх игроки мечут кости (зары).
- ³ Кипарис — стройный стан.
- ⁴ Т. е. привычной музыкой для женщины является звук двууглового веретена, а Лейли вместо веретена взяла себе оружие царей — стрелу и пронзила ею сердце Меджуна.
- ⁵ Этот и предыдущий бейты в оригинале выглядят так:
Вдев в ушки свои золотые кольца,
Она приставила свои ушки, словно кольцо, к двери.
И с кольцом своих ушей она ладила
И это кольцо не доверяла чужому уху.

ЛЕЙЛИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ГУЛЯТЬ ПО САДУ

- ¹ Под «киноварью» имеются в виду красные лепестки тюльпана, а под «черной» подразумеваются черные тычинки в сердцевине тюльпана.
- ² Аргаван (багряник, нудино дерево) — распростирающееся на Востоке и у нас в Крыму дерево (полукустарник), которое весной цветет ярко-розовыми цветами.
- ³ Ирем — название сада, созданного мифическим тираном Шеддадом, который, обладая властью над людьми и духами, решил устроить на земле подобие ада и рая. Ирем — подобие рая.

СВАТОВСТВО ИБН-САЛАМА К ЛЕЙЛИ

- ¹ Гуляб — розовая вода.
- ² Салам — привет. Ибн-Салам буквально значит: сын мира, приветливый.

НОВФАЛ ПОСЕЩАЕТ МЕДЖУНА

- ¹ Другое написание этого имени — Ноуфал. Здесь мы сохраняли транскрипцию, принятую переводчиком.
- ² Т. е. она стала предметом пересудов: певцы пели о ней под аккомпанемент чанга и флейты и ославляли ее.
- ³ Под «Шейхом Неджа» имеется в виду злой дух пустыни, где находится гора Неджд.
- ⁴ Намаз — молитва. Стирали много раз сорочку — т. е. пытались исцелить от любовного недуга.
- ⁵ Имеются в виду черные волосы Меджуна.

БИТВА НОВФАЛА С ПЛЕМЕНЕМ ЛЕЙЛИ

- ¹ Дейлемцы — жители Дейлема (Иран), носившие длинные волосы. Слово «дейлем» одновременно обозначает лом, кирку с острым концом.
- ² На кончике древка знамени в то время укрепляли металлический кружок — изображение солнца.
- ³ По представлению астрономов того времени, лик созвездия Плеяды был покрыт оспинками.
- ⁴ Черные львы — воины племени Лейли, белые дивы — сторонники Новфала.
- ⁵ Одним из обязательных ритуалов хаджа (см. выше) было хождение вокруг священного камня — Каабы.
- ⁶ Русские в классической поэзии того времени служили символом белизны, дня, а черноволосые грузины метафорически обозначали вечер, сумрак ночи. Голова русского — в данном случае солнце (тут имеет место и игра слов — сари-рус значит голова русского, но можно прочесть и сари-руз — то есть голова дня, иными словами, солнце). В то же время здесь можно усмотреть намек на современные Низами события. В 1187 году грузинская царица Тамара развелась со своим первым мужем, русским князем Юрием, сыном Андрея Боголюбского, что привело к трудностям во внутриполитической жизни Грузии. Азербайджан в то время был тесно связан с Грузией.
- ⁷ В подлиннике буквально сказано:

Когда черная змея (ночь) убрала свои фишки (звезды),
Заххак утреннего рассвета заулыбался.

- Заххак — мифический царь древнего Ирана, один из главных героев «Шах-наме» Фирдоуси. Он узурпировал престол древних иранских царей и угнетал народ. Из плеч у него росли две змеи, питавшиеся мозгом людей. Заххак (от древнеперсидского «аждахак» — дракон, белый змей) — лучи солнца, извивающиеся словно змеи.
- ⁸ Харвар (буквально выюк одного осла) — мера веса, равная 300 кг.

МЕДЖНУН УПРЕКАЕТ НОВФАЛА

- ¹ Намек на поговорку «нести ослов на крышу», т. е. оказывать почести людям, не заслуживающим их. Новфал общается Меджнуну «спустить с крыши» людей племени Лейли, которым незаслуженно сопутствовал успех.

ВТОРОЙ БОЙ НОВФАЛА

- ¹ Абу-Кубейс — название горы.
- ² Т. е. книга его жизни тут же подходила к концу, он мгновенно расстался с жизнью.
- ³ Аджамец — не араб.
- ⁴ Т. е. слезы приносили ему облегчение как противополодие (опиум).

МЕДЖНУН ОСВОБОЖДАЕТ ГАЗЕЛЕЙ

- ¹ Органон — струнный музыкальный инструмент.

МЕДЖНУН ОСВОБОЖДАЕТ ОЛЕНЯ

- ¹ Хабеш — Абиссиния, символ черноты, тьмы.
- ² В подлиннике здесь обыгрывается слово «Чин» (Китай), которое употреблено три раза в различных значениях. Смысл бейта: черные (Хабеш) брови почти нахмурились из-за того, что восточная (китайская) звезда — солнце взошло. Кроме того, Китай в средние века считался зеркалами, и блеск зеркал сравнивается со светом дня.
- ³ Во времена Низами на олени зубы надевали золотые коронки и вешали эти зубы на шею детям, чтобы уберечь их от «дурного глаза».
- ⁴ Миср (Мисир) — Египет. Небесный Миср — небосвод.

МЕДЖНУН РАЗГОВАРИВАЕТ С ВОРОНОМ

- ¹ Кайсар — райская река (см. выше).
- ² Салих — один из пророков, якобы предшествовавших Мухаммеду. В Коране записано, что Аллах послал Салиха к фемудиям, чтобы они поставили их на путь праведный. Они же не послушались его и ответили: «Ты поистине бесноватый, ты ведь такой же человек, как и мы: покажи нам знамение, если ты говоришь правду». В качестве знамения Салих избрал верблюдицу и сказал своим согражданам: «Пусть один день ей будет назначена порция воды, а другой — вам ваша. Не причиняйте ей никакого зла, ибо вы испытали бы за это наказание великого (судного) дня». Верблюдица выпивала в источнике всю воду, которая набиралась за день, и фемудияне могли пить только на другой день. «Они убили ее, но уже на следующий день раскаялись. Наказание настигло их» (Коран, г. XXVI, стих 142—149). Салих и его соплеменники оделись в черную траурную одежду по случаю смерти верблюдицы.
- Иными словами, ворон был бессловесным, словно верблюдица Салиха, и был одет во все черное, как Салих и его соплеменники после смерти священной верблюдицы.
- ³ Гагат — агат.
- ⁴ Хатиб — проповедник; хутба — см. выше.
- ⁵ Во время похода для нахов разбивали шатры черного цвета.

СТАРУХА ВЕДЕТ МЕДЖНУНА К ШАТРУ ЛЕЙЛИ

- ¹ Исмаил — один из сыновей Ибрахима — библейского Авраама, которого он хотел принести в жертву во время праздника. Но Аллах вмешался!

барана Ибрахиму и тем самым спас Исмаила. Исмаилит — член тайной шиитской секты. Исмаилиты были известны в Европе под названием ассасинов (убийц). Низами питал отвращение к исмаилитам, которые убили многих выдающихся представителей Сельджукской династии и атабеков Азербайджана. Смысл второй строки бейта: «Если я обижусь, то буду самым последним поддесом».

ОТЕЦ ВЫДАЕТ ЛЕЙЛИ ЗА ИБН-САЛАМА

- ¹ Т. е. ее красивые слезы образовали вокруг ее изыщного, словно бамбук, стана целый водоем.
- ² Крыши домов на Востоке раньше служили местом отдыха и сна. Т. е. Лейли кружилась, не находя себе места, на крыше, словно змея с отрубленной головой, в мешке.
- ³ Муштари — планета Юпитер, что означает также и «покупатель».
- ⁴ Ман — мера веса от 3 до 12 кг. Поэт обыгрывает полисемантичность этого слова.
- ⁵ Во время казни, когда во дворце в присутствии шаха обезглавливали осужденного, на кожаную подстилку сыпали песок, чтобы кровь не запачкала пол. Иными словами, Ибн-Салам тратил так много золота, словно сыпал песок на ковер, чтобы обезглавить своих соперников.
- ⁶ Т. е. его красноречие было более чудотворным, чем дыхание Масиха (Иисуса Христа), которое якобы воскрешало мертвых.
- ⁷ Чин—Китай, Рум—Византия, Тайфа—арабские владения в Испании.
- ⁸ Русский мальчик—символ белизны, света; нарядка жениха—белая верхняя одежда; араб—символ черноты. Т. е. когда взошло солнце, рассеяв мрак ночи.
- ⁹ Дирхем — золотая монета.
- ¹⁰ Цена молока—выкуп за невесту, как бы плата за молоко матери.
- ¹¹ Для усиления аромата в горящее алоэ подсыпали сахар, Т. е. Лейли, чьи уста благоухали, как благовоение, сгорала, подобно алоэ с сахаром.
- ¹² Гуляб — см. выше.
- ¹³ Галия — благовоение.
- ¹⁴ Библийский афоризм, перешедший в хадисы (беседы пророка Мухаммеда), гласящий, что все люди подобны членам одного организма: если один из них выходит из строя, то и остальные тоже начинают страдать и не повинуются приказу хозяина.
- ¹⁵ Меджнун со светильником в руках искал Лейли, которая была подобна утру.

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О ЗАМУЖЕСТВЕ ЛЕЙЛИ

- ¹ Мугилин — колючий кустарник, растущий на Аравийском полуострове.

МЕДЖНУН ЖАЛУЕТСЯ ОБРАЗУ ЛЕЙЛИ

- ¹ Т. е. ты так красива, что имеешь моральное право пролить чью угодно кровь.

ОТЕЦ НАВЕЩАЕТ МЕДЖНУНА

- ¹ Имеется в виду Абу-л-Фарадж ал-Исфагани (897—967), автор знаменитой книги «Китаб-ал-агани» («Книга песен») — арабский историк и филолог родом из Исфагана.
- ² Якуб — библийский Иаков, Юсиф—Иосиф прекрасный (см. выше).
- ³ В оригинале сложная игра со словами «чанг» (струнный музыкальный инструмент) и флейта. Т. е. он был уже неспособен произнести ни слова.
- ⁴ Т. е. ангел смерти.
- ⁵ В подлиннике сказано: «Он проливал кровь печени над печенью». В классической поэзии под «печенью» подразумевалось самое дорогое, в данном случае сын для отца. «Над сердцем» — над сыном.
- ⁶ Т. е. время скачет галопом.
- ⁷ Сырой — неопытный.
- ⁸ Т. е. человек, укротивший свои страсти, мирские влечения, легко расстается с самой жизнью, ибо спас свою душу.
- ⁹ По поверью дивы — злые духи, обитали под землей, в подземном царстве. Как бы див ни старался обрести человеческий облик, он никогда не обретет его вполне, ибо нрав выдает его.

ОТВЕТ МЕДЖНУНА ОЦУ

- ¹ Имеется в виду игрушечный лев из войлока.
- ² Меджнун сравнивает себя с дорожной землей (пылью), на которой ничто не растет.
- ³ Калям — перо из тростника; здесь имеется в виду божественное перо, которым записаны заранее судьбы всех людей.

ОТЕЦ ПРОЩАЕТСЯ С МЕДЖНУНОМ

- ¹ В средние века на Востоке осужденным выкалывали глаза особой спицей.
- ² Т. е. блажен тот, кто, подобно луне, находится в постоянном движении и не задерживается в этом бренном мире.
- ³ Т. е. мир, подобно злому духу, стремится вырвать печень (сердце) человека, умертвить его.
- ⁴ Т. е. не копи добро, а раздражай его, подобно тому, как мельничный жернов берет зерно, а отдает муку.
- ⁵ Харадж — подать.
- ⁶ Кай — царь, титул древних иранских царей.
- ⁷ См. прим. 5 к главе «Отец выдает Лейли за Ибн-Салама».

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О КОНЧИНЕ ОТЦА

- ¹ Чанг (музыкальный инструмент) имеет изогнутый конец.
- ² Тарикат — правильный путь (в суфийском учении).
- ³ Хакикат — истина (одна из ступеней познания в суфийском учении).
- ⁴ Имеется в виду железное кольцо на воротах (см. выше).
- ⁵ Имеется в виду созвездие Рыбы.

МЕДЖНУН ДРУЖИТ СО ЗВЕРЯМИ

- ¹ Т. е. словно буква «ну», графическое написание которой представляет изогнутую дугу.
- ² Рабия — персонаж легенды, благочестивая отшельница, которая, увидев в пустыне умирающую от жажды собаку (для мусульманина собака — самое поганое, нечистое существо), отрезала свою косу, привязала к ней рубашку, опустила в колодезь и выжато из рубашки водой наполнила собаку.
- ³ Насиб — вступительная часть касиды-панегирика, которая впоследствии (XII в.) превратилась в самостоятельную стихотворную форму — газель.
- ⁴ Дурбаш — копье, которым стражники раздвигали толпу перед шахом.
- ⁵ Сулейман — библейский царь Соломон, признанный Исламом одним из шести могущественных пророков, живших до Мухаммеда. Сулейман якобы владел языком всех животных и птиц.

РАССКАЗ

- ¹ Хотя заяц спит с открытыми глазами, но он в это время ничего не видит. Т. е.: «Как я был слеп!».
- ² Т. е. человек, который кормится за счет другого, так или иначе привязывается к своему благодетелю.

МЕДЖНУН МОЛИТСЯ ПРЕСТОЛУ ВСЕВЫШНЕГО

- ¹ Начало молитвы: «Нет сил и нет могущества кроме как у Аллаха Великого». Этой молитвой мусульмане изгоняли злых духов.
- ² Шестиспишное колесо — небосвод.
- ³ Т. е. созвездия небосвода, кружась вокруг крепости полюса, осаждали его.
- ⁴⁻⁵ Фархад — звезда Бета в созвездии Малой Медведицы; Ладья (Корабль) — звезда в созвездии Большой Реки.
- Здесь и далее названия некоторых созвездий и звезд даны, как в оригинале, т. е. так, как они назывались в средневековой астрономии.
- ⁶ Утарид — планета Меркурий, символ Стрельца.

- ⁷ Зухра — планета Венера.
- ⁸ Маррих — планета Марс.
- ⁹ Бурджис — Сатурн.
- ¹⁰ Кейван — Юпитер.
- ¹¹ В оригинале обыгрывается омонимия слов Хамал (Овен) и «хиал» — дуга, четырнадцатидневная Луна, полумесяц. Т. е. образ Овна, отраженный в улыбке Луны, отражается на челе небосвода.
- ¹² Согласно легенде, Морской бык (Телец) держит в ноздрях блестящий жемчуг, который освещает ему путь во тьме.
- ¹³ Хука и Хуна — названия созвездий.
- ¹⁴ Рак — созвездие; Зира — название созвездия, одновременно обозначающее «локоть». Поэт обыгрывает полисемантичность этого слова. Хищные когти (клешни) — название созвездия.
- ¹⁵ Нусра, Туфра — названия созвездий. Нисар — драгоценности, которыми посыпали дорогу перед знатными лицами.
- ¹⁶ Джабха — название созвездия.
- ¹⁷ Сердце Льва — звезда Регул; Лев, Уд — созвездия.
- ¹⁸ Сунбула Девотлика — созвездие Девы; Суфра — название одного из созвездий, в которых останавливается луна.
- ¹⁹ Лепешки и Чаша Сирот — созвездия; Гафр — название созвездия, что одновременно обозначает «милость».
- ²⁰ Веса — созвездие. Далее обыгрывается лексическое и терминологическое значение этого слова. Под языком имеются в виду язычки весов и одновременно Язык — название одного из созвездий.
- ²¹ ²² Рыбы (Самак), Пес, Лев, Венок, Сердце, Скорпион, Лук — названия созвездий.
- ²³ Благо (Наамамы), Вывоз, Ввоз, Правитель — названия звезд.
- ²⁴ Имеется в виду сказка о том, как обезьяну заставляли обучаться ткацкому искусству, а именно, у нее на глазах козлу отрезали голову, давая тем самым понять: смотри, и тебя может постигнуть та же участь.
- ²⁵ Забих, Сад и Ахбия — названия созвездий.
- ²⁶ Обжора — название звезды.
- ²⁷ Муккадам и Муаххар — буквально Передовой и Последний — названия звезд.
- ²⁸ Паланкин, Верблюдица, Альриша — названия звезд и созвездий.
- ²⁹ Т. е. по Млечному пути.
- ³⁰ Треугольник и Овен — созвездия.
- ³¹ Айук — звезда.
- ³² Треножник котла — название созвездия.
- ³³ Орлы (Летающий и Стоячий) — названия созвездия и звезды.
- ³⁴ Слагательница стихов — звезда Канопус. Именцы — звезды Максута и Макбуза.
- ³⁵ Ворон — созвездие.
- ³⁶ Сайар (Меченосец) — звезда.
- ³⁷ Голова Юга — Южный полюс, Альфард — Одинокая звезда.
- ³⁸ Престол — Луна; Третья и Четвертая (планеты) — Марс и Юпитер.

- ³⁹ Копьеносец и Безоружный, Альякор и Зоркие — названия звезд.
⁴⁰ Волчий хвост — звезда, которая сравнивается с Иосифом Прекрасным, брошенным братьями в колодезь (см. выше).
⁴¹ Мертвец, Конь, Чтец — названия звезд.

МЕДЖНУН ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО ОТ ЛЕЙЛИ

- ¹ Т. е. в тот день ему должна была сопутствовать удача.

МЕДЖНУН ВЗЫВАЕТ К МУШТАРИ

- ¹ Гулястан — цветник роз, райский сад.
² Джим — буква «дж» арабского алфавита, которая изображается в виде кривой дуги и обычно сравнивается с кудрявыми волосами. Алиф — первая буква арабского алфавита, изображаемая в виде прямой палочки; с ней сравнивается стройный стан. Мим — буква «м», которая в середине слова изображается в виде маленькой дуги, кружка; обычно сравнивается с маленьким ртом возлюбленной.
³ Джамшид (см. выше). Его волшебная чаша называлась «джам». Поэт обыгрывает созвучность этих слов.
⁴ «Чет и печет» — название игры.
⁵ Аля — любимый раб султана Махмуда Газневидского (см. выше).
⁶ Т. е. она кровавыми слезами поливала свои ланиты, а лицо ее стало бледным, как лунный свет.
⁷ Ханагах — обитель аскетов.
⁸ Голубой цвет символизировал скорбь, печаль.

СОДЕРЖАНИЕ ПИСЬМА ЛЕЙЛИ К МЕДЖНУНУ

- ¹ Все письма и документы в то время начинались с формулы: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного».

ОТВЕТ МЕДЖНУНА НА ПИСЬМО ЛЕЙЛИ

- ¹ Раньше у царей и вельмож существовали специальные слуги, носившие запасные седла (попоны), чтобы подчеркнуть богатство и знатность своих хозяев. Т. е. я являюсь твоим слугой.
² Если заботливо ухаживать за землей, на ней вырастет роза, а если пренебрегать ею, ничего не вырастет. Т. е. будь нежна со мной, ведь себя с достоинством, как госпожа, а я останусь твоим рабом.
³ Буквально «Ты записала мое имя на доску изовья, т. е. не придаешь никакого значения моим чувствам».

- ⁴ Т. е. нож, играя (без труда), срезает цветок лилии, который сравнивается с длинным языком.
⁵ В оригинале: В саду, роза, собирающая лень, Отрубил голову негру, собирающему финики.

МЕДЖНУНА НАВЕЩАЕТ ДЯДЯ СЕЛИМ АМИРИТ

- ¹ Самирит — легендарный чародей.

РАССКАЗ

- ¹ Хаджиб — камердинер шаха.

СВИДАНИЕ МЕДЖНУНА С МАТЕРЬЮ

- ¹ Имеется в виду игра в нарды. Смысл бейта: как шашки не задерживаются на своих клетках, так и мне суждена жизнь скитальца.
² Т. е. на носилках, у которых четыре конца, отправившись на тот свет.
³ Слово мускус, распространив вокруг себя благоухание, радость.

МЕДЖНУН УЗНАЕТ О КОНЧИНЕ МАТЕРИ

- ¹ Т. е. солнце победило своих ночных соперников (звезды и планеты) и возшло над горизонтом.
² Т. е. утро разлило свой свет над миром.
³ Печень (см. выше), по представлению восточной медицины, вместилище всех человеческих страданий и невзгод, а сердце — источник разума.
⁴ Пустой алиф — буква, которая пишется, но не произносится.

МЕДЖНУН ПОЕТ ГАЗЕЛЬ ЛЕЙЛАН

- ¹ Буквально: «Мы показываем фокус с шаром, без шара и глаз», т. е. мы — фокусники, которым нечего показать.
² Черные индусы в те времена обычно служили стражниками при шахах и правителях. Меджун сравнивает себя с ними.
³ Финиками поэт называет сладкие уста Лейлан.

САЛАМ БАГДАДСКИЙ ЗНАКОМИТСЯ С МЕДЖНУНОМ

- ¹ Салам означает привет.

ОТВЕТ МЕДЖНУНА САЛАМУ БАГДАДСКОМУ

- ¹ Алоэ возжигали в курильницах как благовоние.
² Т. е. если лук слаб и его тетиву легко натянуть, то твоя стрела не попадет в цель, ты огорчишься; если же тетива тугая и ты не сумеешь натянуть ее, ты смутисься.

ОПИСАНИЕ ЛЮБВИ ЗЕЙДА К ЗЕЙНАБ

- ¹ Амр и Зейд — легендарные друзья в арабских преданиях.
- ² Тараз — название города в Туркестане, жители которого отличались белизной и красотой.
- ³ Выше Зейда ты хотел подняться (стать знаменитее). Зейд — очень распространённое имя, которое знают буквально все, т. е. нельзя быть известнее Зейда.
- ⁴ Барбат — см. выше.
- ⁵ Гнилое дерево с четырьмя корнями — этот мир, который зиждется на четырех стихиях.
- ⁶ В тексте: «Отрывать душу от этих четырех колеб». См. предыдущее примечание.
- ⁷ «Он» — ангел смерти.
- ⁸ Если посадить одно лишь ядрышко миндаля, без скорлупы, оно не взойдет, сгниет, станет черным (как негрита), послужит «удобрением для могил». Здесь и в предыдущем бейте Меджнун подразумевает, что когда он раскрыл свою душу (стал обнаженным), то обрел белизну (красоту души).

КОНЧИНА ИБН-САЛАМА, МУЖА ЛЕЙЛИ

- ¹ По поверью, во время затмения луны ее проглатывает небесный дракон. Здесь дракон — Ибн-Салам, луна — Лейли.
- ² Т. е. занималась самообманом.
- ³ Т. е. этот мир с семью обитаемыми частями, девятью небесами, четырьмя стихиями.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН СОЕДИНЯЮТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ

- ¹ Новруз — весенний праздник, Новый год по мусульманскому календарю.
- ² Хумаи (Гамаюн) — сказочная птица, по поверью, приносящая счастье.
- ³ Так в оригинале. Видимо, имеется в виду Зейнаб.
- ⁴ Золото халифата — самое чистое золото, с которым здесь сравнивается Меджнун.
- ⁵ Амр и Аси — широко распространенные в то время имена. Т. е. не допускал всех посторонних.
- ⁶ Дейлемцы — жители Дейлеса (Иран), носившие длинные волосы.
- ⁷ В тексте: «Были поражены эти изображения небесного циркуля (человеческие тела)». Т. е. влюбленные были так потрясены своим свиданием, что не могли вымолвить ни слова и застыли, как фрески, украшавшие стены дворцов.
- ⁸ «Лам» и «амр» — две буквы арабского письма, соединяясь, образуют слитное написание «Ла».

⁹ Т. е. осыпала его сладкими поцелуями.

¹⁰ Галия — см. выше.

¹¹ — ¹² Т. е. осыпала его голову поцелуями.

¹³ Миср (Египет) — источник бальзама и благовоний. Хабеш (Абиссиния) — источник амбры, одновременно символизирует черный цвет.

¹⁴ Т. е. подбородок был округл и прекрасен.

¹⁵ Автор этой главы имеет здесь в виду самого себя.

¹⁶ Т. е. страдающему желчью (заболеваниями печени, желчного пузыря) противопоказано сладкое (сахар).

ПРИБЛИЖЕНИЕ ОСЕНИ И КОНЧИНА ЛЕЙЛИ

- ¹ — ² Индус в классической поэзии — символ стражника, здесь — стражник сада. Раньше садоводы-крестьяне срезали виноградные лозы с гроздьями черного винограда и вешали на балконах, сохраняя их таким образом долгое время.
- ³ Гиулистан — цветник роз. Здесь — Лейли.
- ⁴ Сахар — губы Лейли.
- ⁵ На луноподобную Лейли мать надела ожерелье из слез, подобных звездам.

ПЛАЧ МЕДЖНУНА НАД МОГИЛОЙ ЛЕЙЛИ

- ¹ Т. е. писатель, записавший эту повесть. Имеется в виду Абу-Баир ал-Валиби. Тугра — титульный лист.
- ² В некоторых рукописях вместо «Кейс» написано «Зейд».

ЭЛЕГИЯ МЕДЖНУНА НАД МОГИЛОЙ ЛЕЙЛИ

- ¹ Фархад (Макушки) — яркая звезда (Бета Малой Медведицы).
- ² Т. е. он кружил вокруг могилы любимой, и не было у него сил покинуть это место.

КОНЧИНА МЕДЖНУНА У МОГИЛЫ ЛЕЙЛИ

- ¹ Сельджукиды — династия царей, правивших в Иране в средние века.

ПЛЕМЯ МЕДЖНУНА УЗНАЕТ О ЕГО КОНЧИНЕ

- ¹ Т. е. его тело омыли и умастили амброй, очистили, как очищают жемчужину.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ С ИМЕНЕМ ШИРВАНШАХА

¹ Лукман — легендарный мудрец древности.

² В некоторых рукописях приводится другой вариант:

Страну ты мудростью оберегай,
От нападенй тюркских охраняй.

По этому поводу см. предисловие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рустам Алиев. Низами и его поэма «Лейли и Меджнун»	5
Начало книги. Во имя Аллаха, милостивого и милосердного	33
Славословие пророку — да благословит его Аллах и да приветствует!	42
Мирадж пророка	45
Вское доказательство сотворенности сущего	51
Начало доказательства	52
Причина сочинения книги	59
Во славу ширваншаха Ахсатана, сына Манучихра	67
Челобитная	74
О поручении своего сына сыну ширваншаха	77
Жалоба на завистников и злопыхателей	80
Просьба о прощении за свои жалобы	85
Назидание своему сыну Мухаммеду Низами	86
О пользе немногословия	88
Поминание некоторых усопших близких	89
Поминание отца	90
Поминание матери	91
Поминание дяди Хадже Умара	92
Поминание усопших друзей и о дружбе с другими	93
О предании своего бытия забвению	93
О забвении тщеславия	94
О забвении прошедшей жизни	95
Об отказе от беспомощности и застенчивости	95
Притча	96
О том, что нельзя терпеть гнет	97
Об отказе от служения царям	98
О том, что не следует отнимать у людей хлеб насущный	99
О радости довольства малым	100
О радости служения народу	100
О скромности, которая приводит к величю	101
О сочинении слов в уединении	102
Начало повести	102
О том, как Лейли и Кейс полюбили друг друга	108

О свойствах любви Меджнуна	113
Меджнун отправляется на встречу с Лейли	116
Отец Меджнуна отправляется сватать Лейли	118
Плач Меджнуна от любви к Лейли	124
Отец увозит Меджнуна в Каабу	132
Отец Меджнуна узнает о намерении племени Лейли	136
Отец наставляет Меджнуна	141
Ответ Меджнуна отцу	145
Рассказ	147
О состоянии Лейли	150
Лейли отправляется гулять по саду	156
Сватовство Ибн-Салама к Лейли	162
Новфаа посещает Меджнуна	165
Меджнун упрекает Новфаа	172
Битва Новфаа с племенем Лейли	174
Меджнун упрекает Новфаа	181
Второй бой Новфаа	183
Меджнун освобождает газелей	192
Меджнун освобождает оленя	196
Меджнун разговаривает с вороном	201
Старуха ведет Меджнуна к шатру Лейли	204
Отец выдает Лейли за Ибн-Салама	210
Ибн-Салам увозит Лейли в свой дом	216
Меджнун узнает о замужестве Лейли	219
Меджнун жалуется образу Лейли	224
Отец навещает Меджнуна	229
Ответ Меджнуна отцу	236
Отец прощается с Меджнуном	239
Меджнун узнает о кончине отца	245
Меджнун дружит со зверями	250
Рассказ	255
Меджнун молится чертогу Всевышнего	259
Меджнун взывает к Зухре	264
Меджнун взывает к Муштари	264
Меджнун молится чертогу Господнему	265
Меджнун получает письмо от Лейли	267
Содержание письма Лейли Меджнуну	275
Ответ Меджнуна на письмо Лейли	281
Меджнуна навещает дядя Салим Амрит	290
Рассказ	295
Свидание Меджнуна с матерью	296
Меджнун узнает о кончине матери	301
Лейли призывает Меджнуна	305
Меджнун поет газель Лейли	312
Салам Багдадский знакомится с Меджнуном	319
Ответ Меджнуна Саламу Багдадскому	323

Описание душевного величия Меджнуна	329
Описание любви Зейда к Зейнаб	331
Кончина Ибн-Салама, мужа Лейли	341
Свидание Зейда с Зейнаб	348
Лейли молится Господу всевышнему и всеславному	352
Лейли и Меджнун соединятся друг с другом	354
Приближение осени и кончина Лейли	370
Плач Меджнуна над могилой Лейли	378
Элегия Меджнуна над могилой Лейли	383
Салам Багдадский во второй раз встречается с Меджнуном	388
Кончина Меджнуна у могилы Лейли	393
Племя Меджнуна узнает о его кончине	397
Зейд видит во сне Лейли и Меджнуна в раю	400
Заключение книги с именем ширваншаха	405
Комментарии	411

Низами Гянджеви.

Н64 Лейли и Меджнун. Поэма. Поэтич. перевод
А. Старостина. Вступит. статья и коммент. Р. Алиева.
Б., Язычы, 1982.

439 с. портрет.

В своей поэме «Лейли и Меджнун» — третьей по счету в известной «Хамсе» — Низами Гянджеви обратился к теме любви. Легенда о любви Лейли и Меджнуна очень древняя. Низами обогатил ее новыми поэтическими чертами, идеями и мотивами, создав абсолютно своеобразное произведение, вошедшее в сокровищницу мировой литературы.

Н 70403—119 Реш. кол. Госкомиздата 4702060100 С(Аз)1
М—656—82

Низами Гянджеви

ЛЕЙЛИ ВЭ МЕДЖНУН

Поэма

Баку — 1982

„Язычы“ поширлжаты, 370088,

Баку, Киров проспекти 18.

Редактор издательства *Н. Хатунцев.*

Художник *И. Габасов.*

Художественный редактор

А. Македов.

Технический редактор

В. Платкина.

Корректоры

Н. Шамшура, Т. Кязимова.

Сдано в набор 16. 03. 1982 г. Подписано к печати 29. 08. 1982 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. и условн. п. л. 27,5+1 бл. Учетн.-изд. л. 18,0. Заказ № 137. Тираж 15.000. Цена 2 руб.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Издательство „Язычы“, 370088 Баку, проспект Кирова, 18.

Типография „Красный Восток“. 370018 Баку, ул. Ази Асланова, 80.

